

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№5 МАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

О жизни и творчестве художника Василия Поленова
читайте на стр. 66

Год литературы

<i>Алла Зубкова</i>	Планета по имени Андрей Белый5
---------------------	---

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Легендарный командарм22
--------------------------------	--------------------------------------

Замечательные современники

<i>Роман Тимофеев</i>	Поэзия 3
<i>Александр Аннин</i>	Юрий Липатов: «Мне повезло с родителями, научившими меня быть честным во всем и идти прямой дорогой по жизни...» 38
<i>Елена Воробьева</i>	Кристина Мхитарян: «Мои мечты сбываются!» 78
<i>Андрей Колобаев</i>	Дмитрий Харатьян: «Без фортуны актерская профессия существовать не может...» 124

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Василий Поленов. «Христос и грешница» 66
---------------------	---

Год литературы

<i>Денис Логинов</i>	«Отец Лолиты»86
<i>Валентин Осипов</i>	Михаил Шолохов106

Нам пишут

<i>Тамара Тызина</i>	Письмо в редакцию 104
----------------------	------------------------------------

Это интересно

<i>Евгения Гордиенко</i>	Сюрреализм и мода 134
--------------------------	------------------------------------

Остросюжетная повесть

<i>Наталья Солдатова</i>	Я падаю...146
--------------------------	----------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.04.2015

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Роман Тимофеев

майор в отставке,
кавалер орденов Отечественной войны
I и II степени,
двух орденов Красной Звезды,
медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги»

9 МАЯ 1945 ГОДА

— Ура! Окончена война!
— Ура! Окончена война!
Сорвете голос, старшина,
И ты, сержант, мой лучший друг,
Вы тишину вспугнете вдруг.
Прислушайтесь, прошу я вас —
Какой на свете тихий час,
И только сердца громкий стук.

Танк долу пушку опустил,
А что, в нем не хватило сил?
Броню в атаках износил?
Броня крепка, снарядов впрок —
Нужды не стало гнать вперед.
Сползает с крыш последний дым,
Мы не воюем, а глядим
На Эльбу — смирная течет.

За мир, чтоб сгнула война,
Какая отдана цена!
Поет и плачет старшина —
Пришел-таки конец фронтам,

Вот-вот, и всем нам по домам!
Сибиряка обнял пермяк,
А киевлянина — остяк,
И мажут слезы по щекам...

И вдруг, как тысяча громов,
По небу белых облаков
Взыграл салют из всех стволов —
Последний выстрел на войне —
Как нужен был он тишине!
Заветный час — восьмое чудо:
Вздохнул — и с плеч четыре пуда,
Четыре года, как во сне...

С поры, когда последний бой
Затих на всей передовой,
Минутам счет пошел другой.
На радость, что душа ждала,
Заря Победы расцвела,
Настало утро в свой черед,
И про войну сегодня вот
Впервые сказано — б ы л а!

« По сути, превращение из просто командира Красной армии в легенду началось еще при жизни Чапаева — благодаря солдатской удали и полководческим талантам. Однако окончательный вариант «мифа о Чапаеве» сформировался благодаря книге Фурманова (в жизни — боевой товарищ Чапаева, один из комиссаров Чапаевской дивизии). Если бы не книга и не фильм братьев Васильевых, быть бы Чапаеву «одним из» — легендарных командиров в Красной армии хватало. Попробуем разобраться — что же это за феномен такой — легендарный Чапай...

Светлана **Бестужева-Лада** «Чапай»

« Именно потому, что он писал о «загадочной русской душе», Федор Михайлович Достоевский невероятно популярен за рубежом. Никого из иностранных авторов не переводят с такой охотой, не переиздают в таком огромном количестве и не изучают с таким жаром, как Достоевского. Ницше называл его «величайшим открытием своей жизни». Курт Воннегут говорил: «Если вы хотите все знать о жизни, прочтите «Братьев Карамазовых». Его почитали Хемингуэй, Цвейг, Камю и многие другие писатели и мыслители. Достоевский — это символ русской души, почти всегда — больной, смутной и совершенно непонятной для многих...

Денис **Логинов** «Наказание без преступления»

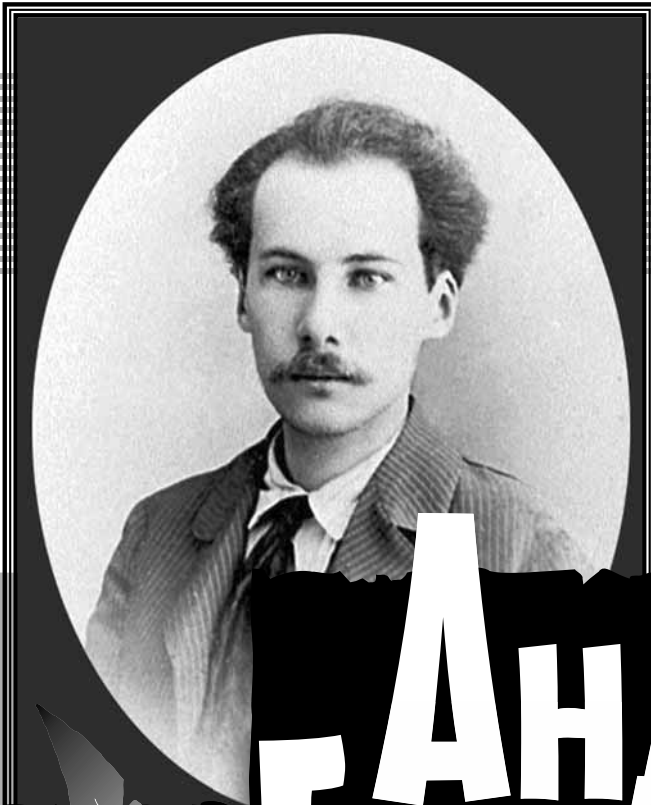
« Беспризорник, детдомовец — так начинался жизненный путь одного из самых талантливых современных русских писателей Виктора Астафьева. Затем была война, лишившая его юности, участие в боях на Курской дуге, за Украину и Польшу. Военные подвиги будущего писателя отмечены многими орденами и медалями. Но писательское ремесло неудержимо манило его. По существу самоучка, он добился в литературе таких высот и наград, которые не каждому были даны. Последние дни своей жизни писатель провел на родине в Овсянке, где и был похоронен в 2001-м году.

Илья **Рюмин** «Убитый словом»

« Испокон веков говорят — в здоровом теле здоровый дух, и огромную роль в этом играет наша медицина. О том, как она развивается, и как решаются связанные с ней многочисленные проблемы, рассказывает в беседе с нашим журналистом Татьяной Харламовой профессор, доктор медицинских наук, известный иммунолог и аллерголог Жанна Бетовна **Понежева**.

« Детектив Андрея **Дышева** «Дальнобойщица»

Алла Зубкова

Планета
по имени

Андрей Белый

Должно быть, в его натуре было заложено больше, чем может использовать один человек. Именно поэтому ему не удалось полностью раскрыть свой «гениально-хаотический талант», который признавали многие современники. Да, его называли гением, но тут же следовали обидные оговорки. Б. Пастернак говорил о гениальности Белого как о «разгулявшейся вхолостую». Н. Гумилев выразился еще жестче: «Человеку этому был дан гений, который он ухитрился загубить». Справедливо? Быть может. Но не будем торопиться с выводами. Ведь Белый — это целая планета со своим миром и особой жизнью.

Женщины... Их роль в его судьбе трудно переоценить.

До конца жизни так и не смог Белый залечить психологическую травму, которую нанесла ему несчастная любовь к жене Александра Блока,

Любови Дмитриевне Менделеевой. Отношения этих незаурядных людей отнюдь не укладываются в рамки банального треугольника.

Любовь «плотская», идеальная, мистика и даже магия на какое-то время причудливо соединила судьбы Белого, его собрата по перу В. Брюсова и молодую писательницу Н. Петровскую. Эта история лишь благодаря случайности не закончилась трагически.

Ну а мучительный разрыв с первой женой, Асей Тургеневой, дальней родственницей великого писателя, «королевой» поэзии Белого! Ведь он тогда чуть не пропал, не сгинул от обрушившегося на него несчастья. И испытания его этим отнюдь не закончились...

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) появился на свет в Москве 14 октября 1880 года в семье профессора Н.В. Бугаева, математика с мировым именем. Человек блестящего ума, всесторонней образованности и большой человеческой доброты, профессор Бугаев был ... очень некрасив, настолько, что многие современники называли его даже безобразным. Ему было уже за сорок, когда он пленился одной из первых московских красавиц А.Е. Егоровой. Именно ее, королеву многих московских балов, изобразил в образе невесты знаменитый художник К. Маковский на своей картине «Боярская свадьба». Она согласилась стать женой профессора только после четвертого предложения руки и сердца, «из уважения к его имени». О любви, разумеется, здесь говорить не приходилось. Физическому несходству супругов от-

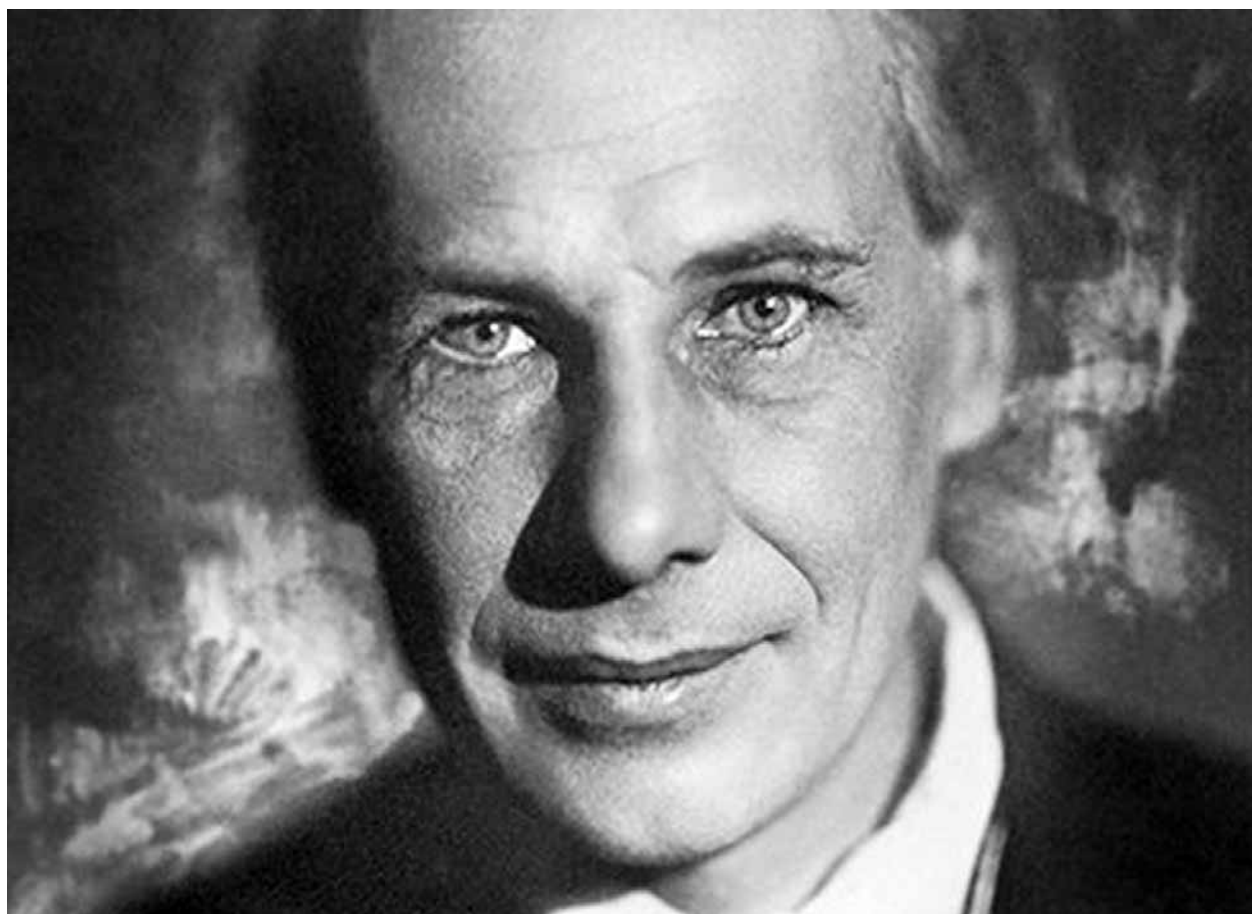
вечало и расхождение внутреннее. Ни умом, ни уровнем интересов друг другу они не подходили. Жена ненавидела науку, которой занимался муж, и, став матерью, больше всего боялась, что обожаемый сын пойдет по стопам отца. Огромный «бугаевский» лоб Бореньки она прятала под роскошными длинными кудрями и едва ли не до пяти лет одевала его в платьица с кружавчиками. Но это еще полбеды. Навязчивой идеей было у нее не допустить «чрезмерно» раннего развития ребенка. Малыш без посторонней помощи научился складывать слова по кубикам и читать их. Узнав об этом, мать запретила подобные «забавы». В результате ребенок забыл буквы. Позднее, уже в возрасте семи лет, ему пришлось заново учиться грамоте, причем ученье давалось на этот раз с большим трудом. Разумеется, профессора этот «карантин» на знания

бесил. Боренька становился яблоком раздора в семье, его буквально разрывали на части. Стычки и ссоры, часто кончавшиеся истериками, были обычны в доме. Естественно, психика ребенка не могла не пострадать. Эти «грозы», как позднее он сам называл их, оказали глубочайшее влияние на характер будущего писателя.

Конечно же, мать желала сыну только добра. Прекрасная музыкантша, она вводила трехлетнего малыша в прекрасный мир звуков. Бетховен, Шопен, Шуман оказывали гип-

тература — Майн Рид, Фенимор Купер, Диккенс.

Одиннадцатилетнего Борю отдали в одну из лучших московских школ — гимназию Поливанова. Первый год он, что называется, «на коне», отличник, любимец педагогов и товарищей. Но затем его рвение к школьным предметам ослабело, и он стал едва ли не изгоем в классе. Учитель латыни терроризировал его, товарищи избирали мишенью для своих шуток. Спасительным противоядием от всех бед был все усили-

нотическое действие на мальчика. Более позднее увлечение театром — тоже от нее. Ну а потом, конечно, ли-

вающийся интерес к литературе. В нем пробудилась серьезная любовь к русской поэзии — Пушкину,

Жуковскому, Полонскому. И уже тогда он начал строить свой особый мир — таинственный и мистический, в котором видел себя таким, каким хотел видеть. Запойное чтение, сильно развитое воображение, отсутствие друзей-сверстников, все это естественным образом подводило его к первым прозам пера. Лирические стихи, фантастическая повесть, в которой выступает йог, убивающий взглядом, — все это он пока писал лишь для себя.

В то же время Борис начал интересоваться входящим в моду символизмом. В классе он постепенно становился законодателем литературных вкусов. Вернул любовь товарищей, уважение учителей и в 1899 году с блеском окончил гимназию. Под

Однако его литературный талант мужал удивительно быстро. 1901-й год считается началом биографии Андрея Белого. Именно тогда он подписал этим псевдонимом свое первое самостоятельное произведение — «Северную Симфонию». Вскоре молодой поэт познакомился с Брюсовым, Гиппиус, Мережковским, Блоком, а еще через год уже приобрел известность как литератор — символист.

Весной 1903 года Борис окончил университет с дипломом первой степени. Правда, на экзамене один из доцентов, на дух не принимавший новую поэзию, пытался провалить его, а старенький профессор, помнивший Бореньку еще в платьице и локонах, отказывался подать ему руку, но это

Будущее показало, что пророческий и провидческий дар Белого уникален. В начале 20-х годов в одном из своих стихотворений он говорит о создании... атомной бомбы — за двадцать лет до того, как ученым удалось это сделать!

влиянием отца в том же году он поступил на естественный факультет Московского университета. Однако, штудировав анатомию, гистологию, химию и физику, юноша находил время и для интенсивных литературных занятий, даже написал мистерию и две драмы. Правда, все это пока еще не выходило за рамки ученичества.

никак не могло омрачить радости старшего Бугаева. Впрочем, радость эта оказалась кратковременной. Выполнив свой сыновний долг, Борис отошел от естествознания. Наука потеряла Бориса Бугаева, зато литература приобрела Андрея Белого.

Будущее показало, что пророческий и провидческий дар Белого

*Нина
Петровская*

уникален. И не только в гуманитарной сфере. В начале двадцатых годов в одном из своих стихотворений он говорит о создании ... атомной бомбы. Больше, чем за двадцать лет до того, как ученым удалось это сделать. Каково?

Но в начале девяностых Белый еще молод, полон сил и честолюбивых надежд, к тому же довольно хорош собой. Высокий лоб, светлые кудри, голубые, как небесная лазурь, глаза с черными, загнутыми кверху ресницами. Держался он церемонно-вежливо. На всем его облике лежала печать природы мягкой, страшно чувствительной, он мог мгновенно вспыхнуть, потерять голову, если ему вдруг чудились какие-то враждеб-

ные флюиды. Худощавый, физически не очень сильный, но при этом отличающийся какой-то врожденной ловкостью движений. В детстве он занимался гимнастикой, великолепно ездил верхом, а в студенческие годы много и хорошо танцевал, мог сплясать и русскую. Причем, совершенно не боялся высоты. В университете, когда работал в химической лаборатории, любил, балансируя, прохаживаться по балюстраде крыши здания со стаканом чая в руках. Впрочем, это все, так сказать, информация к размышлению.

Начало девятисотых годов стало временем первых побед нового искусства, в том числе и символизма. Все большую известность получало

*Любовь
Дмитриевна
Менделеева*

творчество М. Волошина, З. Гиппиус, А. Блока. К этой когорте присоединился и Андрей Белый. Чем был символизм для молодого литератора? Он полагал, что правильно выбранные и использованные языковые средства могут воздействовать не только на сознание, но и, подобно музыке, на воображение и эмоции человека. Более того, для него символизм являлся не просто литературным направлением, а способом существования, в рамках которого общение людей основывается на взаимопонимании и сочувствии. В реальной жизни, однако, ему не всегда удавалось следовать этим постулатам.

В 1903 году Белый познакомился и сблизился с молодой писательни-

цей Ниной Петровской. Отношение экзальтированной женщины к Белому вполне можно назвать благоговейным. Их связь, поначалу чисто духовную, он тоже воспринимал, как реальное воплощение проповедуемых им новых человеческих отношений, однако вскоре стал подозревать, что Нина в него просто влюблена. Ему же представлялось, что особенный, мистический, как он считал, смысл их отношений физическая любовь может лишь осквернить. Тем более что сам он Нину понастоящему не любил, хотя и посвятил ей строки:

*Он был пророк —
Она сибилла в храме.
Любовь их как цветок*

*Горела розами в закатном
фимиаме.*

Однако Нина упорно не желала видеть в своей любви лишь символ высоких начал. В начале 1904 года произошло «грехопадение» Белого. Вообще-то он отнюдь не был противником «земного» общения с женщинами. Вот что писал об этом близко знавший его известный писатель Ходасевич: «Тактика у него всегда была одна и та же: он чаровал женщин своим обаянием, почти волшебным, являясь им в мистическом ореоле, заранее как бы исключаящим всякую мысль о каких-либо чувствительных домогательствах с его стороны. Затем внезапно давал волю этим домогательствам, и, если женщина, пораженная неожиданностью, а иногда

альному роману Белый воспринял как унижительное падение и резко порвал с Ниной. Но этот драматический разрыв не поставил завершающую точку в их взаимоотношениях. На сцене появился Валерий Брюсов. Еще во время романа с Белым Нина сделала его поверенным своих чувств. Брюсов в то время увлекался оккультизмом, спиритизмом и черной магией. С Белым его связывали сложные отношения — причудливая смесь вражды, дружбы, творческого соперничества и ревности. Он начал заниматься с Ниной магическими опытами, будто для того, чтобы вернуть ей любовь Белого. В результате их совместные занятия привели к тому, что Нина влюбилась в Брюсова. Но это еще не все. Брю-

Он был очень хорош собой. Высокий лоб, светлые кудри, голубые глаза с черными, загнутыми кверху ресницами, с какой-то врожденной грацией и ловкостью движений — на всем его облике лежала печать природы мягкой, страшно чувствительной, готовой вспыхнуть в любую секунду...

и оскорбленная, не отвечала ему взаимностью, приходил в бешенство. Обратно: всякий раз, как ему удавалось добиться желаемого, он чувствовал себя оскверненным и запятанным, и тоже приходил в бешенство».

Развитие отношений с Петровской от «небесной любви» к триви-

сов пытался убедить Белого в том, что силой гипноза внушает ему «любовь к изменному, к мраку». В самом ли деле он прибегал к подобным «гипнотическим экспериментам» или только имитировал их, не суть важно. Главное, впечатлительный Белый искренне уверовал в то,

что имеет дело с демоном-искусителем и служителем тьмы. Ему потребовалось немало сил для того, чтобы стряхнуть с себя это навязание.

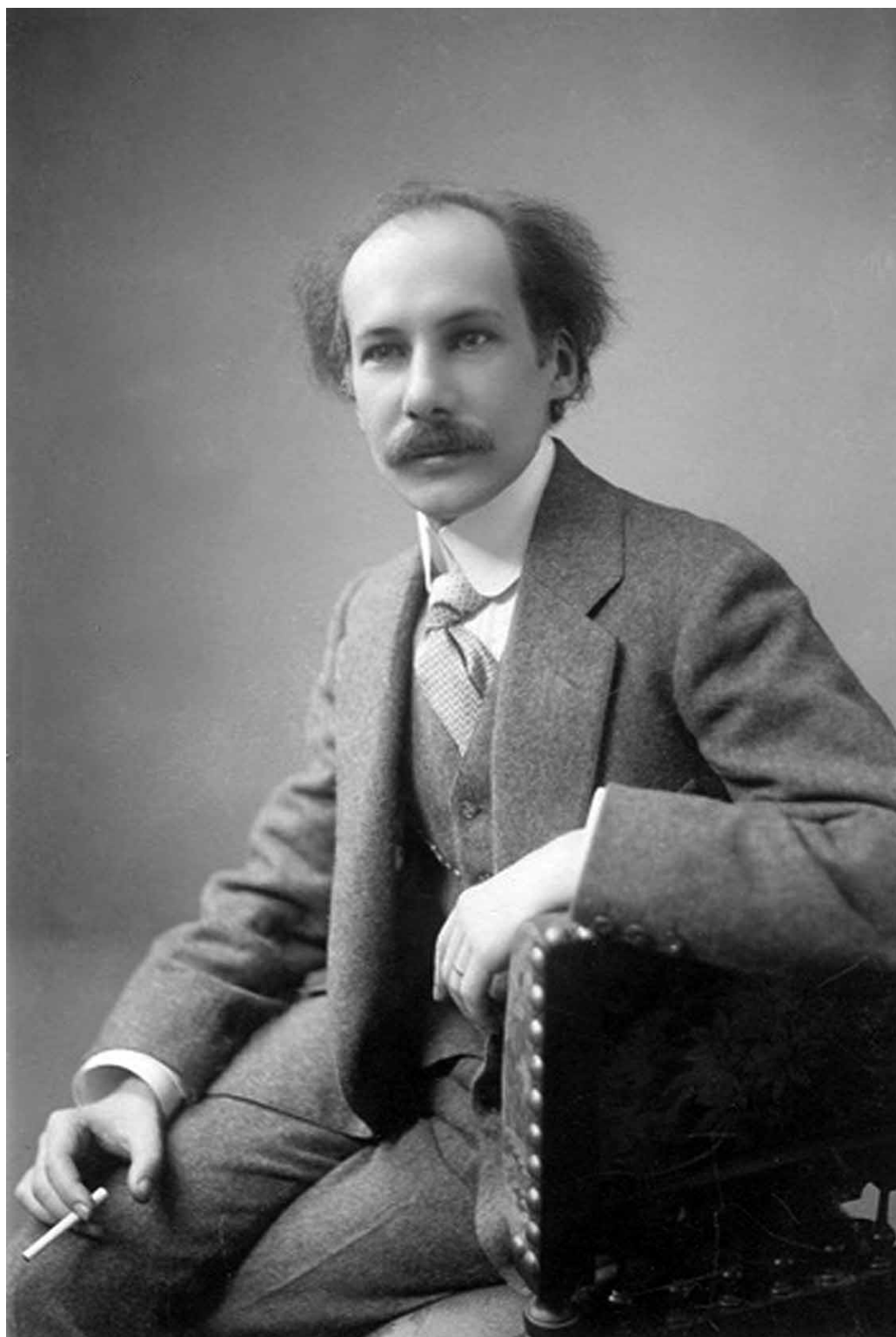
Нина, в конце концов, наскучила Брюсову, и он бросил ее. Но эта история имела продолжение. Весной 1905 года в Москве в зале Политехнического музея после лекции Белого Нина Петровская подошла к нему и выстрелила из браунинга. Револьвер дал осечку, и его выхватили из ее рук. Существует и другая версия: Нина в самом деле собиралась стрелять в Белого, но потом якобы передумала и стала целиться в Брюсова, а тот выхватил у нее револьвер. Сказать сегодня, как именно развивались те события, уже не представляется возможным. Как бы то ни было, дальнейшая судьба Петровской поистине трагична. Она пристрастилась к морфию, уехала за границу, жила в нищете. В 1928 году в Париже покончила с собой, открыв газ в своем номере дешевого отеля.

В январе 1904 года Белый познакомился с Александром Блоком и его молодой женой Любовью Дмитриевной (урожденной Менделеевой). К лету он уже был страстно влюблен в нее. На этот раз речь не шла, как в случае с Петровской, лишь о «единении души». Белый влюбился до умопомрачения. Он обожал эту женщину с «разбойным разрезом глаз», золотистыми волосами и изумительным «миндального

лепестка» цветом лица. Перед Блоком, с которым его связывали дружеские отношения, чувства вины он не испытывал. Любовь Дмитриевна как-то призналась ему, что их брак уже несколько месяцев можно назвать фиктивным, так как Блок, периодически болевший венерическими болезнями, объяснил жене, что им следует избегать физической близости.

Всецело захваченный своим чувством, Белый предложил Любови Дмитриевне соединить их судьбы. Она долго колебалась, а Блок хранил молчание и фактически устранился от принятия каких-либо решений. В течение нескольких месяцев продолжалось выяснение отношений, тяжкое для всех участников драмы, но особенно для Белого, дошедшего до состояния полного духовного надрыва. Что же касается Любови Дмитриевны, то она, разрываясь между двумя сердечными привязанностями, принимала одно за другим прямо противоположные решения. Несколько раз она поддавалась просьбам Белого и соглашалась порвать с мужем, но спустя короткое время снова отказывалась от этого. Белого она, скорее всего, не любила, просто порой попадала под влияние его бурного темперамента.

А сам Белый был как в бреду. Нервное расстройство приобрело у него болезненные формы. Порой он доходил до крайнего самоуничтожения, выражая готовность стерпеть

все, лишь бы хоть издали видеть объект своего поклонения. Но иногда его охватывало чувство ярости и агрессии. Во время одного из таких приступов он даже вызвал Бло-

ка на дуэль, правда, поединок так и не состоялся.

В конце концов Белый и Любовь Дмитриевна решили, что в качестве испытательного срока не будут

встречаться друг с другом в течение года. Чтобы не поддаваться искушению, он решает уехать за границу. Перед расставанием они дали друг другу обещание переписываться, но Любовь Дмитриевна обещание не выполнила.

Через полгода Белый вернулся в Москву. Он был морально разбит и опустошен. Постепенно ему пришлось смириться с тем, что из его отношений с Любовью Дмитриевной ничего не выйдет. Казалось, его чувство к ней совершенно угасло. Однако уже упоминавшийся В. Ходасевич имел основания утверждать, что в жизни поэта была только одна истинная любовь: «Потом еще были в его жизни и любви, и быстрые увле-

чения, но та любовь сохранилась сквозь все и поверх всего».

Еще задолго до разрыва с Любовью Дмитриевной на одном из концертов известной певицы, Олениной-Д'Альгейм, Белый был представлен ее молоденькой племяннице, Асе Тургеневой. Утонченная красота девушки, ее миндалевидные глаза и «джокондовская» улыбка поразили Белого. Тогда он и подумать не мог, что через какое-то время Ася станет его женой.

После разрыва с Любовью Дмитриевной общение с людьми тяготило Белого, но, одновременно, и одиночество изнуряло. В 1909 году он сблизился с Асей, ему казалось, что в ней он нашел сочетание добра

и внутренней красоты. Через год они вступили в гражданский брак (Ася была категорически против венчания в церкви) и уехали за границу. Сначала Италия, потом Египет и, наконец, Иерусалим. Вернувшись в Россию, Белый очень интенсивно работал, посвящая стихи своей «ко-

ставанием они дали друг другу полную свободу.

В России Белого тепло встретили друзья. Его лекции и выступления по-прежнему пользовались популярностью. От призыва его освободили, и он был рад этому. Мировая война, а затем и Гражданская вну-

Революцию Белый встретил восторженно. Хотя, подобно Блоку и Есенину, понимал ее не совсем так, как большевики, это не избавило его от резких упреков бывших друзей, порвавших с ним отношения и назвавших его предателем. Среди таких были Мережковский и Гиппиус. Зато в это время Белый сблизился с футуристами и особенно с Есениным

ролевне». Любил ли он ее? Безусловно. А вот ее чувство к нему остается для нас загадкой. Да, пожалуй, и для него самого тоже.

В 1912 году они снова уехали за границу. На этот раз их путь лежал в Норвегию. Затем Англия, Франция, Германия и Швейцария. Там, в небольшом городке Дорнахе, они стали преданными учениками знаменитого профессора Штейнера — проповедника модного тогда философского направления антропософии.

Ася все больше отдалялась от Белого. Он не понимал причин этого охлаждения и мучался. Когда в 1916 году ему пришлось вернуться в Россию (его призвали в армию), Ася осталась в Дорнахе. Перед рас-

шали ему ужас своей жестокостью и непримиримостью. Он становился противником всякого насилия и мечтал удалиться на какой-нибудь уединенный остров, где можно молиться за всех людей, проливающих братскую кровь. Но так как это было невозможно, он уединялся в своей квартире на Арбате, закрывал ставни и во время грохота пушек, чтобы не потерять равновесия духа, читал статьи ... о теории относительности Эйнштейна.

Революцию Белый встретил почти восторженно, хотя, подобно Блоку и Есенину, понимал ее совсем не так, как большевики. Это не избавило от резких упреков бывших друзей. Многие, в том числе Мереж-

ковский и Гиппиус, порвали с ним отношения, объявив его предателем. Зато он сблизился с футуристами и Есениным. Известны восторженные отзывы Есенина на романы Белого «Котик Летаев» и «Серебряный голубь». Противопоставляя его другим крупным русским прозаикам, он писал: «Да им нужно подметки целовать Белому. Все они подмастерья перед ним. А какой язык ... умереть можно. Вот только и есть одна радость после Гоголя».

Продолжая эту тему, следует сказать — Белого не всегда легко понять. Роман «Петербург» — его самое сильное и выразительное произведение. Это — небывалая еще в литературе запись бреда. Особый мир, невероятный, фантастический, чудовищный,

чительно трудной и неустроенной. Он читал лекции и вел семинары с рабочими поэтами. Целыми днями просиживал в Румянцевском музее, где от холода замерзали чернила, выполняя поденную литературную работу. Ютился в квартире знакомых, где температура редко поднималась выше 7 градусов. Топил печурку своими рукописями.

От недоедания и болезней скончался Александр Блок. Белый шел за его гробом с красными розами и плакал. Немного позднее, читая лекцию о Блоке, он не выдержал и едва ли не в истерике кричал: «У меня нет комнаты! Я — писатель земли русской, а у меня нет камня, где бы я мог преклонить свою голову ... Я не могу писать! Это — позор! Я должен

Тяжелые личные переживания не мешали ему продолжать творить. Тем не менее, он инстинктивно чувствовал, что погибнет, если не вернется в Россию, и понимал, что в эмиграции у него нет и не будет своей аудитории, какая была на родине

подлинный театр гротескных масок. Именно по поводу этого произведения один из критиков заявил: «Андрей Белый — это ум, в котором безумие и гениальность постоянно соединяются и прекрасно уживаются».

Между тем, жизнь Белого в послереволюционную пору была му-

стоять в очереди за воблой. Я писать хочу! Но я и есть хочу! Я не дух! ...» Вскоре после этого ему выделили комнату.

Белый продолжал болезненно переживать разрыв с Асей. Все острее становилась потребность вновь встретиться с нею, объясниться.

Ему трижды отказывали в выезде за границу. Он стал строить планы нелегального отъезда, но рассказывал об этом всем и каждому. Все-таки осенью 1921 года ему выдали заграничный паспорт. Почти два года Белый провел в Германии, преимущественно в Берлине. Встреча с Асей

принесла ему одни страдания. Она не только отказалась объясниться, но и публично показывала ему свое презрение, демонстративно появляясь всюду со своим новым другом, молодым поэтом Кусиковым.

Отчаяние Белого было неподдельным. Он начал пить, причем

оказался чрезвычайно чувствителен к алкоголю, ему достаточно было двух-трех рюмок, чтобы опьянеть. При этом он становился очень оживленным, остроумным, веселым, но позднее не мог припомнить решительно ничего. К этому же времени относится его болезненное увлечение танцами, особенно фокстротами. Дело в том, что Белый считал фокстрот эффективным способом изживания глубокого духовного кризиса, освобождения от него. Со стороны, однако, это выглядело жутковато и шокирующе. Весь русский Берлин становился любопытным и злым свидетелем этих действий. В берлинских дансингах и дешевых ресторанах он приглашал танцевать незнакомых дам. Некоторые соглашались, чтобы позабавиться, другие отказывались — в Германии это было почти оскорбление. А сам танец в исполнении Белого превращался в какую-то чудовищную мимическую драму, порой даже непристойную. Возвращаясь ночью домой, он раздевался догола и опять плясал. Так продолжалось месяцами. Марина Цветаева, тоже жившая тогда в Берлине, говорила: «Передо мной был затравленный человек».

Следует, однако, отметить, что, как это вообще было для него характерно, тяжелые личные переживания не мешали творческой деятельности, он продолжал работать. Тем не менее, где-то внутри себя, инстинктивно чувствовал, что погибнет, если не вернется в Россию, так

как понимал, что в эмиграции у него нет, и никогда не будет аудитории, а в России она есть. И все же решение вернуться на родину далось ему не просто. И если бы не преданная поклонница его таланта, Клавдия Ивановна Васильева, специально приехавшая за ним в Берлин, неизвестно, как повернулась бы его судьба.

Жизнь в России складывалась для Белого очень непросто. Печатали его мало, хотя он по-прежнему работал над новыми произведениями. И все же во многом благодаря усилиям Клавдии Ивановны, которая стала его женой и преданным литературным секретарем, Белый наконец-то обрел долгожданный покой. Здоровье его, однако, оставляло желать лучшего — хроническая усталость, частые простуды, мигрени...

В июле 1933 года, когда он находился в Коктебеле, с ним случился солнечный удар. Вернее, так тогда полагали. На самом деле, это было первое кровоизлияние в мозг. До конца года он перенес еще несколько приступов. Его поместили в клинику, но пролежал он там недолго. Андрей Белый ушел из жизни 8 января 1934 года в возрасте пятидесяти трех лет. Он был уверен, что умирает от последствий солнечного удара. Перед смертью попросил, чтобы ему прочитали его давнишние стихи:

*Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел... □*

Легендарный КОМАНДАРМ

Светлана
Бестужева-Лада

A black and white portrait of Mikhail Frunze, a man with a mustache and a serious expression, wearing a light-colored shirt. The portrait is the central focus of the page, with text and a quote overlaid on it.

«Глубоко познать законы, управляющие ходом истории, окунуться с головой в действительность... в корне переделать все — такова цель моей жизни. Изменить всю жизнь, чтобы не было бедности и лишений ни у кого, никогда... я не ищу в жизни легкого».

**Михаил
Фрунзе**

Он обладал удивительной способностью быстро разбираться в самых сложных для него вопросах, отделять в них существенное от второстепенного и затем распределять работу между исполнителями сообразно со способностями каждого, как бы чутьем угадывая, кто на что способен...

Заменив собой ставленников Троцкого, а позднее и самого вождя РККА в военном руководстве, он, тем не менее, не являлся членом сталинской группировки, а всегда оставался независимым и обладал определенным авторитетом в войсках, что, конечно, не могло устраивать партийную верхушку, в среде которой считался самой загадочной и необычной фигурой.

Таким Фрунзе и вошел в историю.

Михаил Фрунзе родился 2 февраля 1885 года. Отец его, молдаванин Василий Фрунзе, служил в Бишкеке, а мать была простой воронежской крестьянкой. Михаил с золотой медалью окончил гимназию в Верном, а затем поступил в Санкт-Петербургский политехнический институт, где изучал экономику. Приехав в столицу убежденным романтиком, идеалистом и вполне законопослушным человеком, он очень быстро попал под влияние свободомыслящей студенческой среды и начал исповедовать народнические взгляды, вот только свое хождение в народ он видел не в переезде в деревню и работе там, а в работе с пролетариатом на заводах. Впрочем, взгляды Михаила со временем менялись, и менялись достаточно быстро. Дореволюционный период его деятельности можно назвать антигосударственным и антиобщественным,

хотя это органически сочеталось у него с сугубо патриотическими взглядами в период русско-японской войны.

Увлечшись революционной борьбой, институт он так и не окончил, что, впрочем, в те времена было почти нормой для свободомыслящей молодежи. Но оказался последовательней многих: уже в 1904 году, в возрасте 19 лет, вступил в РСДРП.

После вступления в партию жизнь Фрунзе стала чрезвычайно насыщенной. Он был участником шествия 9 января 1905 года, которое традиционно именуется «Кровавым воскресеньем», причем даже получил ранение в руку. Позже Михаил Васильевич признавался, что именно это событие привело его в «генералы от революции».

Слегка подлечившись, Фрунзе включился в активную антиправительственную деятельность под

псевдонимом «товарищ Арсений» (были и другие подпольные клички — Трифоныч, Михайлов, Василенко).

Уже в 1905 году он работал в Иваново-Вознесенске и Шуе, являвшимися центрами текстильной промышленности страны, руководил всеобщей стачкой текстильщиков и создал боевую дружину. Под его руководством проводились стачки, митинги, захваты оружия, составлялись и печатались листовки.

хват типографии в Шуе, причем очень несвоевременно, так как Михаила только что избрали делегатом V съезда РСДРП. В результате он на него не попал: был арестован и осужден на 4 года каторги.

Уже заключенным, вместе с Павлом Гусевым, около деревни Дмитровки Фрунзе пытался убить полицейского урядника Никиту Перлова и за покушение на убийство был приговорен к смертной казни. К сча-

Приехав в столицу убежденным идеалистом и романтиком, Фрунзе очень быстро попал под влияние свободомыслящей студенческой среды и начал исповедовать народнические взгляды. Правда, со временем они менялись, и менялись достаточно быстро. Весь дореволюционный период его деятельности можно назвать антигосударственным и антиобщественным

В декабре 1905 года со своими боевиками Фрунзе участвовал в вооруженном восстании в Москве на Пресне, а в следующем году на IV съезде РСДРП в Стокгольме, где он был самым молодым делегатом, познакомился с В.И. Лениным, который осыпал его похвалами за «революционную активность».

И было за что: Фрунзе не чуждался обыкновенных террористических актов. Так, под его руководством был организован вооруженный за-

стью, под давлением общественности (в том числе в результате вмешательства знаменитого писателя В.Г. Короленко) приговор смягчили.

После заключения во Владимирской, Николаевской и Александровской каторжных тюрьмах в марте 1914 года Михаила определили на вечное поселение в село Манзурку Иркутской губернии. Но вечность продлилась год с небольшим: в августе 1915 года его снова арестовали — за создание организации

ссылных. Из-под ареста он бежал в Читу, где проживал по паспорту В.Г. Василенко и работал (!!) в статистическом отделе переселенческого управления, а также в редакции еженедельной газеты «Забайкальское обозрение».

В 1916 году Фрунзе легально переехал в Москву, а затем, с паспортом на имя Михаила Александровича Михайлова, — в Белоруссию.

По заданию партии и под той же фамилией Михайлов он поступил на

должность статистика в комитет Западного фронта Всероссийского земского союза. Одновременно с этим, занимался революционной работой среди солдат на Западном фронте (в том числе агитировал за братание с немцами).

4 марта 1917 года приказом гражданского коменданта города Минска Михаил Александрович Михайлов был назначен временным начальником милиции Всероссийского земского союза по охране порядка. (Эта

дата считается Днем рождения белорусской милиции.)

В ночь с 4 на 5 марта руководимые М.В. Фрунзе (Михайловым) отряды боевых дружин рабочих вместе с солдатами приданных частей минского гарнизона разоружили полицию города, захватили городское полицейское управление, а также архивное и сыскное отделения и взяли под охрану важнейшие государственные учреждения.

В Минске Михайлов прослужил до сентября 1917-го, а затем партия перебросила его в город Шую, назначив председателем Шуйского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и председателем уездной земской управы и городской думы.

С приходом к власти большевиков характер деятельности Фрунзе радикально меняется. Если до 1917 года он был занят тем, что «разрушал до основания» государство и армию, то после Октябрьского переворота стал одним из активнейших строителей нового советского государства и его вооруженных сил.

В августе 1918 года Михаил был переведен в Ярославль, где стал военным комиссаром Ярославского военного округа, включавшего восемь губерний. Необходимо было восстанавливать округ после недавнего восстания эсеров в Ярославле, требовалось в сжатые сроки формировать стрелковые дивизии для Красной армии.

Разумеется, бывший вольноопределяющийся Фрунзе не владел техническими знаниями по подготовке и организации боевых операций, проще говоря, не был кадровым военным. Однако он ценил профессионалов военного дела, бывших офицеров и объединил вокруг себя целую плеяду опытных генштабистов, с которыми старался не расставаться, хотя очень многим большевикам-военачальникам это активно не нравилось.

Таким образом, его победы были предопределены высокопрофессиональной деятельностью коллектива военных специалистов старой армии, работой которых он руководил. Сознывая недостаточность своих военных познаний, Фрунзе тщательно изучал военную литературу, занимался самообразованием.

Впрочем, по мнению председателя Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкого, его «увлекали абстрактные схемы, он плохо разбирался в людях и легко поддавался влиянию специалистов, преимущественно второстепенных».

Зелен виноград...

И все же Фрунзе обладал харизмой военного руководителя, способного повести за собой красноармейские массы, большой личной храбростью и решительностью. Не случайно он любил находиться впереди войск, с винтовкой в руках в боевых порядках. Однако, прежде всего, это был талантливый организатор и политический руководитель, умевший

наладить работу штабов и тыла в чрезвычайных условиях.

Из речи Фрунзе в 1919 году:

«Каждый дурак может понять, что там, в лагере наших врагов, как раз и не может быть национального возрождения России, что как раз с той стороны и не может быть речи о борьбе за благополучие русского народа. Потому что не из-за прекрасных же глаз все эти французы, англичане помогают Деникину и Кол-

будет порабощена иностранным капиталом. А что касается фабрик и заводов, то они уже давно проданы...

Многочисленный народ можно победить, но задавить его нельзя... К нашей, к нищей, измученной стране обращены взоры порабощенных всего мира».

Непосредственно фронтовой опыт Фрунзе получил только в 1919 году, когда принял командование над Восточным фронтом, который

В 1906 году Фрунзе познакомился на съезде РСДРП в Стокгольме с В.И. Лениным, который осыпал его похвалами за «революционную активность».

И было за что: помимо этой работы, он не чуждался и обыкновенных террористических актов. Под его руководством был организован вооруженный захват типографии в Шуге, за что его арестовали и осудили на 4 года каторги

чаку — естественно, что они преследуют свои интересы. Этот факт должен быть достаточно ясен, что России там нет, что Россия у нас... Мы не размазня вроде Керенского. Мы ведем смертельный бой. Мы знаем, если победят нас, то сотни тысяч, миллионы самых лучших, стойких и энергичных в нашей стране будут истреблены, мы знаем, что с нами не будут разговаривать, нас будут только вешать, и вся наша родина зальется кровью. Наша страна

освобождал Северный и Средний Урал.

Пяти армиям красных на Востоке противостояло пять колчаковских — Южная, Западная, Сибирская и две белоказачьи — Уральская и Оренбургская.

Наступление Восточного фронта началось незадолго до назначения Фрунзе командующим, он сменил на этом посту С.С. Каменева. В ходе успешно развивавшегося наступления были освобождены города

*Михаил Фрунзе
с женой — Софьей
Алексеевной Поповой*

Пермь и Екатеринбург и разгромлена Сибирская армия белых. Войска 5-й армии фронта под командованием М.Н. Тухачевского после перегруппировки нанесли поражение Западной колчаковской армии. Красные перешли Уральский хребет и освободили город Златоуст.

В это же время отдельная группа под командованием В.И. Чапаева, состоявшая из стрелковой дивизии и отдельной стрелковой бригады, сняла осаду с города Уральска, блокированного белыми казаками. Тем самым была устранена возможность

соединения армий Колчака и генерала Деникина. Для последующего хода Гражданской войны это имело огромное значение.

Удар группы Фрунзе во фланг Западной армии белых в районе Бузулука принес успех и в конечном итоге привел к перелому ситуации на фронте и переходу инициативы от белых к красным.

Успешной оказалась вся серия операций красных — Бугурусланская, Белебейская и Уфимская операции, проведенные с конца апреля по вторую половину июня 1919 года.

Колчаковцы в результате этих операций были отброшены из Поволжья на Урал, а в дальнейшем оказались в Сибири.

Из воззвания Фрунзе к казакам 1919 года:

«Рухнула ли Советская власть? Нет, она существует назло врагам трудового народа, и ее существование прочнее, чем когда-либо. Что это так, достаточно вдуматься в следующие слова заклятого врага трудовой России, английского первого министра Ллойд Джорджа, на днях сказанные им в английском парламенте: «По-видимому, надеждам на военный разгром большевиков не суждено сбыться. Наши русские друзья за последнее время потерпели ряд чувствительных неудач...»

Кто же такие русские друзья господина Ллойд Джорджа? Это Деникин, Юденич, Колчак, продавшие английскому капиталу достояние русского народа — русскую руду, лес, нефть и хлеб и за это удостоенные звания «друзей».

Что же случилось с друзьями Ллойд Джорджа, что заставило потерять веру в военный разгром большевиков?

Ответ на это дает картина военного положения на фронтах: двое из трех главнейших врагов трудовой России, Колчак и Юденич, уже сведены со сцены... Советская власть, являющаяся властью трудящихся, несокрушима.

С августа 1919 по сентябрь 1920 года Фрунзе командовал Туркестанской армией и всем Восточным фронтом. Он был создан на территории Самарской, Астраханской, Оренбургской губерний и Уральской области в результате переименования Южной группы Восточного фронта. Ему подчинялись также все красные войска в отрезанном белогвардейцами Туркестане.

Первоначально фронт провел Актюбинскую наступательную операцию по разгрому Южной армии белых под командованием генерала Белова. Затем удар был нанесен по белому уральскому казачеству. После освобождения Эмбинского нефтеносного района штаб Фрунзе переехал из Самары в Ташкент.

В Закаспии войска Туркестанского фронта освободили город Кисловодск и оказали военную помощь восставшим в Хивинском ханстве в их борьбе с Джунаид-ханом. Весной 1919 года была разгромлена Семиреченская армия атамана Анненкова, после чего красные вышли к китайской границе. Одновременно с этим туркестанские войска вели бои против басмачества, которые особо напряженными были в Ферганской долине, где действовали Мадаминбек и Курширмат, «крестьянская армия» Монстрова.

Крупной операцией Туркестанского фронта стала Бухарская, проведенная в августе-сентябре 1920 года. Тогда красные войска при поддержке восставшего местного населения штурмом овладели столицей Бухарского эмирата городом Буха-

рой. 16-тысячная эмирская армия и 27-тысячное войско местных феодалов было разгромлено, эмир бежал в Афганистан. В октябре была провозглашена Бухарская народная советская республика. Такой же республикой стало и бывшее Хивинское ханство. В Туркестане началась многолетняя борьба с басмачеством. После ликвидации их основных сил Туркестанский фронт в июне 1926 года был переименован в Среднеазиатский военный округ.

Как уроженец и знаток Туркестана, Фрунзе оказался на своем ме-

бре 1920 года подписал соглашение о единстве действий против белых войск и установил хорошие личные отношения, что, вообще-то, мало кому удавалось. Штаб фронта находился в городе Харькове, а в состав его сил входили 5 армий, в том числе 1-я и 2-я Конные, конный корпус, группа войск таганрогского направления и 4 укрепленных района.

28 октября войска Южного фронта начали контрнаступление против белых войск Врангеля, захвативших Северную Таврию и вышедших к берегам Днепра.

По итогам Гражданской войны Михаил Фрунзе приобрел статус победителя Колчака, уральских казаков и Врангеля, покорителя Туркестана, ликвидатора петлюровцев и махновцев. Это был статус настоящего партийного военного самородка

сте. За успехи на Восточном фронте он был награжден одним из первых орденов Красного Знамени.

В сентябре 1920 года Михаил Васильевич, приобретший репутацию успешного партийного военачальника, был назначен командующим Южным фронтом, в задачу которого входил разгром Русской армии генерала П.Н. Врангеля в Крыму.

Борьбу с врангелевцами Фрунзе вел совместно с Повстанческой армией Н.И. Махно, с которым в октя-

В Северной Таврии белые располагали двумя армиями — генералов Кутепова и Абрамова — и одной ударной группой. К тому времени наступательный порыв врангелевских войск, которые не смогли овладеть Каховским укрепленным районом красных, иссяк, и они стали закрепляться на захваченных рубежах в Северной Таврии.

Опасаясь полного окружения, генерал Врангель стал отводить свои войска в Крым. Чтобы обеспечить

*Михаил Фрунзе
с детьми*

их отход, белые силами двух донских и одной кубанской казачьих дивизий и остатков Марковской пехотной дивизии нанесли контрудар по 2-й Конной армии.

Операция завершилась выходом красных войск к укреплениям противника на Перекопе, у Чонгара и на Арабатской Стрелке. Северная Таврия была полностью освобождена от белых войск. Теперь встал вопрос об освобождении Крымского полуострова.

Остатки разбитых белогвардейских войск Врангеля, отойдя в Крым, закрепились на Перекопском перешейке и у переправ через Сиваш. Оборона белых на Перекопском перешейке состояла из двух линий — перекопской (Турецкого вала) и ишуньской.

Генерал Врангель рассчитывал при поддержке французской эскадры и материальной помощи стран Антанты оборонять Крым и сохранить его как плацдарм для дальней-

*Сын Тимур
и дочь Татьяна*

шей борьбы с Советской Республикой. Ведь война была еще не окончена и на Дальнем Востоке, и в Забайкалье, значительные силы белых находились и в Польше.

Фрунзе первоначально планировал нанести главный удар на чонгарском направлении, используя поддержку Азовской военной флотилии с моря. Однако из-за рано установившегося льда на Азовском море командующему Южным фронтом пришлось перенести главный удар на Перекопское направление. Здесь должны были наступать 6-я армия командарма Корка, 1-я и 2-я Конные армии. Через Чонгар и Арабатскую Стрелку намечалось нанесение вспомогательных ударов.

В ночь на 8 ноября ударная группа 6-й армии форсировала Сиваш — красногвардейцы шли по грудь в ле-

дяной воде Гнилого моря и овладели слабо укрепленным Литовским полуостровом. Турецкий вал удалось взять только после второго приступа, а потом красные войска овладели и ишуньской укрепленной линией, отразив перед этим контрудар белогвардейского конного корпуса генерала Барбовича.

Белые начали отходить к портовым городам на Южном берегу Крыма. Предложение Фрунзе о безоговорочной капитуляции генерал Врангель оставил без ответа. Тогда в Крым для окончательного разгрома белой армии были введены фронтовые войска 2-го эшелона, однако белые успели оторваться от преследователей на один-два перехода и смогли беспрепятственно погрузиться на корабли белого Черноморского флота и французской эскадры в Се-

вастополе, Евпатории, Ялте, Феодосии, Керчи.

Около 80 тысяч белогвардейцев и мирных беженцев вынужденно эмигрировали из Отечества, сначала в Турцию, в Стамбул и на Галлиполийский полуостров, а затем рассеялись по Европе, Америке, Северной Африке. Последней стоянкой белого Черноморского флота стал тунисский порт Бизерта. Судьба оставшихся в Крыму бывших врангелевцев оказалась трагичной — большинство из них уже в скором времени стали жертвами репрессий.

Широкомасштабная Гражданская война в России на этом закончилась.

ными силами Украины и Крыма. По распоряжению из Москвы Фрунзе руководил разгромом Повстанческой армии Махно, своего недавнего друга. Основное его внимание было сосредоточено на ликвидации бандитизма на Украине, с чем он блестяще справился, заслужив второй орденом Красного Знамени.

В ноябре 1921 года Фрунзе возглавлял Чрезвычайное посольство в Анкару, которое формально должно было провести переговоры с Ата-турком об установлении двусторонних отношений, а фактически — вез денежную помощь Мустафе Кемалю. Будучи дисциплинированным ком-

Фрунзе не был жестоким человеком. За его подписью издавались приказы о гуманном отношении к пленным, что, кстати, вызывало открытое недовольство Ленина. Фрунзе неоднократно давал гарантии безопасности от себя лично тем противникам Советской власти, кто добровольно сложит оружие и явится с повинной в ЧК. А это был совсем не большевистский стиль поведения, скорее, наоборот

За разгром белой армии генерала Врангеля в Северной Таврии и в Крыму Михаил Васильевич Фрунзе был награжден Почетным революционным оружием.

В конце 1920 года его назначили уполномоченным Реввоенсовета на Украине и командующим вооружен-

мунистом, он и эту задачу выполнил, хотя не мог понять, почему в столь тяжелое для страны время нужно отдавать деньги на поддержку еще недавно злейшего врага, но свои соображения держал при себе.

Фрунзе не был жестоким человеком. В Гражданскую войну за его

подписью издавались приказы о гуманном отношении к пленным, что, например, вызывало открытое и сильное недовольство Ленина. Неслучайно В.М. Молотов впоследствии отмечал, что Фрунзе для большевиков не был в полной мере своим. Обладая особым чувством ответственности, он был скорее талантливым исполнителем распоряжений сверху, чем вождем. Например, в годы Гражданской войны неоднократно давал гарантии безопасности от

председателем РВС СССР и наркомом по военным и морским делам.

Вопреки последующим мифам, Фрунзе на руководящих постах в РККА продолжал курс Троцкого на реформирование армии. Реформа заключалась в попытке создать кадровую армию, в повышении качества командного состава и совершенствовании боевой подготовки, в сокращении центрального аппарата, реорганизации снабжения и внедрении новой военной техники. Она и проводи-

Михаил Фрунзе был настоящим офицером: прямодушным и открытым, человеком чести. Но эти качества не годились для участия в политических играх и кое-кому очень не нравились. Недаром безвременная смерть 40-летнего командарма на операционном столе Боткинской больницы до сих пор остается загадочной

себя лично тем противникам Советской власти, кто добровольно сложит оружие и явится с повинной в ЧК (зауральским казакам, офицерам армии в Крыму, бухарским «басмачам», махновцам). А это был совсем не большевистский стиль поведения, скорее, наоборот.

В период борьбы сталинской группировки с Л.Д. Троцким Фрунзе занимал посты начальника Штаба РККА, заместителя председателя РВС СССР, начальника Военной академии РККА. В 1925 году он стал

лась под руководством Фрунзе, и это, судя по всему, кому-то сильно не нравилось.

Летом 1925 года произошло три(!) автомобильных аварии, когда он находился в салоне машин. Но наркому везло: отделялся незначительными травмами. Судьба сохранила его и от бомбы, заложенной в вагоне-ресторане служебного поезда: не сработал часовой механизм. В общем, смерть ходила вокруг Михаила Васильевича, сужая круги...

Чтобы подлечить ушибы ноги, руки и головы, Фрунзе, по требованию Сталина, дали месячный отпуск для поездки в Крым. В то время там отдыхали и Сталин, и Ворошилов. Приехав на юг, Фрунзе застал Ворошилова за подготовкой к охоте у горы Ай-Петри и с радостью составил ему компанию. Но после охоты ему резко стало хуже: открылось кишечное кровотечение. Из Москвы срочно вызвали лучших врачей: Владимира Розанова и Алексея Касаткина. Они долго наблюдали па-

циента и пришли к заключению — необходима операция.

29-го числа Михаил Фрунзе выехал в Москву вместе с Ворошиловым и другими партийными деятелями, которые направлялись на Пленум ЦК ВКП(б), а он — в больницу.

Помощник начальника воздушных сил РККА Иосель Гамбург вспоминал:

«Когда Михаил Васильевич лег в больницу, я у него часто бывал и подолгу с ним беседовал. Пока шло исследование больного, он был споко-

ен, шутил и смеялся. Но когда консилиумы врачей установили, что налицо картина язвенного процесса в области двенадцатиперстной кишки, и требуется операционное вмешательство, бодрое настроение покинуло Михаила Васильевича, он стал озабоченным, задумчивым».

Лишь с наиболее близкими людьми Фрунзе делился беспокоящей его тревогой. Так, навестившую его жену встретил словами:

— Вот побрился и новую белую рубашку надел. Чувствую, что на смерть иду, а умирать-то не хочется.

Друзья убеждали Михаила Васильевича отказаться от операции, поскольку мысль о ней его угнетает. Но он отрицательно покачивал головой:

— Сталин и ЦК настаивают на операции, говорят, что надо раз и навсегда освободиться от язвы желудка. Я решил лечь под нож. С этим делом покончено.

После операции состояние его резко ухудшилось, к 4 часам утра

31 октября пульс уже не прощупывался. Положение стало катастрофическим, больной находился в забытьи, сознание потемнело. Напрасно врачи давали кислород и вливали камфору: в 5 часов 40 минут Михаила Фрунзе не стало. Он умер спокойно, не приходя в сознание.

Согласно официальному сообщению, больной плохо переносил наркоз. Приступить к операции смогли только через 30 минут после начала анестезии. Для общего обезболивания применили эфир, но потом из-за резкого и длительного возбуждения пациента перешли на анестезию хлороформом. Расход хлороформа, как свидетельствуют документы, в случае с Фрунзе превосходил максимально возможные пределы в несколько раз. Вероятно, это и послужило причиной острой сердечной недостаточности, с которой врачи справиться не сумели.

По словам Микояна, Сталин, готовясь к большим потрясениям в ходе борьбы за власть, «хотел иметь Красную армию под надежным командованием верного ему человека, а не такого независимого и авторитетного политического деятеля, каким был Фрунзе... По всем своим деловым, политическим и особенно нравственным качествам, чрезвычайно импонировавшим современникам и обеспечившим ему заслуженно высокий авторитет в массах и руководстве, он объективно мог и должен был рассматриваться (как его единомышленниками и соратниками, так и сопер-

никами и недругами) как один из наиболее вероятных претендентов на самый высокий пост в стране. Сталин имел вполне реальные основания опасаться этого соперничества».

4 февраля 1925 года Фрунзе выступил с прямодушным заявлением в поддержку прежних боевых товарищей, объявленных троцкистами и оппозиционерами. Более того, нарком допустил возможность для каждого члена партии иметь собственные суждения. А тут еще в английском ежемесячнике «Аэроплан» появилась статья о Фрунзе, озаглавленная «Новый русский вождь».

«В этом человеке, — говорилось в статье, — объединились все составные элементы русского Наполеона».

Статья произвела на Сталина тяжелое впечатление. По свидетельству секретаря генсека Бориса Бажанова, вождь увидел во Фрунзе будущего Бонапарта и был этим очень обеспокоен. А затем он вдруг проявил трогательную заботу о наркOME, сказав:

— Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников.

После этого Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе согласиться на операцию. Бажанов не сомневался, что тот был убит по воле Сталина.

Неожиданная смерть Фрунзе изменила расстановку сил в руководстве партии и усилила позиции Сталина, который сумел взять под лич-

ный контроль и руководство Красной армией, поставив во главе ее послушного Ворошилова.

— Может быть, это так и нужно, чтобы старые товарищи так легко и просто спускались в могилу, — сказал вождь над гробом Фрунзе.

Похоронили его 3 ноября 1925 года на Красной площади в Москве у Кремлевской стены.

P.S. Жена Михаила Васильевича Фрунзе скончалась год спустя, и причины внезапной смерти тридцатилетней здоровой женщины уже никого не интересовали.

Дети — шестилетняя дочь Татьяна и трехлетний сын Тимур — после смерти отца и матери росли у бабушки Мавры Ефимовны Фрунзе. А потом детей усыновил друг их отца К.Е. Ворошилов, получивший разрешение на усыновление специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б).

Тимур Фрунзе стал летчиком-испытателем, погиб в бою в январе 1942 года и был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Татьяна Фрунзе — профессор, доктор химических наук, крупный специалист по органической химии, давно на пенсии.

Имя Фрунзе в советское время носили столица Киргизии (бывший город Бишкек, где родился красный полководец), одна из горных вершин Памира, корабли военно-морского флота, военная академия. □

Депутат Государственной Думы из фракции «Единая Россия» Юрий Александрович Липатов — парламентарий со стажем, впервые был избран в ГД в конце 1999 года по одномандатному округу в Подмосковье.

Юрий Липатов:

С тех пор Юрий Александрович, будучи профессиональным энергетиком, занимается разработкой, продвижением и продвижением законов, связанных с энергообеспечением россиян, он — первый заместитель председателя думского комитета по энергетике.

Про него говорят, что он один из самых порядочных депутатов, который за все годы работы ни разу не запятнал свое имя, всегда оставаясь эталоном высокой нравственности.

— Юрий Александрович, похоже, старинная поговорка: «Где родился, там и пригодился» — сложена про таких, как вы. С малых лет вы трудились в родном Раменском, и теперь, спустя годы, этот город входит в ваш депутатский округ.

— Да, наверное, поговорка про меня, хотя я и не считаю, что человек должен прожить всю жизнь в тех местах, где появился на свет. У меня сложилось именно так, у кого-то иначе... Мне очень повезло в самом главном: повезло с моими родителями. Я вырос в атмосфере

потому и судьбы у людей такие разные. А судить других — дело недостойное и несправедное.

— Расскажите, Юрий Александрович, о своих родителях, о своем родовом гнезде...

— Конечно, то поколение людей много пережило невзгод, испытаний. Взять моего деда по отцу — Петра Липатова. Человек прямо-таки роковой судьбы. В Первую мировую ушел на германский фронт, попал в плен к немцам. Условия содержания были ужасающими, мерли как мухи от дизентерии и других инфек-

«Мне повезло с родителями, научившими меня быть честным во всем и идти прямой дорогой по жизни...»

искренности, порядочности и чести. Вокруг было множество других примеров, других семей, но родители учили нас с братом никого не осуждать, даже если человек оступился. Не каждого сызмальства воспитывали в человеческом достоинстве, учили быть честными, как это делала моя мать — порой даже очень сурово. Она жестко требовала от нас говорить только правду, выполнять данное слово. Родители — главное в жизни человека, но все они разные,

связанных с отвратительным питанием. А дед с раннего возраста имел редкостный талант — простой деревенский мужик, а почерк у него был каллиграфический! И немцы посадили его в штаб, писарем — писать праздничные поздравления, реляции какие-то... Там он и сумел выжить. Вернулся домой, в нашу деревню Дергаево, и снова зажил мирной жизнью, скотину разводили, детей растили. И вот какой смертью суждено было ему умереть вскоре

после благополучного возвращения из плена.

Было это в 1921 году, поздней осенью. В каждом деревенском доме держали разную скотину, в том числе растили одного-двух поросят, которых обычно забивали с наступлением холодов. Как правило, друзья-соседи объединялись и помогали друг другу, дед тоже помогал. Затем сели за стол и по традиции стали потрохами этой самой свиньи закусывать... Наутро двое, в их числе мой дед, умерли, а двое еле-еле отошли от отравления. Вот и выходит: от чего у немцев убе-регся, то его дома подстерегло.

— Н-да, есть над чем призадуматься... Видимо, так ему на роду написано было — еще детей родить и дома упокоиться...

— Наверное, так. Вообще, время было загадочное. И судьбы людские — как само время. Бабушка моя, Пелагея Сергеевна, осталась в 28 лет с тремя детьми на руках и к тому же — беременной четвертым ребенком. Но люди не оставили в беде, такой был обычай — поддерживать односельчан, кому особенно тяжело приходилось. И все дети выросли, стали достойными гражданами своей Родины. Отец мой, Александр Петрович, с первого года войны ушел на фронт, был танкистом. В 42-м его очень серьезно ранило: были перебиты осколками обе ноги.

Но в госпитале подлатали, и он снова мог ходить, хоть и не без труда. После ранения его комиссова-

ли, и он приехал домой в Дергаево. Устроился на работу шофером на Раменский приборостроительный завод. А за полгода до этого произошло, на мой взгляд, очень важное для города событие. Из блокадного Ленинграда были эвакуированы около 50 девочек в возрасте от 17 до 25 лет. И направили их на работу, куда бы вы думали? На лесоповал!!! Среди них была и моя будущая мама Нина Герасимовна Григорьева. Тогда ей было всего девятнадцать лет.

Во время войны мужчин было мало, а району требовались шоферы, и питерским девушкам предложили получить эту профессию. Подавляющее большинство из них восприняли это предложение как счастье. А учителем Нины как раз и был мой будущий отец. В общем, учил-учил, и решили они пожениться. А уже в 45-м у них родилась девочка, которую называли Иринкой.

— Вы сказали, что приезд девочек был важным событием для города. А в чем заключалась важность?

— Почти все эти девушки-блокадницы были коренными ленинградками во многих поколениях. А в те годы коренные жители нашей северной столицы отличались особой культурой, воспитанием, деликатностью. Большинство из них создали семьи в Раменском. И это были крепкие, красивые семьи. Говоря другими словами: они в город привнесли иную атмосферу общения и бытия.

— Тогда ведь, сразу после войны, всему народу нелегко пришлось — и голод, и поденный труд, нехватка всего самого необходимого. И все-таки люди не «прогибались» перед обстоятельствами, не откладывали рождение детей «на потом». Шли прямыми путями в жизни: раз поженились, как же без детей обойтись? Для чего тогда семью создавали?

— Да, люди были прямодушные и ответственные за свои поступки. Как жили? Хорошо жили, хотя время было очень тяжелое. Но простые люди всегда помогали друг другу, преодолевали трудности сообща, все вместе. И при этом не теряли чувство оптимизма. Мне кажется, раньше все же жили дружнее. И власть была уважительнее к людям. Может потому, что в то время населения было меньше и люди практически знали друг друга в лицо. Вот, к примеру, на семейном совете моя бабушка Пелагея, а была она мудрая и уважаемая женщина — заведующая колхозным детским садиком, сказала отцу с матерью: «Раз создали семью, надо строить свой дом. Двум хозяйкам на одной кухне трудно ужиться. Не дай бог, с невесткой поругаемся».

А что собой представляли в те времена дома? Сени и одна комната, которая перегораживалась перегородками.

Так вот, бабушка пошла к председателю колхоза, сказала, что Сашка

женился, надо дом строить. Ответ был короткий и четкий: «Пусть идет и выбирает место под строительство». Тут же выписали лес в лесхозе и начали строить. Такое отношение было ко всем колхозникам и селянам, без исключения.

Но жизнь еще долго испытывала отца и мать на прочность, были у них и драмы, и трагедии в судьбе. И все они сумели преодолеть, сохранили и любовь, и семейные узы.

— Я так понимаю, что вы говорите это как бы в укор нынешнему поколению молодоженов, ведь современные браки, как известно, рушатся по самым ничтожным поводам... И это при том, что нет ни голода, ни каких-то страшных эпидемий, ни каторжного труда...

— Я вообще считаю, что все, кто родился после 45-го, уже счастливые люди. Впервые за всю тысячелетнюю историю России наша страна не воевала на своей территории 70 лет, за исключением, конечно, Чечни. Но эта позорная страница деятельности Ельцина.

Что касается нынешнего поколения молодоженов, то браки, к сожалению, рушатся одинаково у тех, кто живет в достатке и в недостатке. Поэтому достаток наверно важен, но это не самое главное. Думаю, не хватает терпения. Когда первая страсть проходит, остаются семья, дети. А это уже повседневный труд. Очень печально, что у нас с каждым годом

увеличивается количество детей, которые живут не в полноценной семье, как правило, без отца. Что с этим делать? Не знаю!

— Значит, и вы — счастливый человек, раз родились в 1953-м?

— Выходит, так. Я родился, когда послевоенная жизнь уже устоялась. А вот мать и отец хлебнули лиха. В 48-м, когда их первенцу Ире было всего три годика, пришла в семью беда. Весна тогда выдалась поздняя, было холодно, и вода стояла еще высоко вдоль дороги. Родители собирались на первомайскую демонстрацию. Отец вышел с Ирой в сад, а мать в доме задержалась. Он пошел поторопить ее, а когда они уже вдвоем вышли, то увидели, что девочка каким-то образом оказалась в канаве с водой. Потом выяснилось, что малышка умерла от разрыва сердца. Видимо, был сильный испуг от соприкосновения с очень холодной водой. В течение полугода мать практически ежедневно ходила на кладбище и долго простаивала у могилы. Отец всю жизнь прожил с чувством огромной вины, что не уследил за дочерью. А в первые месяцы он практически с трудом работал шофером, так как у него было постоянное видение, что на шоссе навстречу машине бежит с распростертыми руками Иринка.

— Да, многое пережили ваши родители! И ведь остались родными и близкими друг другу людь-

ми, не погубили свою любовь взаимными укорами и обвинениями.

— Крепкие духом были люди. Закаленные сердцем и, в то же время, очень добрые и понимающие. Умели прощать других и требовать от себя самого. Собственно, я воспитывался не столько словами, сколько поступками родителей, в которых всегда видел образец для подражания. Отец мой прожил долгую жизнь — 89 лет, мама умерла раньше него. Но по сей день стоит и будет стоять их дом, в котором я родился. Это для меня святое. А новый современный дом я построил рядышком на том же участке. Там теперь живу с женой практически постоянно. Будние дни проводим в Москве, в квартире, а на выходные обязательно едем в деревню Дергаево, которую в настоящее время окружил город Раменское.

— Вы были депутатом Московской областной думы, затем, последние 15 лет — Государственной. Наверное, появлялась у вас возможность, и не раз, чем-то помочь своим землякам?

— Я отвечу в целом, не вдаваясь в конкретику. Всегда, на всех должностях и постах я старался быть полезным своим односельчанам. Знал их нужды и по мере возможности приходил на выручку.

— Сейчас модно обсуждать такое понятие, как «кризис среднего возраста». Считается, что суть

его — в некой переоценке своей жизни, в ностальгии по прошлому, в ощущении пустоты и одиночества... Все это якобы вызвано у многих мужчин внезапным осознанием того, что они живут не своей, а какой-то чужой жизнью, и что подлинная жизнь могла сложиться совсем иначе... Вам знакомы эти переживания?

— Нет, наверное. Всякие бывают настроения, но такого, чтобы считать жизнь напрасной или не своей, а чужой — этого нет. Видимо, меня этот самый «кризис среднего возраста» не коснулся. А может, просто некогда особенно задумываться и копаться в прошлом. Скажу так: я с юных лет твердо знал, чего хочу в жизни, это — работа (на первом месте), становление себя как личности и, наконец, семья. У меня все четко, все по плану. И я вижу в таком отношении к жизни только плюсы.

— Но, в самом-то деле, не мечтали же вы в детстве стать депутатом Госдумы?! Или все же всегда хотелось быть «большим начальником»?

— Отвечу честно: никаких особых мечтаний, как у большинства мальчишек, у меня в детстве не было. Я имею в виду, к примеру, стать летчиком, космонавтом, пожарным... В общем — «героем нашего времени». Наверное, я всегда был все-таки человеком из реальной жизни. И путь мне был предначертан один — Раменский приборостроительный за-

вод (РПЗ), так называемый «почтовый ящик». Туда меня устроил отец.

— А что, для оформления на завод простым рабочим в начале 70-х нужно было устраивать?

— Дело в том, что в моем понимании простых рабочих не бывает. К примеру, чтобы стать высококлассным фрезеровщиком требуется 5–7 лет. И только тот человек, который достигает совершенство в одной профессии, может рассчитывать на хорошую зарплату и уважение в коллективе.

Приборостроительный оборонный завод — это многотысячный коллектив с разными цехами. Отец прекрасно понимал, что производит каждый цех. После его рассказов меня интересовали сборочные цеха, так как там непосредственно собирались приборы для летательных аппаратов.

— И что, простой шофер имел возможность договариваться?

— Я бы сказал, не простой шофер. Хочу напомнить, что после ранения и демобилизации в 43-м году он пришел на завод. Водители были. Но тех, кто мог выехать за пределы Московской области, были единицы, не более 8–9 человек. В дальние командировки направлялись только те, кто блестяще знал материальную часть машины и в условиях бездорожья и отсутствия по нынешним понятиям сервисных услуг, был уверен в том, что самостоятельно может отремонтировать машину в случае по-

ломки на трассе, особенно зимой. Поэтому таких водителей директор завода знал лично по фамилии, имени и отчеству.

Но с возрастом старые раны дали о себе знать. С ногами становилось все хуже и пришлось отцу расстаться с «баранкой». Пошел слесарить, благо навык было не малый.

— Ну, и как ваш поход рабочим в сборочный цех? Не разочаровал?

— Нет, не разочаровал! И вот почему. Когда я определился в принципе, отец попросил начальника цеха оформить меня на участок сборки «интеграторов». Это приборы, которые устанавливаются в головной части ракеты и ведут ее по строго заданному курсу. Это небольшой участок, в котором работало 18–20 мужчин. Проблема заключалась в том, что по статистике из трех человек на участке через полгода оставался один. Поскольку, чтобы собрать этот прибор, и он на самой последней стадии сборки прошел бы все испытания, нужно четкое взаимодействие головы и рук и в определенной степени интуиции на каком-то подсознательном уровне, чтобы при подвеске гироскопов на раму прибора не пережать сепараторы подшипника, диаметр шариков которых 0,2 миллиметра. Восемь подшипников. Момент пережима почувствовать практически невозможно. Если даже один из восьми сепараторов будет поддавлен, при окон-

чательной сборке прибор не пройдет испытания. А разбирать и пытаться перевешивать на новых подшипниках — это «катастрофа» для слесаря-сборщика. Для производства — колоссальные убытки. Для сравнения: стоимость одного подшипника равнялась стоимости средней заработной платы рабочего того времени.

— Вы прошли эти испытания?

— Когда я осознал, что у меня получается, я действительно себя заужал. Но самое ценное, что я тогда впервые столкнулся с коллективом взрослых людей, разных по возрасту, характеру. Людей, очень ко мне доброжелательных. Людей, умеющих дружить, шутить, а после работы и как следует выпить. Меня поражали эти грубоватые мужские пальцы, которые выполняли поистине ювелирную работу.

— Я так понимаю, Юрий Александрович, что у вас-то как раз и был некий врожденный подход...

— Видимо, так. Не подвел отца, и это главное. Да и маму — она тоже на РПЗ работала, в отделе кадров. И потом, с годами, умение почувствовать уже не деталь, а человека мне очень помогало в жизни. А тогда, в 1970-м, я поступил на вечернее отделение нашего Раменского филиала МАТИ — Московского авиационно-технического института, потому что не хотел висеть на шее родителей, тем более, что к двадцати годам я женился.

— Семья, работа, институт... И все это — сразу, да в 20 лет! Вы взяли очень высокую планку, это как-то повлияло на ваш дальнейший рост, карьеру?

— Знаете, на счет роста, карьеры... В те годы слово «карьера» воспринималось скорее негативно. Вопрос в другом. Конечно, человек должен ставить перед собой какие-то задачи, рубежи, к которым он должен стремиться. Иначе жизнь бесцельна. Чем ближе подходило время к получению диплома, тем больше меня тяготила бумажная работа инженера-технолога. По сути своей, мне очень нравилась работа с людьми, быть в гуще событий, чтобы завтрашний день не был похож на сегодняшний. Для меня абсолютно не было случайным вступление в 20 лет в ряды КПСС. Я возглавлял несколько лет цеховую комсомольскую организацию, которая насчитывала более 140 человек.

— Что же, вы на ниве инженера себя совсем не видели?

— Вы хотите услышать более радикальный ответ? Тогда скажу так. Будучи эксклюзивным слесарем-сборщиком, я ощущал себя более комфортно и по зарплате и по отношению со стороны руководства цеха. При переходе в инженеры на таких масштабных предприятиях сталкиваешься с колоссальной конкуренцией среди ИТР. На более-менее высоких должностях, начиная от должности заместителя начальника

цеха, одни и те же люди сидели десятилетиями, то есть никаких перспектив в обозримом будущем не прорисовывалось. Понимание этого расстраивало меня и вгоняло в тоску. И вот однажды вечером я сильно задержался на работе. Иду по коридору, вижу — плакат с фотографиями членов и кандидатов в члены Политбюро. И под каждым портретом — кратенькая биография. Я огляделся по сторонам, снял этот плакат и домой принес. Там развернул и стал внимательно изучать скудные тексты.

Анализ биографий этих уважаемых людей показал мне интересный алгоритм. Независимо от профессии и отрасли, в которых начинался трудовой путь, они обязательно по жизни проходили освобожденную комсомольскую и партийную работу, а также работу советских и хозяйственных руководителей. И это меня заставило призадуматься.

Впоследствии я неоднократно задавал вопрос большим партийным работникам, в чем здесь логика?

Мне отвечали, — это системная работа по подготовке и расстановке кадров. Если человек справлялся на одном участке, то его перебрасывали на другой и так далее, чередуя партийную, советскую и хозяйственную работу. Считалось, что такие люди нарабатывают большой кругозор и опыт. Становились как бы универсальными руководителями.

— Ну, хорошо, задумался, прикинул. А что пришлось делать,

чтобы попасть на комсомольскую работу?

— А вот как раз ничего. Дело случая. В Раменском городском комитете комсомола освободилась ставка инструктора. Первый секретарь Евгений Рыцарев (впоследствии дипломатический работник высокого ранга) попросил секретаря комитета комсомола РПЗ Славу Желнакова рекомендовать человека с производства. Выбор пал на меня. Я не отказался, потому что морально был готов к этому.

— Вряд ли один вы разгадали этот алгоритм, но лишь единицы смогли реализовать. Значит, помимо понимания, как действовать, нужно что-то еще?

— Да, когда пришел на работу в горком, не думал о каких-то алгоритмах. Я был полон ответственности. Боялся не оправдать доверие. Был абсолютно уверен, что не имею права не выполнять то, что кому-то обещал, даже в мимолетном разговоре. На меня свалился мгновенно огромный круг общения с комсомольскими организациями, редакциями газет, спортивных клубов, взаимодействие с партийными организациями предприятий и много, много чего.

Позже мне сказали, что где-то через 3–4 месяца с начала моей работы многие стали замечать мою абсолютную обязательность.

— Вот с кем из комсомольских работников не поговоришь,

все с восхищением вспоминают эту эпоху.

Да, это действительно так. Ведь той атмосферы дружбы, товарищества, умения постоять друг за друга в партийных организациях не было. Мы были молоды и искренны. Работники аппарата постоянно находились в городских и районных организациях. Мы проводили субботники, концерты самодеятельности, создавали комсомольско-молодежные строительные отряды для важнейших строек Московской области, отмечали юбилеи и памятные даты...

Могли и выпить хорошенько, и закусить, а на утро голова свежая, по молодости, и опять «на подвиги». Из комсомольской номенклатуры быстро отсеивались люди мелочные, злопамятные, мстительные, непорядочные.

— И сколько лет вы отдали Раменскому комсомолу?

— 8 лет. Прошел путь от инструктора до первого секретаря горкома комсомола. И всегда гордился и горжусь своей комсомольской организацией. Она была в десятке лучших по всем направлениям работы в Московской области. Я горжусь тем, что в мою бытность наши комсомольско-молодежные строительные отряды занимали первые места в социалистическом соревновании на комсомольских ударных стройках при строительстве производственных мощностей Воскресенского химкомбината и Давыдовского за-

вода по производству сельскохозяйственных работ.

— Ну, хорошо, работали 8 лет и постоянно ждали, что вам что-то предложат? И кто предложит?

— Ох, какой классный вопрос! В той системе реально могли что-то предложить только обком ВЛКСМ и горком партии. Причем только при условии успешно выполненных своих обязанностей. В противном случае это твои проблемы. Я всегда реально понимал, что у руководства можно что-то попросить один раз и то при условии, что ты это заслужил. В этой самооценке нельзя ошибаться. Ко мне очень хорошо, по-дружески относились практически все руководители промышленных предприятий, строек, колхозов и совхозов. Меня воспринимали как надежного, серьезного человека.

Когда объективно наступило время, я воспользовался правом попросить.

— Могу предположить, что согласно биографии членов Политбюро, просились на хозяйственную работу?

— Вот так и знал, что будете алгоритмом попрекать. Действительно, у первого секретаря горкома партии Леонида Витальевича Смирнова (будущего заместителя министра текстильной промышленности РСФСР) я попросился на хозяйственную работу. Спросил — куда хочешь? Ответил лукаво: «Куда партия пошлет».

Но я был уверен, особо далеко не пошлет. Впоследствии меня назначили главным инженером филиала Московского электрозавода имени Куйбышева, ныне Раменского электротехнического завода.

Я хочу сказать о другом. Мотивов для ухода из комсомола было два. Первый — я честно отработал восемь лет. Мне исполнился тридцать один год, это традиционный рубеж. Второй — за мной шел мой товарищ, второй секретарь Юра Чаплин, пользующийся большим уважением в комсомольской организации района, моложе меня на два года. И если я не уступаю ему место и он не избирается первым секретарем в 84-м году, то в следующем году его по возрасту обком комсомола не пропустит.

— Это к вопросу о порядочности в отношениях или комсомольском братстве?

— Ну, безусловно, мы все обязаны думать о тех, кто рядом с нами. Я бесконечно рад, что Юрий Константинович после меня возглавил городскую комсомольскую организацию. В дальнейшем он стал политиком федерального уровня — членом Совета Федерации. Он сыграл исключительную и определяющую роль для нашей Московской области. К сожалению, об этом мало кто знает.

— Вот так заинтриговали! А что произошло с Московской областью?

— К счастью, ничего не произошло. Но могло произойти...

1992 год. Первый мэр Москвы Гаврила Харитонович Попов, пользуясь близкими отношениями с Ельциным, уговорил Бориса Николаевича объединить Москву с Московской областью. Об этом случайно узнает губернатор области Анатолий Степанович Тяжлов и обескураженный приезжает к себе в кабинет. Приглашает своих помощников

Чаплина и Юдакова (ныне первый заместитель председателя Мособлдумы) и говорит, что Указ об объединении готовится и возможно будет подписан сегодня. Нужно срочно встретиться с Ельциным, но о чем говорить, какие аргументы можно привести против Указа?

Юрий Константинович и Сергей Викторович оперативно подготовили справку на имя Президента России, где лаконично и четко обосновали, что лидер объединенной с Подмосковьем столицы с учетом промышленного и научного потенциала, а также численности населения при выборах Президента Российской Федерации становится доминирующим политиком.

С этим документом Анатолий Степанович Тяжлов тут же поехал к Борису Николаевичу. Тот нехотя его принял, сразу сказав, что Указ лежит на столе, и он будет подписан. Анатолий Степанович обратился только с одной просьбой — прочитать короткую справку. Как потом рассказывал Тяжлов, чем внимательнее

вчитывался в документ Ельцин, тем задумчивее становился. Долго смотрел в окно. Потом опять начал внимательно вчитываться. Затем резко положил справку на стол, из правой стопки документов взял подготовленный Указа, разорвал, выбросил в урну и сказал: «Анатолий Степанович, идите работать». Вот такая интересная история.

— Да, действительно интересно. В общем, сыграли на личных амбициях Президента РФ.

— В целом, конечно, да, но это — сущая правда. Действительно, образование такого огромного субъекта Российской Федерации равносильно появлению государства в государстве. На мой взгляд, заслуга Чаплина и Юдакова в том, что они, хорошо разбираясь в экономике и политике, оперативно подготовили лаконичный, убедительный документ.

— Переход в другой, незнакомый коллектив всегда стрессовая ситуация. Как принял завод нового главного инженера?

— Меня приняли очень доброжелательно. Прежде всего, директор завода — Николай Пахомович Радченко, человек, прошедший долгую системную производственную жизнь.

Люди: начальники цехов, инженеры, рабочие с интересом присматривались, что за молодого «кадра» к ним прислал горком партии. Производство — дело суровое. План продукции, как правило, был на грани техно-

логических возможностей предприятия. А задача главного инженера — обеспечить электроэнергией, теплом, чтобы оборудование работало, вовремя совершенствовать технологический процесс, особенно, когда разрабатывается новое изделие.

— Кстати, какую продукцию выпускал завод?

— Мы поставляли по всей территории Советского Союза измерительные трансформаторы тока и напряжения для подстанций, обеспечивая надежное электроснабжение государства. Также отправляли за рубеж и для собственных нужд оборудование для газоочистки цементных, химических и металлургических предприятий.

— Непонятно все-таки. У вас опыт инженера — три года. Далее восемь лет общественной работы, и сразу главный инженер?

— Претензии к квалификации?

— Ну, что-то в этом роде.

— Если честно, через месяц ясно почувствовал, что грамотешки не хватает. Иной раз попадал в курьезные ситуации. Но это очень бодрило! Чем спасался? С утра до вечера был в цехах, а вечерами допоздна изучал техническую литературу. Все-таки базовое образование авиационного технологического института дало возможность быстро разобраться в электротехнике.

Помогло умение общаться с людьми, найти к каждому подход. И глав-

ное в ходе разговора не строить умную физиономию. Люди сразу чувствуют неискренность и чванство. Поэтому ко мне относились хорошо и старались мне помочь.

К концу первого года работы на заводе я уже мыслил стратегически, охватывал весь комплекс вопросов, за которые отвечает главный инженер. По городу и заводу пошли слухи, что парня прислали толкового.

— На заводе проработали не долго, кажется два года? Дальше — секретарь горкома партии. Это тоже случайно?

— Может случайно, может не случайно! В 86-м году первым секретарем городского комитета партии избрали Александра Сергеевича Соколова, до этого работавшего директором в совхозе «Подмосковный». Самое примечательное, что ему было всего тридцать семь лет. Месяца через два-три он звонит моему директору с желанием посетить заводское партийное собрание, с просьбой, чтобы на этом собрании выступил главный инженер. Перед собранием приехал на завод, походил по цехам, пообщался с людьми и после собрания уехал. А через месяц вызвал меня и сказал, что областной комитет партии рекомендует мою кандидатуру для избрания вторым секретарем, который должен отвечать за промышленность, строительство, транспорт и многое другое. Я сам был удивлен. Мне было тридцать три года.

— И все-таки карьерный алгоритм просматривается?!!

— По всей видимости, просматривается. Главное в другом. Вы обратили внимание, прежде чем решать по мне кадровый вопрос, первый секретарь приехал на завод. Два часа ходил по цехам, это потом было ясно — с какой целью. Послушал мое выступление на партсобрании и только потом принял решение. Если бы были отрицательные отзывы, то ничего и не было бы.

— Ну, хорошо, согласен. Поговорим о партии.

— Можно поговорить о партии, но, боюсь, это будет скучно, потому как говорить развернуто надо долго. Да, мы системно работали с предприятиями и министерствами всех отраслей народного хозяйства, представленных в районе. Мы действительно знали людей на местах и старались быть к ним как можно ближе. Период нашей работы пришелся как раз, начиная с восторга горбачевской перестройки и до уныния ее печального завершения.

— Вы как секретарь горкома партии ощущали ли в ближайшее время крах КПСС?

— Сначала нет. Но вскоре резко ухудшилось экономическое положение в стране. Люди начинали нервничать, так как плохо стало с потребительскими товарами, хуже стало с продовольствием. Мне и моим коллегам чаще пришлось выезжать

в трудовые коллективы. Явственно нарастало напряжение.

Особо в памяти осталась одна из встреч. Директор крупного авиаремонтного завода позвонил утром и очень просил приехать и выступить перед людьми. Договорились на 17 часов. Приезжаю. Захожу в зал дворца культуры. В зале — 350–400 человек. Удивительная тишина. Я как-то сразу почувствовал тяжелую ауру в зале. Мне стало не по себе от большого количества напряженных, внимательных пар глаз, которые тебя буквально пронизывали. Люди ждут от меня внятных пояснений, что происходит в районе, области, государстве.

Но им невдомек, что, к большому сожалению, несмотря на то, что я секретарь горкома партии, — сам далеко не все понимаю, что происходит. С тяжелым чувством встаешь за трибуну, реально оценивая, что если в течение 5–8 минут ты не завладеешь их сознанием, не найдешь нужные слова — они снесут со сцены. В то время я действительно набрал колоссальный опыт, который впоследствии дал возможность выступить в любой аудитории. Тяжелое было время.

— Значит, до конца верили в незыблемость партии. Интересно...

— Нет, не до конца. В это время уже рухнула Польская рабочая партия. Шли революционные процессы в странах Восточной Европы. А ког-

да 25 декабря 1989 года расстреляли руководителя Румынии — Чаушеску с женой, то стало ясно: у нас будет не просто.

Партбилет члена КПСС хранится дома. Это огромная часть моей жизни.

— А что заставило вернуться на завод?

— Здесь опять дело случая. Мой многоуважаемый директор завода Николай Пахомович Радченко уходит на заслуженный отдых в возрасте 68 лет, и ко мне в рабочий кабинет пришли делегаты с завода с просьбой, чтобы я вернулся в качестве директора.

— И с радостью согласились?

— Да, но при условии, что головной Московский электрозавод отпустит Раменский филиал в самостоятельное плавание и даст заводу собственное юридическое лицо. Иначе мне было бы стыдно перед родным городом, так как до этого Раменский филиал все налоги отчислял в Москву.

— Да, это действительно важно. Раз люди живут и работают в городе, то и город должен получать деньги в местную казну на его жизнедеятельность. Продукция завода должна быть востребована.

— С этим у меня особых проблем не было. В тяжелые 90-е годы, когда людей сокращали с предприятий,

замораживали заработки, у меня люди получали хорошо, и валовка с каждым годом росла.

— За счет чего?

— Для того чтобы получить сверхприбыль, на рынке должен быть товар, которого нет у других. Но это не может быть бесконечно, так как этот товар конкуренты скопируют. Пока конкуренты копируют, необходимо разработать новый товар и запустить его в производство.

Для этого пригласил на завод талантливых конструкторов Михаила Хаймовича Зихермана и академика Александра Михайловича Брянцева. Предоставил им в распоряжение цеха. Рабочие и технологи им помогали во всем. Дело пошло.

У меня с ними были особые договоренности по финансовому стимулированию. Они получали вознаграждение в процентах от проданных изделий, так называемые роялти. Эти люди постоянно генерировали новые идеи и практически сами с помощью завода их воплощали в жизнь.

— Это не означает, что они зарабатывали больше директора?

— Как вы ухватили мысль. Безусловно, они зарабатывали значительно больше директора. Это у некоторых моих коллег вызывало недоумение и неприятие. В ответ своим оппонентам я говорил, что готов платить любому столько, кто будет приносить новые технически конкурентные изделия. Но это удел единиц.

Кстати, за внедрение в производство управляющих шунтирующих реакторов разработки академика Брянцева, с помощью которых уменьшались технологические потери электроэнергии в сетях, ряд работников завода получили премию правительства в области науки и техники.

— В том числе и вы?

— В том числе и я.

— Давайте перейдем к депутатской деятельности. Ведь перед Государственной Думой вы были депутатом Московской области. Проявилась ностальгия к общественной работе и жизни?

— Нет, нет! Это уже другая история.

В декабре 1993 года избирается первая Московская областная дума из 50 депутатов на освобожденной основе. В силу того, что производственники всех мастей не решилась расстаться с производством, то после избрания в областной думе оказались юристы, врачи, учителя, работники культуры и многие другие, не имеющие отношения к реальному сектору экономики.

Практика показала, что исполнительная власть области очень тяжело взаимодействовала с депутатами в плане принятия законов, касающихся экономического развития Подмосковья.

У губернатора Анатолия Степановича Тяжлова с депутатами постоянно были стычки. За три года работы с ними, видать, нахлебался. По тре-

бованию губернатора депутаты, отказавшись голосовать за формирование будущей думы по принципу «50 на 50», то есть 50 депутатов на освобожденной основе, 50 — нет, вынуждены были все же вынести этот вопрос на референдум области.

— Вот теперь понятно. Нужно было искать крепких хозяйственников.

— Совершенно верно. Я стал одним из тех, на кого пал выбор. Мне лично Анатолий Степанович предложил избираться. Единственно, что меня смущало, что, если жители области не поддержат идею «50 на 50», мне нужно будет покинуть завод. Такая перспектива меня не устраивала. Но народ проголосовал за это решение с результатом более 90 процентов.

На этом дело не закончилось. Приглашает меня Тяжлов и говорит: «Я тебя прошу возглавить комитет по народнохозяйственному комплексу». Отвечаю: «Это абсолютно исключено, поскольку придется покинуть завод». И уехал. Проходит неделя, опять просит зайти. Я, говорит, твою проблему решил, по тебе персонально дума проголосует, разрешив совмещение должностей директора завода и председателя комитета.

— Ну и что, добавил?

— Добавил.

— Зачем ему это было нужно?

— Комитет этот отвечал за промышленность, строительство, транспорт, энергетику — важный комитет.

Видимо, я оказался из тех, кому он больше доверял.

— Ну и как на двух креслах?

— Честно скажу, очень скоро я об этом пожалел. Никогда не верьте, что человек может эффективно работать, сидя одновременно на двух-трех креслах, далеко находящихся друг от друга. Представьте, утро понедельника. Куда ехать на планерку? На завод?

В Думу? И так — на разрыв постоянно. Поэтому жизнь заставляет все равно выбирать что-то одно.

— И вы выбрали депутатскую деятельность в Государственной Думе.

— Меня больше тянуло в производство, а становиться депутатом Государственной Думы в мои планы не входило. Более того, эта тема меня интересовала мало. А произошло ... Догадайтесь-ка, что произошло?

— Не знаю, может, какие-то форсмажорные обстоятельства?

— Что-то в этом роде. В октябре 1998 года приглашает Анатолий Степанович и говорит, что в декабре 99-го года — выборы в Государственную Думу. Предлагает избираться по Люберецкому одномандатному округу (Для справки: 800 тысяч избирателей, 2 района, 3 города областного подчинения). Дважды я отказывался по той же причине, что хочу остаться в производстве.

Через пару недель приглашает снова. Настроен сурово, но товарищески. Посадил за стол на-

против, внимательно смотрит в глаза и говорит, что как производственник он меня понимает. Но как губернатор считает, что я веду себя неправильно. То, чего я достиг в жизни, не только моя заслуга, а заслуга партийных организаций области и Раменского района, их руководителей, которые наблюдали за моим творческим потенциалом, выдвигали, доверяли и поддерживали. В настоящее время Московской области необходимо достойное представительство в Государственную думу, а у него нет другого человека, который может в реальной конкурентной борьбе гарантировано выиграть округ. Я ему говорю: «Я Люберцы и Дзержинск совсем не знаю». Отвечает: «С Люберцами и Дзержинском поможем, у тебя абсолютная узнаваемость и авторитет у населения Жуковского, Бронниц и Раменского района».

— Пришлось опять сдать?
Не часто ли?

— Вот в этой ситуации «опять сдать», скорее всего, неуместно. По сути, Анатолий Степанович был прав. Перед ним стояла задача, чтобы в Государственной думе Московскую область представляли люди зрелые, уравновешенные, способные отстаивать интересы Подмосковья. Нужно было не ошибиться в кадрах во всех округах области, а их было одиннадцать. Поэтому выпендриваться и ставить свои личные приоритеты выше государственных — это действительно было бы уже, мягко говоря, неприлично.

— Какие самые большие трудности пришлось преодолевать во время выборов?

— Избирательная компания — это тяжелейшая работа. В течение двух месяцев, практически без выходных, с 8 утра до 8 вечера встречался и проводил по 8-10 встреч во дворцах культуры, на производственных площадках различных отраслей народного хозяйства, с учителями, врачами, интеллигенцией и всеми, всеми, в том числе в жилых кварталах. Разные аудитории по социальному происхождению и возрасту. И к каждой аудитории ты должен найти свой подход, свои мотивы. Вызывать эмоции так, чтобы слова дошли до сердца избирателей.

Хочу поведать о большой неожиданности, с которой я столкнулся во время выборов. В общей сложности набралось тринадцать претендентов. Один из них был летчик-космонавт Игорь Петрович Волк, который, напомним, на «Буране» из космоса вошел в плотные слои атмосферы и посадил летательный аппарат на аэродром Летно-исследовательского института в городе Жуковском.

Так вот, возвращаюсь к неожиданности. Апрель 1999 года. Звонок. Знакомый голос депутата Государственной Думы от КПРФ Александра Сергеевича Соколова с пожеланием о встрече. С радостью встретились. В процессе разговора Александр Сергеевич объявляет, что компартия посчитала, что ему необходимо пойти на выборы в Госдуму по Люберецкому району. Таким образом

я невольно встаю на пути человека, который будучи первым секретарем Раменского горкома партии, приглашает меня к себе в партнеры, вторым секретарем, являясь моим другом. А я уступить никак не могу, так как с декабря прошлого года связан обязательством с губернатором и администрацией Президента РФ.

В этой дурацкой ситуации, в которую нас поставила судьба, мы усмехнулись и договорились, что друг о друге ни одного плохого слова, а дальше — как получится.

Александр Сергеевич выиграл Люберцы и Дзержинск. Мне хватило голосов Бронниц, Жуковского и Раменского района, чтобы победить в целом. Мы до сих пор дружим семьями. Видимо, судьба решила проверить нас на прочность человеческих отношений. Очень рад, что это испытание мы прошли с честью.

— Когда вникаешь в выборы в Госдуму по одномандатным округам, видишь, что конкуренция за мандат составляет от 10 до 18 человек, задаешься вопросом, а что так тянет туда людей? Реально изменить ситуацию в стране к лучшему, личные амбиции или еще что-нибудь?

— Не готов ответить за всех. У каждого свои мотивы. Безусловно, Дума дает депутату возможность проявить себя в медиапространстве, чтобы он был узнаваем на всю страну, многие над этим системно работают.

Но если на Госдуму смотреть прагматично, то это, прежде всего, «фа-

брика» по производству законов по всей сфере экономической, социальной и политической жизни государства. Главная задача депутатов, чтобы эта «фабрика» эффективно работала.

Вообще, депутатов, которые системно, изо дня в день занимаются законами, готовят их на заседание Комитета, работают с министерствами и ведомствами, выходят с ними на трибуну Госдумы, не так и много. По моим оценкам — не более 90–100 человек.

— С чем вы столкнулись, когда впервые прошли в Госдуму? Может быть, какие-то конкретные задачи перед собой ставили?

— Госдума работает по фракционному принципу. Поэтому, несмотря на то, что избирался по одномандатному округу и, с одной стороны, являлся самостоятельным депутатом, а с другой — должен был войти в какую-то политическую структуру в Госдуме, без колебаний выбрал партию «Отечество — Вся Россия», тем более, эту фракцию возглавлял Евгений Максимович Примаков.

— Я вспоминаю, «Отечество» было насыщено очень яркими и известными людьми.

— Это действительно так. Напомню некоторые фамилии: Борис Николаевич Пастухов, Геннадий Васильевич Кулик, Анатолий Сергеевич Куликов (в прошлом — министр внутренних дел РФ), Виктор Георгиевич Куликов, маршал СССР, Андрей Афанасьевич Кокошин и мно-

гие другие. Первоначально фракция насчитывала 46 человек.

— Это, кажется, не много! Может, я не прав?

— Действительно, сравнительно небольшая, но очень моторная фракция. Меня назначили заместителем председателя Комитета по энергетике, транспорту и связи, где мне было поручено курировать электроэнергетику.

— И вы этому Комитету не изменяли все 15 лет работы в Думе. А какие были первые впечатления?

— Первое, я очень благодарен судьбе за то, что познакомился с Николаем Ивановичем Рыжковым и Виктором Степановичем Черномырдиным. Никогда не мог себе представить, что буду сидеть с этими легендарными людьми за одним столом и вместе обсуждать насущные для страны законы, и не только законы. В общении это прекрасные, доступные и, безусловно, неординарные люди.

Второе впечатление — быстро осознал, что, не имея юридического образования, очень сложно не то что писать — читать законы. Иногда приходилось перечитывать абзацы законов по 5–6 раз для того, чтобы понять заложенную мысль. Но практика показала, что со временем это проходит.

— Мне очень понравилось, как вы сказали, что Дума — это

«фабрика» по производству законов. А какова ваша роль на этой «фабрике»?

— Оглядываясь назад, без ложной скромности, считаю ее значительной. В течение двух с половиной лет пришлось заниматься с одним из самых тяжелейших законов по сути и политическому звучанию в обществе, законом «Об электроэнергетике».

В конце 90-х сложилась тяжелейшая ситуация с ценой на электроэнергию. Стоимость 1 киловатт-часа в разных территориях нашей страны отличалась до 15–18 раз. В Конституционный суд стали приходиться жалобы на то, что государство не обеспечивает равные права гражданам согласно Конституции России. Это действительно была проблема, требовавшая кардинального решения.

— А что произошло с электроэнергетикой? Все помнят, что в советское время на всей территории Союза стоимость киловатт-часа была для населения 4 копейки и для промышленности 2 копейки.

— В советское время вся электроэнергетика страны работала по котловому методу. Любая электростанция, а их огромное количество: тепловые, атомные, гидро, с учетом своих технологических особенностей имеют свою себестоимость производства киловатт-часа. Раньше все это усреднялось и продавалось за 4 копейки. Строительство новых электростанций, согласно плану

развития, финансировалось, в том числе, за счет средств, выделенных Правительством СССР.

В 1992 году из-за отсутствия средств государство отказалось от электроэнергетики, было принято решение отрасль акционировать и создать РАО «ЕЭС России». Все пе-

решили на свои «коврижки». Поэтому в каждой области, крае или республике электростанции выдавали каждый свою цену, согласно технологической эффективности оборудования.

Еще немаловажный фактор. Для обеспечения государства гаранти-

рованной электроэнергией необходимы были средства на строительство новых генерирующих мощностей, модернизацию старых, требовались средства и для электросетевого хозяйства. В то время 14 регионов имели острый дефицит электроэнергии, в том числе Московский регион, Санкт-Петербург.

Необходимо было создать условия в отрасли для привлечения внебюджетного капитала.

— Если честно, я впервые как обыватель, далекий от электроэнергетики, получил ясные, как мне кажется, для каждого человека разъяснения. Почему над законом работали так долго? Два с половиной года!!!

— Вы знаете, я не хотел бы запутывать читателей изложением подробностей. Первое, очень важно, что в советское время была построена уникальная единая энергосистема, работающая как маятник от западных границ до Байкала. Отрасль регулировалась постановлениями Правительства СССР. Отрасль своего закона не имела.

Второе, чтобы свести отрасль в закон, да к тому же прописать взаимодействие всех субъектов электроэнергетики по-новому, в том числе, описать работу оптового и розничного рынка электроэнергетики, требовались особые усилия.

В-третьих, провести огромную разъяснительную работу среди профессионалов и политиков. Реформа электроэнергетики обсуждалась практически на всех площадках

Госдумы, Совета Федерации, Союза российских промышленников и предпринимателей и так далее. Была создана комиссия при Президенте РФ.

— Проходило все очень сложно?

— Сложно? Это очень мягкое слово. При подготовке законопроекта во втором чтении депутатами было подано рекордное количество поправок — 1880. Чтобы понять, что это такое, скажу — когда 14 февраля 2003 года ровно в 11 часов я встал на трибуну Госдумы представлять законопроект, то отвечал на вопросы коллег от всех политических партий до 16 часов 40 минут с небольшим перерывом. Это своего рода рекорд стояния на трибуне. Закон был принят и подписан Президентом РФ 26 марта.

— Вы получили от этой работы удовлетворение?

— Скажу честно, где-то в течение полугода до рассмотрения закона очень нервничал. Психологическая атмосфера вокруг закона была тяжелой. Реально понимал, что будут попытки меня атаковать вопросами, запутать, сбить с толку, чтобы провалить закон на трибуне.

Но понимал и главное — это политическая борьба, от которой уйти невозможно. На мне лежала ответственность перед многими людьми, которые готовили со мной закон. Это ответственность перед фракцией, если хотите перед Президентом РФ.

Был очень удовлетворен, что не дал никакого шанса оппонентам усомниться в своей подготовке.

— В Думе пятого созыва вы были избраны председателем Комитета по энергетике. Что-то было для вас важным в этот период?

— Работа была интенсивная. Систематически правительством и депутатами вносились поправки по совершенствованию законов в части развития топливно-энергетического комплекса. Но самое важное для меня и страны было то, что в этот период был принят полноценный закон «О теплоснабжении».

Тяжелейшая ситуация в коммунальном хозяйстве. В мегаполисах и крупных городах тепло вырабатывают теплоэлектроцентрали, котельные разных мощностей, работающие на разных видах топлива. Необходимо регулировать взаимодействие тепловых сетей. При этом все эти объекты принадлежат разным собственникам. Срочно требовался закон, который бы позволил мэрам городов и руководителям муниципальных образований системно работать со всеми тепловиками, координировать взаимодействие по реконструкции, строительству новой инфраструктуры и планомерно готовиться к очередному осенне-зимнему периоду.

Закон «О теплоснабжении» был разработан в 2007 году, в течение двух с половиной лет не мог пройти согласование в министерствах и ведомствах. Много было противоречий, поэтому Правительство РФ внесение законопроекта в Госдуму безнадежно затягивало, и перспектив я не видел.

— Что оставалось делать в этом случае?

— Вот и я думал, что делать? Решил после очередного заседания правительственной комиссии по ТЭКу подойти к ее председателю — Сечину (вице-премьеру Правительства РФ). Предложил Игорю Ивановичу следующий подход. Я и член Совета Федерации В.Е. Межевич (один из разработчиков) вносим закон за своими подписями.

После первого чтения, при подготовке окончательного варианта, создаем рабочую группу из представителей всех заинтересованных министерств и ведомств, которая будет работать под моим руководством в кабинете председателя Комитета по энергетике. Условие одно: представитель министерства или ведомства, невзирая на должностной ранг, имеет решающее слово.

Игорь Иванович поддержал предложение, и мы начали работать по этой схеме.

Такой подход оказался очень удачным. В течение четырех месяцев мы все вместе доработали закон. Государственная Дума приняла, а 20 июля 2010 года его подписал Президент РФ. Таким образом, с принятием закона мы получили отрасль — теплоснабжение.

— Хороший метод! А главное — эффективный.

— Как у католиков. При избрании Папы Римского кардиналов запирают в зале и не выпускают до тех пор, пока не изберут.

— Совершенно верно. Я обратил внимание на стене вашего кабинета на фотографию, на которой вы в Кремле рядом с Президентом РФ Дмитрием Анатольевичем Медведевым за столом переговоров с какой-то иностранной делегацией. Что это за делегация и почему именно вы на переговорах?

— В 2011 году Дмитрий Анатольевич Медведев принимал в Кремле Федерального президента Германии Кристиана Вульфа. Я там оказался потому, что в течение уже 8 лет возглавляю в Госдуме межфракционную парламентскую группу дружбы с Германией. В настоящее время в эту группу входят 92 депутата. На этой встрече я делился оценкой наших взаимоотношений с коллегами из Бундестага.

— Это очень интересно. Как часто происходят встречи? О чем говорите?

— С определенной периодичностью немцы приезжают к нам, а мы приезжаем к ним. Круг обсуждаемых вопросов безграничен. Это политика, экономика, образование, культура и многое другое. Главное, на мой взгляд, то, что мы между собой ввели многолетнюю традицию — разговор вести прямой, откровенный, без особых сглаживаний проблем, чтобы быстрее понимать друг друга. Здесь мы осмысленно отдаем себе отчет — мы не дипломаты, мы — депутаты.

— Так что рубите друг другу правду-матку? До конфликтов не доходит?

— Вопрос не в конфликтности. С пеной у рта никто не разговаривает. Переговоры в такой форме хорошую услугу государству не окажут. Речь идет о твердом и ясном изложении мыслей. Главное, знать дело, четко аргументировать позицию.

— А можете привести конкретный пример вашего взаимодействия, который можно как бы «пощупать»?

— Могу. Думаю, многие помнят, как тяжело решался вопрос о проекте «Северный поток» по транспортировке российского газа по Балтийскому морю от Санкт-Петербурга до Германии. Немало было вопросов, связанных с экологической безопасностью проекта. По этой теме профессионально работали специалисты. Однако были представители государств, в первую очередь, Литвы, Латвии и Эстонии, которые просто безобразничали и всячески препятствовали продвижению проекта.

И вот уже на последней стадии переговоров, когда экологи и технические специалисты согласовали проект, оставалось убедить парламентариев прибалтийских государств, Государственная Дума вышла с инициативой провести в Питере Межпарламентскую конференцию «Проект «Северный поток». Парламентское измерение». Конференция состоялась 31 марта 2009 года.

Нам удалось собрать парламентариев этих государств в одном зале. Была жаркая дискуссия, в которой я принимал участие. И очень важно, что тогда огромную, без преувеличе-

ния, роль сыграли депутаты Бундестага. Они поддержали наш проект и активно убеждали коллег из других государств сделать то же самое.

После этого, в течение двух месяцев, все парламенты прибалтийских государств проголосовали за «Северный поток», и вскоре началось строительство первой нитки газопровода.

— В нынешнее далеко не простое время в отношениях с Европой как часто приходится общаться с парламентариями Германии?

— Скажу прямо, в 2014 году контакты резко сократились. Но с декабря прошлого года неожиданно германские депутаты активизировались. Приезжала, во главе с моим коллегой Бернаром Кастером, группа дружбы с Россией. Было несколько контактов с германскими парламентариями по линии председателя Государственной Думы и председателя Комитета Госдумы по международным делам.

3 и 4 марта я возглавил официальную делегацию депутатов Госдумы в Берлин, где проходили встречи в Бундестаге и министерстве иностранных дел Германии. Диалог необходим. Будем и дальше системно работать в этом направлении.

— Пользуясь случаем, хотел бы уточнить. Вы, кажется, были секретарем Парламентской комиссии по расследованию аварии на Саяно-Шушенской ГЭС?

— Да, был.

— Погибло огромное количество людей. Вы были в гуще со-

бытий. Ваша оценка причин случившейся трагедии?

— Я прилетел на ГЭС на третьи сутки, впечатление было ужасающее как от самой аварии, так от той невыносимой атмосферы траура, витающей над всем поселком. Там уже работали наши ведущие специалисты Владимир Евгеньевич Фортов, в будущем Президент Российской академии наук, Михаил Петрович Федоров, ректор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Из разговоров с ними было понятно, что ничего не понятно.

Комиссия технадзора работала жестко, согласно своим нормам. Никаких комментариев они не давали. Такой аварии в мировой практике гидроэнергетики не было, шло много запросов со стороны мирового сообщества гидроэнергетиков с просьбой пояснить причину.

У меня было предположение, что причины все-таки в халатности и в недобросовестности исполнения должностных обязанностей. Доложил Борису Вячеславовичу Грызлову свои впечатления. Он ответил, что долго размышлял и убедился сейчас, что это тот случай, когда Федеральное Собрание Российской Федерации обязано создать комиссию парламентского расследования.

— То есть, это инициатива Грызлова?

— Да, инициатива Бориса Вячеславовича!

Штаб созданной комиссии находился в моем кабинете. Кроме депутатов к расследованию было привлече-

но большое количество специалистов и экспертов. Работу с экспертами возглавлял Николай Иванович Рыжков и Юрий Дмитриевич Маслюков.

Не буду больше говорить об этом, тяжелые воспоминания.

Но в моем пятнадцатиминутном докладе депутатам по итогам работы комиссии были следующие слова: «Эта авария говорит о том, что мы не можем ставить под сомнения безопасность отечественной гидроэнергетики. Мы обязаны поставить под сомнение квалификацию кадров, эксплуатирующих энергообъекты повышенной опасности и провести тотальную ревизию этих кадров на соответствие занимаемой должности».

— Кто-то привлечен к ответственности?

— Да. Разные сроки заключения получили генеральный директор, главный инженер и еще ряд специалистов. Это правильно, чтобы все понимали ответственность.

Главное другое, погибло более 80 человек ни за что!

— Действительно, ни за что. Но отойдем от этой темы. Хочется спросить о другом. Люди избирают депутата. Рассчитывают на его мудрость, если хотите, поддержку. Может быть, на помощь в трудную минуту. Как депутат работает с населением?

— Если говорить о мудрости, то это качество человека, приходящее с возрастом как правило. Но мне приходилось встречаться с людьми молодыми, не по годам

рассудительными, и наоборот, человек вроде бы в годах, но поверхностный.

Поэтому у депутата мудрость — качество желаемое, но не обязательное. Тем более депутаты поселковые, районные, областные и российские — разные по возрасту и опыту.

Вопрос в другом, я в этом не сомневаюсь, так как прошел все стадии депутатства, — человек, предлагающий населению себя в качестве депутата, обязан в своей душе «поковыряться» и спросить себя: «А ты людей любишь? Уважаешь? Ты доброжелателен к ним или нет? Ты готов чувствовать боль человека, который придет к тебе на прием? И если да, то готов ли использовать все свои возможности для решения проблемы избирателя?» Если будущий депутат положительно отвечает себе на данные вопросы, то, как говорится, большому кораблю — большое плавание.

Что касается работы с людьми, то, как правило, депутат обязан часто бывать в избирательном округе, принимать участие в общественных мероприятиях, периодически встречаться с разными группами населения, которые оказали ему доверие.

Но самое главное, на мой взгляд, депутат обязан с определенной периодичностью проводить прием граждан.

— Действительно, прием населения — это особая, индивидуальная работа с избирателями. Насколько она эффективна?

— Думаю, эффективность у каждого депутата своя. Как правило, люди идут к депутату только тогда, когда не могут решить свои проблемы в исполнительной власти. А вот здесь сразу возникает вопрос к депутату, насколько он сам авторитетен у исполнительной власти и насколько готов ради пришедшего на прием конфликтовать с этой властью.

— А как вы решили и решаете эту задачу? Здесь, действительно, не простой вопрос взаимоотношений.

— Вопрос взаимоотношений с руководством города, района, региона очень важен. При системной конфронтации мало толку. Исходя из своего многолетнего опыта, я стараюсь быть в нормальных, деловых, а, если хотите, и дружеских отношениях. Вопрос в другом. У меня со всеми руководителями договоренности, что как депутат — я всегда им в помощь. Но если возникают вопросы, связанные с несправедливостью по отношению к избирателю или группы граждан, то я принципиально на стороне этих людей. Поэтому, когда веду прием, при возникшей необходимости сразу беру трубку телефона и разговариваю с должностными лицами данной территории, стараясь решить вопрос сразу.

— А если вопросы касаются компетенции вышестоящих структур исполнительной власти?

— Делаются запросы губернатору, вице-преьерам и министрам Подмосковья. При необходимости —

в федеральные органы власти. Нередко приходится посылать запросы в генеральную прокуратуру, министерство внутренних дел России.

— Но не все же вопросы решаются. Ведь порой бывает, что невозможно помочь человеку.

Действительно бывает, что помочь не можешь. Пример, из практики: сидишь на приеме, заходит человек и только начинает озвучивать проблему, уже понимаешь, что помочь ты не состоишь. В этой ситуации все равно подчеркнута внимательно, не перебивая, надо выслушать человека и честно объяснить, почему не можешь помочь ему. Депутат не имеет права допустить, чтобы с приема человек ушел униженным и оскорбленным. Он обязан приложить все свое искусство общения, выступая как бы в роли пастора, и уделить времени столько, сколько потребуется для душевного равновесия человека, пришедшего на прием. Поэтому иногда за 3–4 часа приема выходишь выжатым как лимон.

— Юрий Александрович, мы прошли по всем вехам вашей насыщенной жизни. Вы сказали, что первым из мальчишек в классе в 20 лет женились. Что можете сказать о семье?

— Совершенно точно, первый. Но никакой цели стать первым в этом у меня не было. Мы с Татьяной учились в одной школе, она годом позже, но как ни странно друг друга не знали. Познакомились во дворце культуры на танцах, два года встре-

чались. Затем решили, тянуть не стоит и поженились. Вырастили двух замечательных дочерей. Радуемся подрастающей внучке.

— Я всегда с уважением отношусь к супружеским парам, которые прошли по всей жизни вместе. Что, на ваш взгляд, самое сложное в строительстве семьи?

— Я тоже отношусь к таким парам с большим уважением. Что касается меня, я в двадцать лет не задумывался над созданием семьи. Мне кажется, в двадцать лет об этом вообще мало кто думает.

Сейчас, когда анализируешь пройденные годы, все больше и больше проникаешься уважением к супруге. Ведь без Татьяны, без ее поддержки ничего бы не было.

Я очень благодарен ей за детей, которые были практически на ее руках. Стиль работы в комсомоле и партии не позволял возвращаться с работы в 5 ли 6 часов вечера, да и по выходным постоянно отсутствовал. Поэтому жены комсомольских и партийных работников, которые прошли через все испытания и сумели сохранить семью, — это стойкие, надежные и цельные женщины.

— Юрий Александрович! Когда человек идет по жизни, то его оценивают люди. Как в народе говорят, слава бежит всегда впереди: хорошая или плохая. Человека оценивает и государство. Вы — заслуженный энергетик Российской Федерации. У вас три ордена, подписанные Указами

Президента РФ. Вы удовлетворены своей государственной деятельностью?

— Вопрос с подтекстом, что пора на пенсию? Скажу так — удовлетворен тем, что по жизни шел с открытым забралом, старался с людьми быть искренним и создавать хорошую, творческую атмосферу во всех вверенных мне коллективах, потому что коллектив — это главное, а человек способен выдать максимум того, что может, если идет на работу с удовольствием; а потом с таким же удовольствием возвращается домой, но последнее, к сожалению, от меня не зависит!

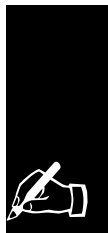
Что касается орденов, думаю, единицы людей в стране, которые награждены орденами от всех президентов Российской Федерации. Не скрою — это приятно.

— И последнее. Нам известно, что решением районных депутатов вам присвоено звание «Почетный гражданин Раменского района». Вручение награды было совсем недавно во дворце культуры «Сатурн». Это апофеоз признания районом ваших перед ним заслуг?

— Это, безусловно, оценка многолетней деятельности в разных ипостасях. Это как раз то, о чем мы говорили в начале беседы: «Где родился, там и пригодился».

Если тебя оценили те, с кем непосредственно ты прожил всю жизнь, значит, жизнь прожита не зря! □

Беседовал **Александр Аннин**

Даниил Темин

18 лет, студент 1-го курса ПГУ,
г. Биробиджан

Бесконечно готов восхвалять я богов,
Что помимо друзей дарят нам и врагов,
Бесконечной борьбой нас с тобой окружив!
Может, только поэтому я еще жив,
Может, только поэтому солнце встает...
Лишь упав, понимаешь, сколь ценен полет.
Ты однажды поймешь в этой вечной борьбе:
Ничего не бывает само по себе,
И за целую жизнь ценой крови и слез
Можешь ты заслужить исполнения грез.
Лишь в боях ты спокойствие духа познал
И терпенье, железней, чем всякий металл,
Проходя сквозь невзгоды, стал таким, какой есть.
Не сломаться в сраженьях — великая честь!
Лишь глупцы по теченью извечно плывут.
Пусть нам боги и впредь испытания шлют!

Ирина Опимах

Василий Поленов

«ХРИСТОС»

Одна из самых известных картин, хранящихся в петербургском Русском музее, — огромное полотно (3,07x5,85 м) Василия Поленова «Христос и грешница». Мимо него пройти невозможно —

оно завораживает своей красотой, удивительной правдой и глубоким смыслом. Нет людей без греха, говорит художник, а потому мы должны учиться прощать. Без этого жить нельзя...

И ГРЕШНИЦА»

В 1858 году в Россию после долгих лет, проведенных в Италии, вернулся Александр Иванов. Вернулся не один, он привез итог всей своей жизни в искусстве — картину «Явление Христа народу». Грандиозное полотно выставили в столичной Академии художеств. Конечно, все любители живописи тут же ринулись смотреть картину, о которой много говорили — и в студенческих, демократических кругах, и в высшем свете. Повел свое семейство на выставку и Дмитрий Васильевич Поленов, известный петербургский археолог и библиограф. (Он познакомился с Ивановым во время своей поездки в Рим, а вернувшись домой, восторженно рассказывал обожавшей живопись жене Марии Алексеевне и детям о гениальном художнике Александре Иванове и его гениальной картине. Дмитрий Васильевич даже пригласил Иванова, у которого в Петербурге никого не было, поселиться у них, и купил специально для него кресло-качалку. Как было бы хорошо вечерами, за чашечкой чая, говорить с Александром Андреевичем об искусстве, истории, мечтал старший Поленов. Но через полтора месяца после возвращения на родину Иванов умер...)

И вот юный Василий Поленов (ему тогда было 14 лет) увидел великое творение Александра Иванова. Стоя перед картиной, он решил, что когда станет художником (а это уже и не обсуждалось, его будущее — служение искусству), он тоже напишет большую картину и тоже посвятит ее Христу — но не тому, кто

только приходит в мир, а тому, кто уже вершит свой нелегкий путь среди людей...

Все так и случилось, но спустя почти тридцать лет. За эти годы Поленов успел пройти и пережить многое. Окончил Петербургский университет и Академию художеств. В 1873 году уехал в Рим, потом в Париж, где познакомился с Полиной Виардо, Эмилем Золя, Эрнестом Ренаном, чья книга «Жизнь Иисуса» произвела на него огромное впечатление. Ренан говорил о Христе, прежде всего, как о человеке, и Поленов решил, что и он изобразит Христа не как Господа, а как человека, но мудрее, выше, чище, милосерднее и справедливее, чем те, что были вокруг Него.

В Риме Поленов познакомился с Саввой Мамонтовым. Этот удивительный, бесконечно преданный искусству человек, успешный промышленник и щедрый меценат, собрал вокруг себя лучших художников тогдашней России. И Поленов органично вписался в эту замечательную компанию — он участвовал в поездках к историческим памятникам, в спектаклях, которые устраивались в доме Мамонтова. А еще — встретил свою первую любовь — Марию Оболенскую. История эта оказалась трагической — Мария вскоре умерла от чахотки. Горе надолго поселилось в душе молодого художника...

В сентябре 1876 года Поленов отправился в Черногорию, на сербско-турецкий фронт, добровольцем на передовую, потом — уже на русско-турецкую войну, в качестве худож-

«Московский дворик»

ника при штабе великого князя Александра Александровича. Участвовал в сражениях и заслужил военные награды — черногорскую медаль «За храбрость» и орден «Тавровский крест».

Война закончилась, он вернулся к мирной жизни и сразу приступил к работе. Именно тогда появились его знаменитые «Московский дворик», «Бабушкин сад» и «Заросший пруд», и вся Россия узнала Поленова как замечательного пейзажиста-лирика.

И только в начале 1880-х годов он снова вернулся к своему давнему замыслу — картине о Христе, и, чтобы проникнуться духом священной

земли, решил отправиться на Восток. Константинополь, Александрия, Каир, Нил, Палестина и Сирия, Греция — это было потрясающее путешествие. Поленов окунулся в жизнь, которая не намного изменилась с библейских времен, изучал ландшафты, одежды и быт тамошних людей, всматривался в их лица... В результате этой поездки родились прекрасные этюды, полные света, солнца и ароматов древней земли.

В 1882 году Поленов женился на молодой художнице Наталье Якунчиковой, которая стала его настоящим ангелом-хранителем. Зимой то-

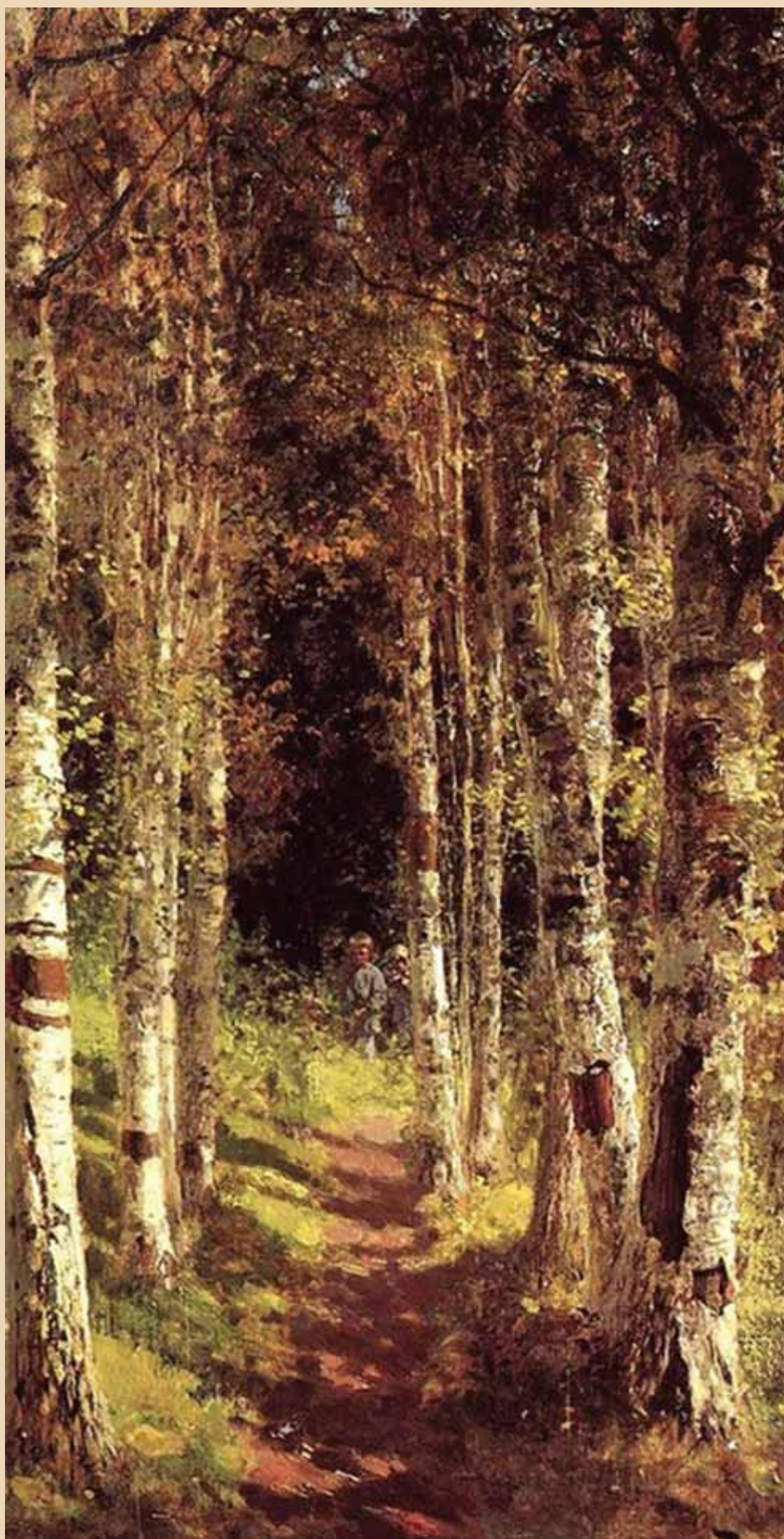

го года молодожены провели в Риме, столице католического мира. Мысль написать картину о Христе не покидала художника. А Наталья, проникнувшись грандиозностью задач, которые поставил себе ее умный, талантливый и такой любимый муж, всячески ему помогала — создавала условия для работы, вместе с ним снова и снова перечитывала книгу Ренана. «Жизнь у меня идет очень однообразно... Я все утро, т.е. часов до трех, пишу этюды, пока головы, а потом снимаю фотографии с моделей в костюмах, которые мне сделала Наталья, и очень удачно. Что

дальше будет, не знаю, но пока работа идет у меня до пота лица...» — писал другу Поленов. Работа шла медленно, да и было многое в жизни Поленовых, что отвлекало от нее — то вечера в мамонтовском доме, то еще что-то.

А в 1986 году в семье Поленовых случилось страшное несчастье — умер двухлетний сын Федя. Целый год Поленов не мог прийти в себя. Его не оставляли мысли о самоубийстве — ведь все, кого он любил — и любимая сестра Вера, скончавшаяся в 1880 году, и Маша Оболенская, и вот теперь сын, — все они его по-

*«Березовая
аллея
в Абрамцево»*

слева:
*«Бабушкин
сад»*

кидали... За что его так карает Бог? Какие грехи он совершил в своей жизни?

В таком тяжелом эмоциональном состоянии был единственный выход — работа, и Поленов снова взял в руки кисть.

Теперь он знал, о чем будет его картина. Она будет о грехе и прощении, о милосердии и справедливости. О Христе и грешнице.

На полотне оживает далекое прошлое. Перед нами — дворик Иерусалимского храма, к которому ведут высокие ступени с обелисками, испещренными священными текстами. Судя по длинным теням на земле, время клонится к вечеру. Справа за стенами храма, под слепящими лучами солнца видна дорога к Гефсиманскому саду с оливами. (Этюд «Олива в Гефсиманском саду», сделанный для картины, — настоящий шедевр пейзажной живописи.) Слева у каменного парапета сидит Христос, рядом — его ученики и спутники, расположившиеся в тени, справа — толпа обличителей. Отделившись от них, идет Симон Киринаянин, подгоняя своего ослика и оглядываясь на фарисея и саддукея. На храмовых ступенях и возле храма — торговцы со своими товарами, паломники и нищие. Еще минуту назад они все громко оскорбляли грешницу, разгневанная толпа готова была разорвать до смерти испуганную женщину. Но Христос только что произнес: «Кто из вас без греха...» — и толпа застыла. Ведь действительно, все не без греха, и имеют ли они право осуждать эту несчастную за то, что од-

нажды она оступилась? У Христа обычная одежда, непокрытые волосы, в руке — страннический посох. Он ничем не отличается от своих учеников, такой же человек, как они. Но и не такой... Недаром В.Г. Короленко увидел в поленовском Христе «странствующего восточного проповедника», человека сильного, мускулистого, с южным загаром. А В.В. Вересаев считал, что картина «дает такого Христа, каким мы Его теперь только и можем мыслить, — не Бога, а человека с огромной душой». И.Е.Репин отмечал, что Поленов все Божественное и церковное снял с Христа, «сделав Его плотником, другом рыбаков и фанатиком-проповедником», а Л.Н. Толстой назвал Его «полотером». Все так, но в Иисусе, изображенном Поленовым, чувствуется высшая мудрость, простота и человечность...

Наконец огромное полотно было закончено. Поленов назвал свою картину «Кто из вас без греха?» и впервые выставил ее на 15-й Передвижной выставке Товарищества передвижников, открывшейся в Петербурге 24 февраля 1887 года. Но говорили о ней еще задолго до открытия. Третьяков очень хотел ее купить и просил Поленова, чтобы тот всем сказал, что она продана. Если на выставке к ней проявит интерес царь, цена будет вполне весомой. Ну а если император картину не заметит, то и цена будет поменьше, говорил художнику практичный Третьяков.

Но императору картина понравилась, он захотел сам ее купить — для своего музея русского искус-

ства. Вот как писал об этом Поленов: «Сегодня на выставке был государь. Он был необыкновенно мил и деликатен. Увидев меня, обрадовался, подал руку, спросил, отчего я совсем не бываю в Петербурге. Подойдя к моей картине, сказал: «Интересно, но жаль, что картина плохо освещена». Потом подошла государыня и заметила, что выражение лица у Христа превосходно. «Правда-правда, — сказал государь, — издали Он мне показался немного староватым, но выражение лица чудесно. Поленов, а ваша картина свободна?» — «Никому не принадлежит, Ваше императорское величество». — «В таком случае, я оставляю ее за собой».

Название картины — «Кто из вас без греха?» — было для Поленова

очень важно. В нем он выразил идею того, что ему хотелось сказать зрителю. Но тут в дело вмешалась цензура. В одном из своих писем Поленов писал: «Картина эта была названа мною «Кто из вас без греха...» В этом был ее смысл. Но цензура не позволила поставить эти слова в каталоге, разрешили «Христос и грешница»... А в музее Александра III ее назвали «Блудная жена», что совершенно противоречит евангельскому рассказу, где ясно сказано, что это согрешившая, а не блудная женщина... Так название и осталось. Оно и не мое, и не соответствует евангельскому рассказу».

После выставки в Петербурге полотно показали и в Москве, а для провинции была изготовлена копия. (Сегодня она хранится в Иркутском

«Заросший пруд»

областном художественном музее.) Везде картина пользовалась таким огромным успехом, что Поленов сразу обрел настоящую славу...

Прошло несколько лет, и художник снова решил вернуться к Евангелиям. «Из этого высочайшего учения любви люди создали узкое и жестокое притворное изуверство...

Люди, называющие себя христианами, убивают, вешают, насилуют, лгут, развратничают, грабят и прикрываются самым нравственным, самым любвеобильным, самым чистым учением... Куда ни взглянешь, всюду творятся ужасы. Раскольников опять преследуют, идеалистов изгоняют, урядники, земские начальники, гу-

*«Наталья
Васильевна
Поленова» —
супруга
художника*

бернаторы бесконтрольно свирепствуют, распоряжаются... Душа возмущается, сердце обливается кровью, и ничего не поделаешь — время лжи, притворства и наглого цинизма. Ужасно тяжело!» — писал Поленов.

Христос, взявший на себя грехи человеческие, непонятый людьми и распятый на кресте, стал его главным героем. Художник приступил к работе над грандиозным циклом, который так и назовет — «Из жизни Христа», а еще — «трудом всей своей жизни». Своим искусством он хотел повлиять на людей, предавших евангельские истины, забывших, что такое добро, справедливость, милосердие и способность прощать. Он также пристально изучал тексты Евангелий, составлял точные комментарии к ним, разбирал этико-философские проблемы, сюжеты и героев своих картин. И это была огромная работа, которую художнику тоже хотелось показать людям. В своем «Художественном завещании», составленном в 1906 году, он говорил, что хотел бы опубликовать эти тексты под названием «Иисус из Галилеи».

Поленов закончил цикл «Из жизни Христа» в 1908 году. В него вошли около 60 работ, и среди них — специально сделанные копии его ранних евангельских картин — «Христа и грешницы», «На Генисаретском озере» и «Среди учителей». Однако увидеть все эти полотна зрители смогли лишь через год — художнику пришлось побороться с цензурой. Переговоры, порой весьма мучительные, все никак не кончались.

Наконец было признано (и военными, и гражданскими, и духовными радателями за Россию), что поленовские сцены «Из жизни Христа» не несут российскому государству никакой угрозы, и их можно показать людям.

В 1909 году 58 картин цикла были представлены на выставке в Петербурге, 64 — в Москве и других городах. Это был настоящий триумф! И в столицах, и в провинции картины Поленова принимались как настоящее откровение. После столь грандиозного успеха у российских ценителей прекрасного было решено почти весь цикл «Из жизни Христа», включая картину «Христос и грешница», отправить на выставку в Америку. Но тут последовали бюрократические проволочки — как же без них в России! Подготовка полотна к далекому путешествию затянулась, и к назначенному дню груз не подоспел. К счастью! Потому что корабль, на котором должны были плыть поленовские полотна из Европы в Америку, назывался «Титаник»! После этого Василий Дмитриевич долго не разрешал выставлять свои работы за рубежом.

А потом началась Первая мировая война, за ней последовала революция. Жизнь в стране быстро менялась, и то, что раньше казалось ценным, теперь не значило ничего.

Он жил, окруженный близкими, преданными людьми, в своем поместье Борок (ныне Поленово) на Оке, пытаясь отгородиться от всего безумия, происходившего в стране. И ему это как-то удавалось. Художник пре-

вратил свой дом в музей, создал для окрестных крестьян театр и диораму — 70 прозрачных, меняющихся в зависимости от освещения картин, изображающих кругосветное путешествие, начинающееся на берегах Оки. Занимался просветительством, приобщил к искусству местных детишек и взрослых, и это согревало его душу.

Последние годы жизни Василия Поленова прошли в тяжелой болезни. То ему казалось, что еще не все потеряно, то подступали минуты страшного отчаяния. Одним из его последних желаний было еще раз увидеть «высшее, что создало русское искусство — картину Иванова «Явление Христа народу». Герой Евангелий был с ним всегда. «Книга, из которой я черпал содержание моих работ, учит нас милости и прощению, а не осуждению и нетерпимости, она учит относиться строго к себе и снисходительно

к другим. Правда, задача эта очень трудная, это подвиг», — писал выдающийся русский художник Василий Поленов.

Он умер 27 июля 1927 году, в своем родном Поленове, окруженный родными и близкими.

За три года до смерти, понимая, что его евангелевский цикл вряд ли будет нужен на родине, Поленов разрешил отправить 13 полотен в Америку. Среди них была и копия «Христа и грешницы», та самая, специально сделанная для цикла. В Россию не вернулась ни одна из этих картин. Их приобрел промышленник, меценат и дипломат, любитель русского искусства Чарлз Р. Крейн. (Остальные картины из «Жизни Христа» разошлись по российским музеям.) Крейн часто до революции приезжал в Россию и, по-видимому, бывал в Русском музее. Вероятно, полотно Поленова «Христос и грешница» произвело на него незабываемое впечатление, а потому, увидев работы евангельской серии Поленова в Нью-Йорке, Крейн тут же купил их. Это был удивительный человек — с большим вкусом, умный, тонкий и глубоко любивший русскую культуру. Недаром его друзьями считали себя Стравинский, Нижинский, Рерих, Ковалевский и многие другие представители русской творческой интеллигенции. В его собрании живописи было много картин русских художников — Билибина, Коровина, Серова. Понимая истинную ценность приобретенных вещей, Крейн часто устраивал выставки — при-

Слева: *Мамонтов и Поленов*

«Золотая осень»

общал американцев к русскому искусству. Вот и поленовские картины он потом не стал прятать от людей в своем доме, а подарил одному из крупнейших университетов США — Североамериканскому университету.

В 2011 году в Третьяковской галерее открылась выставка двух картин Поленова «Повинен в смерти» (1906) и «Христос и грешница (Кто без греха?)» (1908), картин из того самого цикла, названного художником главным делом его жизни, принадлежавших Крэйну, а затем Североамериканскому университету. Выставка продолжалась две недели, после чего университет выставил их на торги на лондонском аукционе Bonhams в Лондоне. Картину «Кто без греха?» первоначально оценили в 1,2–1,8 мил-

лиона фунтов стерлингов, а «Повинен в смерти» — в 600–800 тысяч фунтов. Продали их за гораздо более высокую цену — 4,07 миллиона фунтов стерлингов и 2,8 миллиона фунтов соответственно. Большое русское искусство сегодня в цене, и поленовские полотна остались за границей. У русских музеев таких денег не нашлось, не выразили желания купить эти картины и наши сегодняшние «третьяковы». Но в Петербурге в Русском музее по-прежнему можно увидеть ту, первую, картину — «Христос и грешница», постоять перед ней и подумать — ведь мы все не без греха, и, может, уже стоит, наконец, быть терпимее и добрее к людям, особенно сегодня, когда, кажется, мир сошел с ума, и брат идет на брата... □

Кристина Мхитарян — артистка молодежной Оперной программы Большого театра, певица, обладающая невероятно красивым голосом. Она — лауреат престижных международных конкурсов вокалистов: 1-я премия конкурса королевы Сони (Осло), 3-я премия конкурса «Новые голоса» (Гютерсло, Германия), 1-я премия музыкального конкурса им. Дж.Б. Виотти в городе Верчелли (Италия). В Большом театре она исполняет партии Ксении в «Борисе

Кристина Мхитарян

Годунове», Джильды в «Риголетто», полувещкой девушки в «Князе Игоре», Бригитты в «Иоланте» и множество других.

— Кристина, в 2014 году вы стали лауреатом первой премии Международного музыкального конкурса им. Джованни Баттисты Виотти в Италии, в городе Верчелли. Выиграть такой конкурс в Италии — большое событие! Расскажите о нем.

— Международный музыкальный фестиваль и конкурс молодых исполнителей, посвященный великому композитору Виотти, ежегодно, с 1950 года, проходят в Верчелли, где он родился и вырос. Виотти знаменит как «отец современной игры на скрипке» и считается предшественником Паганини. Я очень рада, что выиграла этот престижный конкурс! В свое время его лауреатами были Лучано Паваротти, Мирелла Френи, Суми Йо. После победы в конкурсе мне последовали различные творческие предложения, но сейчас я много работаю в Большом театре.

— Кристина, вы победили в 2013 году в Норвегии, на Международном конкурсе оперных певцов имени королевы Сони. Вы — первый представитель

— Что вы! Даже не собиралась ехать. В Большом театре, в конце сезона, в августе, так хотелось хоть немного отдохнуть. Но все близкие стали уговаривать, чтобы я приняла участие в этом конкурсе. Он состоит из трех туров, и очень продолжительный — идет две недели. Собирает множество участников, творческих людей.

Этот конкурс вокалистов, исполнителей академической музыки проходит раз в два года в Осло, в столице Норвегии. Знаменитый дирижер Марис Янсонс, руководитель Филармонического оркестра Осло, стоял у его истоков. Патроном конкурса является королева Норвегии — Соня. В финал выходит только пять человек, и премии никогда не делятся между конкурсантами.

О первой премии я и не мечтала, конкурс очень серьезный, и участвуют

«Мои мечты сбываются!»

России, одержавший победу на одном из самых престижных конкурсов мира. Наверное, мечтали в нем участвовать?

ют в нем уже состоявшиеся певцы, поющие главные партии в театрах мира. Жесткая очень конкуренция. Сложность состояла в том, что на

первую премию претендовали сразу двое: певец и певица, обычно женщины и мужчины получают премию отдельно. Так как о победе я даже не думала, то с первого тура, выходя на сцену, нисколько не волновалась, пела с удовольствием. А когда в финале сама королева Соня вынесла на сцену огромный диплом лауреата, было просто интересно, кому он достанется, и как победитель его повезет? Объявили третью премию — француженке, вторую — американцу, и вдруг, объявляя первую, называют... мою фамилию!

Я была потрясена! Традиционно, как первому лауреату, поступило предложение, что бы я пожелала исполнить в Норвежском оперном театре. Сказала, что хочу спеть

партию Виолетты в «Травиате». В Осло предстоял большой постановочный период, и в прошлом году зрителям показали совершенно новую постановку оперы «Травиата». Вообще, Норвежский оперный театр славится своей историей, знаменитыми событиями.

— Что нового на сегодняшний день в вашем творчестве?

— В Большом театре я исполнила ведущие партии в премьерных спектаклях: Джильду в «Риголетто» и Герду в опере «Кай и Герда». Зимой пела в Берлине, на благотворительном гала-концерте, который устра-

ивается с целью помощи больным людям.

— Кто поставил «Риголетто» в Большом театре?

— 14 декабря 2014 года состоялась премьера спектакля «Риголетто» — это совместная постановка Большого театра и фестиваля Эксанпрованс, Рейнской национальной оперы, бельгийского театра де ла Моне и театра Женевы. Режиссер-постановщик — канадец Роберт Карсен. Его спектакли идут в театре «Ла Скала», в Парижской национальной опере, в Английской национальной опере... Дирижер-

постановщик — Эвелино Пидо, из Италии, признанный во всем мире как лучший интерпретатор итальянского и французского репертуаров.

— *Партия Джильды в опере «Риголетто» считается невероятно сложной, и не каждая певица сможет ее спеть...*

— На протяжении всей оперы голос меняется, с лирико-колоратурного сопрано переходит в лирическое сопрано, а затем — в драматическое. Но, знаете, уже после первого спектакля я поняла, что эта опера мне подходит, я совсем не чувствовала усталости.

— *В Большом театре появилась новая опера для детей*

«Кай и Герда». Вы в ней исполняете заглавную партию...

— Да, спектакль поставил режиссер Дмитрий Белянушкин, а дирижер-постановщик — Антон Гришанин. Это красивая, сказочная история о Кае и Герде по мотивам знаменитой сказки Ганса-Христиана Андерсена. Маленькие и взрослые зрители принимают спектакль очень тепло. Я с большим удовольствием исполняю партию Герды. Прекрасная сказка!

— *Кто ваш кумир в искусстве?*

— В 2014 году я участвовала в одном известном немецком телешоу, его транслируют по крупным европейским телеканалам. Там я

встретилась со знаменитым тенором Роландо Вилассоном, и он задал мне этот же вопрос.

Мой кумир — Анна Нетребко! Моя землячка! Я родом с Кубани, а она из Краснодара. Конечно же, преклоняюсь перед великими Марией Каллас, Мирелой Френни, Ренатой Скотто.

— В вашей семье есть певцы или музыканты?

— Никого из творческих людей нет, но петь мне нравилось всегда. В детстве я пробовала исполнять эстрадные, народные русские песни, но, когда по телевидению увидела концерт Монсеррат Кабалье с дочерью, твердо решила, что буду заниматься вокалом. Мама меня поддерживала. В пятнадцать лет я поступила в Центр оперного пения имени Галины Вишневской в Москве.

— Есть ли у вас хобби?

— Очень нравится готовить, предпочитаю блюда русской, грузинской кухни.

— У вас армянская фамилия. А в Армении вы бывали?

— Нет, не бывала, но мечтаю съездить в этом году с двоюродной сестрой. В Армении много красивых голосов — поют во Франции, Германии, многие участвуют в международных конкурсах. В Италии вторую премию на конкурсе Виотти получила юная армянская вокалистка.

— Какие у вас планы на будущее? Есть что-то такое, о чем вы мечтаете?

— Могу сказать, что мои ранние мечты сбываются, а сейчас я стремлюсь к совершенствованию, к новым ролям, к новым интересным, творческим людям. Важно, чтобы

ты получал знания от Творцов, от знаменитых артистов. Наш директор молодежной Оперной программы Дмитрий Юрьевич Вдовин все для этого делает. Приглашает знаменитостей: Ирину Петровну Богачеву, Евгения Максимовича Нестеренко... Великая Елена Васильевна Образцова, к сожалению, ушедшая из жизни, делилась с нами своим бесценным опытом. Множество советов от Учителей мы получили, столько историй увлекательных из творческой жизни услышали! Эти люди жили в эпоху оперных див, а сегодня у нас эпоха дирижеров и режиссеров.

— Кристина, вы вся в творчестве, а как у вас с личным?

— Долгое время у меня не было любимого человека, а сейчас появился...

— Он тоже певец?

— Нет! Дома должна царить спокойная семейная атмосфера, а не обсуждения, кто из нас как спел. Он любит оперу, ходит на мои спектакли, но сам далек от творчества.

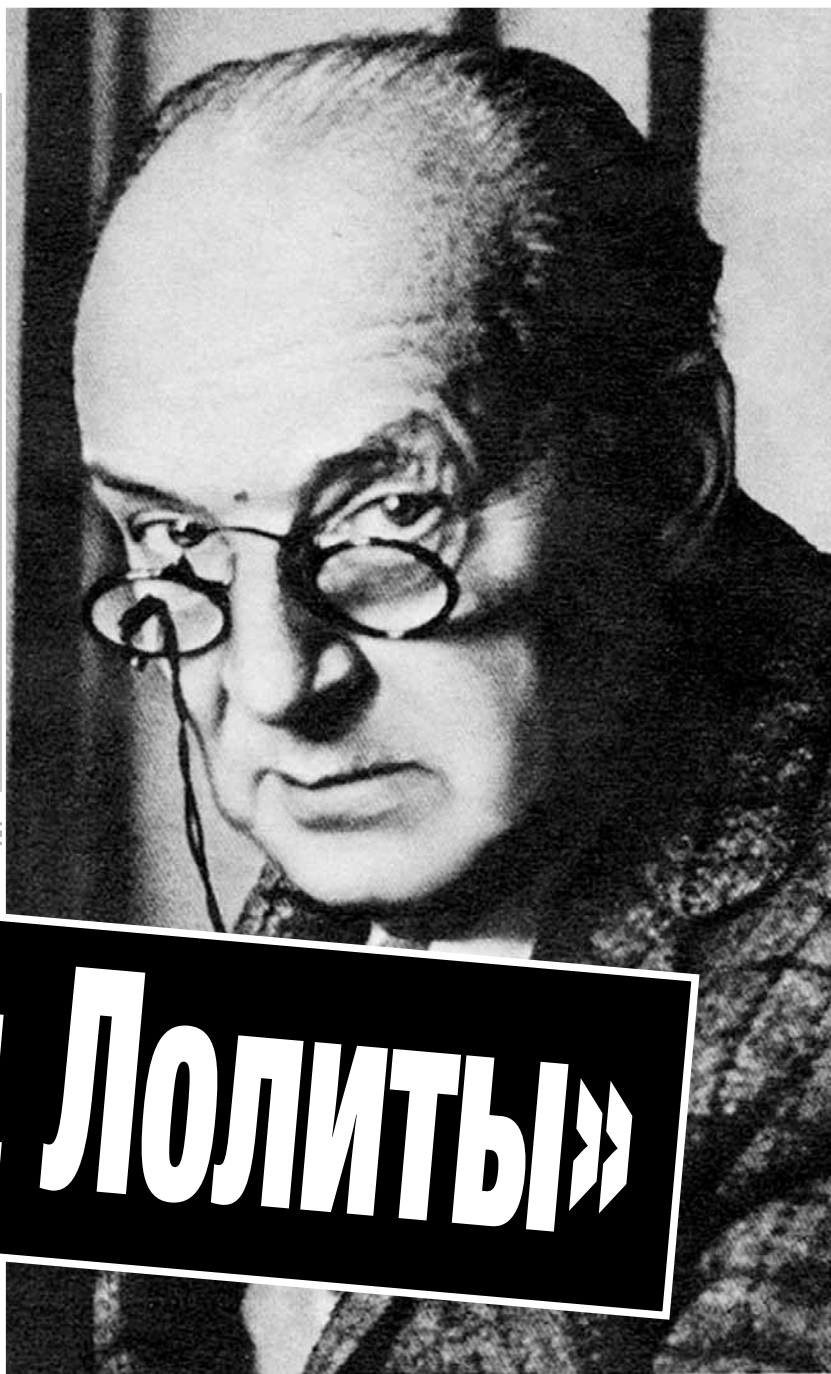
— И последний, немного банальный вопрос: а что такое, по вашему мнению, счастье?

— Когда близкие здоровы. Когда ты не один, а окружен любящими тебя людьми. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Денис Логинов

Русских эмигрантов его книги удивляли своей отдаленностью от литературных традиций, и его обвиняли в нарочитой «нерусскости». В ханжески-пуританской Америке он сумел опубликовать полупорнографический роман «Лолита» — первый в своем ро-

«Отец Лолиты»

Владимир Набоков родился 22 апреля 1899 года в Санкт-Петербурге в состоятельной дворянской семье, его отец был юристом и известным политиком.

В обиходе семьи Набоковых использовалось три языка: русский, английский и французский, — таким

образом, будущий писатель владел ими с раннего детства. По собственным словам, он научился читать по-английски раньше, чем по-русски. Образование начал в Тенишевском училище в Петербурге, где незадолго до этого учился Осип Мандельштам, и серьезно увлекся литерату-

де, который шокировал и покори́л всех. Из безвестного преподавателя провинциального колледжа он почти мгновенно превратился в живого классика и чуть не получил Нобелевскую премию, которая тогда досталась Солженицыну.

Теперь же на его исторической родине, которую он покинул совсем молодым, никак не решат, к какой литературе отнести его творчество — к русской или американской.

Сам же он любил подчеркивать, что родился «в один день с Шекспиром и через сто лет после Пушкина», упоминая имена-символы двух великих литератур, которым равно принадлежал. Может быть, поэтому конец жизни провел в сугубо нейтральной Швейцарии, где никто не говорил ни по-английски, ни по-русски.

рой и... энтомологией. Эти увлечения Набоков пронес через всю жизнь: шахматы, бабочки, книги. Он был очень неплохим шахматистом, но больше его привлекали шахматные задачи. В их составлении он ощущал нечто родственное литературному творчеству, и в 1971 году опубликовал книгу «Poems and Problems», где под одной обложкой были собраны сочиненные им стихи и шахматные задачи.

Бабочки, пожалуй, занимали в его сердце место наравне с литературным творчеством. «Мои наслаждения, — как сказал он позже, — самые острые из ведомых человеку: писательство и ловля бабочек». Надо сказать, что это не было хобби. Набоков был серьезным исследова-

телем-энтомологом, автором ряда научных статей, открывшим и описавшим несколько новых видов бабочек.

Знание языков позволило ему в оригинале знакомиться с мировой литературой. В одном из интервью он сказал:

«От десяти до пятнадцати лет, в Петербурге, я, должно быть, перечитал больше беллетристики и поэзии — английской, русской и французской, — чем за любые другие пять лет моей жизни. Мне особенно нравились Уэллс, По, Браунинг, Китс, Флобер, Верлен, Рембо, Чехов, Толстой и Александр Блок. На другом уровне моими героями были «Очный цвет», Филеас Фогг и Шерлок Холмс. Иными словами, я был совершенно

нормальным трехязычным ребенком в семье, обладавшей большой библиотекой».

Добавлю: в этом интервью Набоков забыл упомянуть боготворимого им Пушкина и своих любимцев Гоголя и Тютчева.

У Набокова были ярко выраженные способности к рисованию, его учил живописи знаменитый тогда художник Добужинский. Мальчику прочили блестящее будущее именно на этой стезе. Художником Набоков так и не стал, но способности и

вую любовь Набоков воссоздал через десять лет в своем первом романе «Машенька», а еще позже в воспоминаниях, где дал ей имя Тамара.

Осенью 1916 года семнадцатилетний юноша получил имение Рождественно и миллионное наследство от своего дяди, брата матери, Василия Ивановича Рукавишников. Почти немедленно после этого на собственные деньги издал в Петербурге под своей фамилией первый поэтический сборник «Стихи» (68 стихотворений, написанных с августа

В

обиходе семьи Набоковых использовалось три языка: русский, английский и французский, — таким образом, будущий писатель владел всеми тремя с раннего детства. А по его собственным словам, читать по-английски он научился раньше, чем по-русски

приобретенные навыки пригодились для его словесной живописи, уникальной способности чувствовать цвет, свет, форму и передавать эти чувства словами.

Стимулом к стихосложению стала первая любовь. Его избранницу звали Валентина Шульгина. Они познакомились летом 1915 года. Обычно семья Набоковых проживала в особняке на Большой Морской осень, зиму и весну, а на лето уезжала в имение Выра под Петербургом. Так же было и на сей раз, а родители Вали сняли по соседству дачу. Эту пер-

1915 по май 1916). Увы, сборник успеха не имел, был жестоко раскритикован, и сам автор стихов из него никогда впоследствии не переиздавал и нигде не цитировал.

Набоковы не приняли Октябрьскую революцию. Осенью 1917 года Владимир Дмитриевич отправил семью подальше от гражданской смуты в Крым, а позднее и сам, чудом избежав ареста, присоединился к ней. Он стал министром юстиции Крымского Временного правительства.

К Владимиру же в Крыму пришел первый литературный успех — его

стихи печатались в газете «Ялтинский голос», а пьески исполнялись театральными труппами, во множестве спасавшимися на южном берегу Крыма от опасностей революционного времени. В крымском альбоме «Стихи и схемы» Набоков помещал свои стихи и их диаграммы (вместе с шахматными задачами и другими заметками), но воспринимал это как умственное упражнение, а отнюдь не как искусство.

Продолжал он и ловить бабочек, а однажды его чуть не арестовал бдительный часовой, вообразив-

ший, что тот подает сачком знаки английским военным судам.

В апреле 1919 года, перед захватом Крыма большевиками, семья Набоковых навсегда покинула Россию, отплыв из Севастополя на греческом корабле «Надежда». Константинополь — Париж — Лондон, такой маршрут проделала семья Набоковых, прежде чем осесть, наконец, в Берлине.

Миллионное наследство пропало, но фамильные драгоценности удалось спасти. Благодаря им семья Набоковых достаточно обеспеченно

жила в Берлине, в то время как Владимир и его братья получали образование в Кембриджском университете, где он продолжал писать стихи и переводил на русский язык «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла. В начале 1921 года Набоков опубликовал свою первую статью о бабочках «Несколько замечаний о крымских чешуекрылых» (на английском), написанную в России.

А чуть позже произошло еще более важное событие в жизни начинающего писателя — увидел свет его первый рассказ «Нежить». Он появился в газете «Руль», одним из учредителей и редакторов которой был Владимир Дмитриевич Набоков, и вышел под псевдонимом Владимир Сири́н — чтобы читатели «Руля» не спутали Набокова с отцом, публиковавшим в газете свои статьи.

В том же году, на спор с отцом, Владимир взялся за перевод книги Ромена Роллана «Кола Брюньон», название которой было переведено как «Николка Персик». Этот перевод был закончен и напечатан в 1922-м, а в 1923-м вышла в свет еще одна книга — «Л. Карроль. Аня в стране чудес. Перевод с английского В. Сирина». Также Набоков переводил поэзию и в течение десяти лет опубликовал переводы из Руперта Брука, Ронсара, О'Салливана, Верлена, Сюпервьеля, Теннисона, Йетса, Байрона, Китса, Бодлера, Шекспира, Мюссе, Рембо, Гете.

В Кембриджском университете он основал Славянское общество,

впоследствии переродившееся в Русское Общество Кембриджского университета. И там же у него начались первые приступы мучительной неизлечимой болезни, преследовавшей его всю жизнь, — ностальгии.

«Настоящая история моего пребывания в английском университете есть история моих потуг удержаться Россию», — вспоминал Набоков, пытаюсь воскресить и навсегда сохранить в сокровищнице памяти все драгоценные подробности своего российского бытия.

1922 год стал самым тяжелым в его жизни. 28 марта произошло страшное событие: в Берлине на публичной лекции П.Н. Милюкова террористами-черносотенцами был убит Владимир Дмитриевич, заслонивший от пули своего соратника по партии. Отец всегда был для Владимира живым образцом порядочности, благородства, ума. Именно отцу он был благодарен за привитую любовь к литературе, за неизменное чувство собственного достоинства, за внутреннюю свободу и абсолютную духовную независимость. Эта утрата оказала сильнейшее влияние на внутренний мир Набокова и многократным эхом отзывалась в его творчестве.

Ему пришлось вернуться в Берлин. На жизнь он зарабатывал уроками английского языка, а также рассказами, которые охотно печатали берлинские газеты и издательства, организованные русскими эмигрантами.

Но судьба, в конце концов, смиловилась к Набокову: на костюмированном балу он познакомился с Верой Слоним, также уроженке Петербурга. Эта встреча была, пожалуй, самой важной в его жизни. Вера Евсеевна не только стала его женой и матерью его сына, но и его музой, первым читателем, секретарем, адресатом посвящений почти всех книг, вторым «Я» Набокова. Русская литература знает мало таких счастливых писательских браков (разве что брак Достоевского и Анны Григорьевны Сниткиной). Их

развивается как бы в двух измерениях, двух пространственно-временных плоскостях. Первая — это прозрачное настоящее, тоскливый берлинский пансион, в котором живут русские эмигранты, а вторая — полнокровное прошлое, светлая и прекрасная, безвозвратно утраченная Россия, в которую мысленно возвращается главный герой, случайно на фотографии жены соседа Алферова узнав свою первую любовь.

Роман был замечен и положительно воспринят критикой. Молодому многообещающему автору

У

Набокова были и ярко выраженные способности к рисованию, ему даже прочили блестящее будущее именно на этой стезе. Художником он так и не стал, но эти способности и приобретенные навыки пригодились для его словесной «живописи» — он, как никто другой, чувствовал цвет, свет, форму и передавал эти чувства словами

семейная жизнь (они поженились 15 апреля 1925 года) отличалась редкостной безоблачностью и идеальностью, и можно уверенно утверждать, что это одна из важных причин творческого успеха Набокова.

Вскоре после женитьбы Набоков в 1926 году завершил свой первый роман — «Машенька». После знакомства с Верой набоковское творчество удивительным образом поднялось на качественно новый, более высокий уровень. Действие романа

предрекали роль бытописателя эмигрантской жизни, в романе усматривали тургеневские и бунинские традиции. Но предсказатели ошиблись, причем ошиблись весьма крупно.

Для Набокова, всю жизнь отрицавшего всякое постороннее влияние на свое творчество, это было неприемлемо. Может быть, поэтому его следующий роман «Король, дама, валет», вышедший в Париже в 1928 году, не вмещался ни в какие рамки русских литературных тра-

дий. В нем вообще нет ни одного русского персонажа. Никто из героев не может полностью воспринять и понять смысл происходящего с ними, каждый из них живет своими иллюзиями.

Роман был переведен на немецкий язык и оказался наиболее коммерчески успешным за весь евро-

пейский период жизни Набокова. Гонорар позволил писателю вместе с женой отправиться в Восточные Пиренеи, и там, прерываясь лишь ради охоты на бабочек, приступить к воплощению нового замысла.

Это была история о гениальном шахматисте, который мало что воспринимает вокруг себя помимо шах-

мат, но в напряженнейшей момент важного турнира, разрабатывая защиту против самого опасного соперника, испытывает внезапное помрачение рассудка. После этого врачи запрещают ему играть, но в опустевшей жизни он начинает ощущать смутно знакомые ходы некоей комбинации, и, чтобы защитится от нее, он выбрасывается из окна.

Работа над романом завершилась в августе 1929 года. Он получил название «Защита Лужина» и был напечатан в ведущем эмигрантском литературном журнале «Современные записки», где царили такие мэтры, как Бунин и Куприн. Успех романа превратил Сирина из «много-

обещающего молодого автора» в одного из самых известных русских писателей-изгнанников. Несомненный литературный лидер того времени Бунин, в общем-то, Набокова не любивший, признался, прочитав «Защиту Лужина»:

— Этот мальчишка выхватил пистолет и одним выстрелом уложил всех стариков, в том числе и меня.

А через два года вышел в свет самый, может быть, лирический и пронзительный из русских романов — «Подвиг». Его главный герой Мартын Эдельвейс, явно наделенный некоторыми чертами автора, — это молодой человек, полный жизнелюбия и мужества. Спустя много лет в пре-

*С женой —
Верой Слоним
(Набоковой)*

дисловии к переводу романа на английский язык Набоков признался:

«...целью моего романа, единственного моего целенаправленного романа, было подчеркнуть тот трепет и то очарование, которые мой юный изгнанник находит в самых обыденных удовольствиях, также как и в кажущихся бессмысленными приключениях одинокой жизни».

В следующем году появился роман «Камера обскура», который Набоков до конца жизни считал

В конце декабря того же года с большим успехом прошли первые публичные лекции Набокова в Париже. Там же, в первом в своей жизни интервью, он рассказал о технике своей писательской работы:

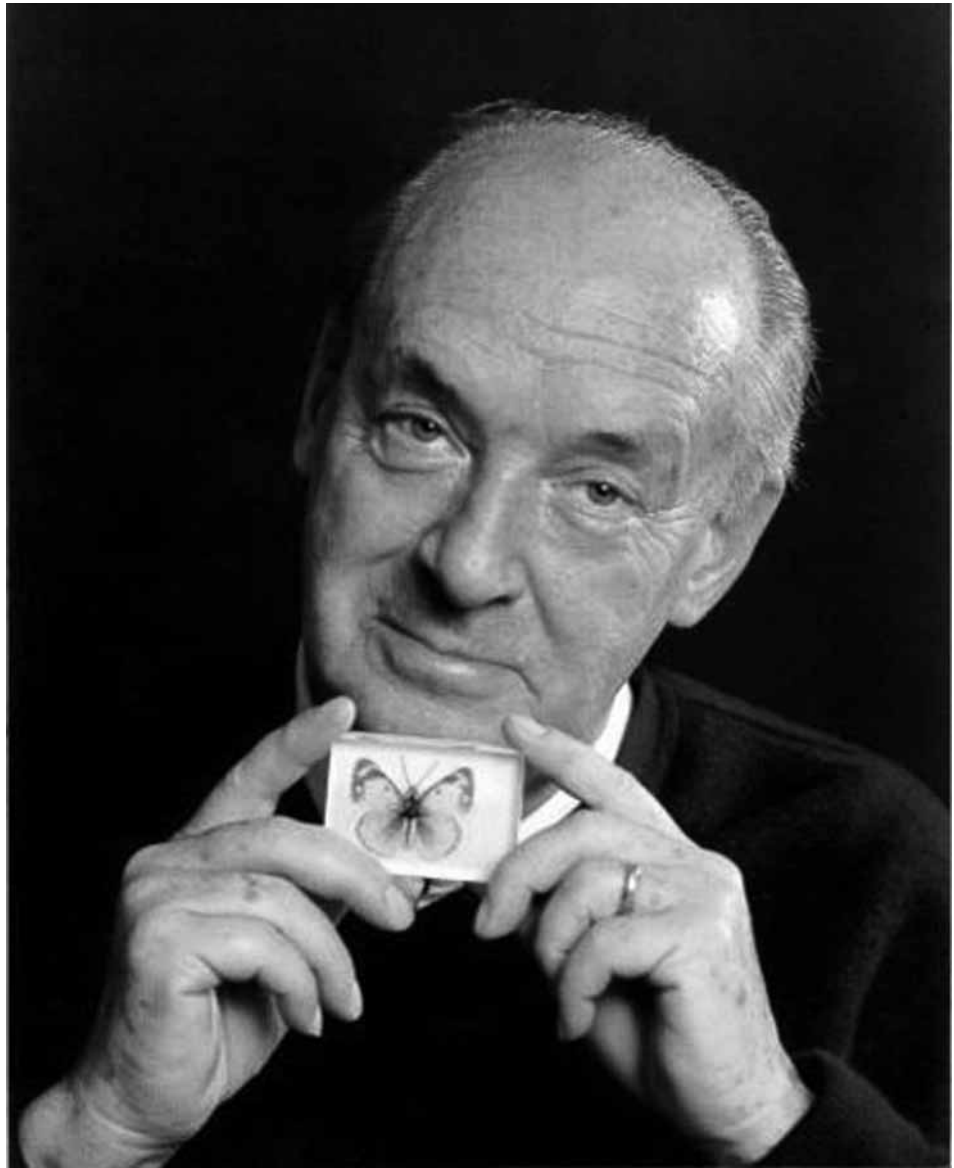
«В том, что я пишу, главную роль играет настроение — все, что от чистого разума, отступает на второй план. Замысел моего романа возникает неожиданно, рождается в одну минуту... Остается только проявить зафиксированную где-то в глубине

Н

абоковы не приняли Октябрьскую революцию, и отец, Владимир Дмитриевич, осенью 1917 года отправил семью подальше от гражданской смуты в Крым, а позднее, чудом избежав ареста, присоединился к ней. В Крыму к молодому Владимиру пришел первый литературный успех — его стихи печатались в газете «Ялтинский голос», а пьески исполнялись актерами, спасавшимися на Южном берегу Крыма от опасностей революционного времени

своим слабейшим произведением. Этот роман, вероятно, был написан как материал для киносценария, и в то же время пародировал штампы современного синематографа: коварная соблазнительница, обманутый любовник, ревность, катастрофа, физическая слепота героя, совпавшая с его нравственным прозрением. Однако отсутствует традиционный хэппи-энд, и, наверное, поэтому книга не заинтересовала «киношников».

пластинку. Уже все есть, все основные элементы: нужно только написать сам роман, проделать тяжелую техническую работу... Иногда пишу запоем по 12 часов подряд, — я болен при этом и очень плохо себя чувствую. А иногда приходится переписывать и переделывать — есть рассказы, над которыми я работал по два месяца. И потом много времени отнимают мелочи, детали обработки: какой-нибудь пейзаж, цвет трамваев в провинциальном город-

ке, куда попал мой герой... Иногда приходится переделывать и переписывать каждое слово. Только в этой области я не ленив и терпелив».

Весной 1934 года в семье Набоковых произошло долгожданное радостное событие: 10 мая у них родился сын, которого называли в честь прадеда Дмитрием. В этом же году в «Современных записках» увидел свет новый роман «Отчаяние» и началась работа над книгой, которая должна была стать шедевром, во-

плотить в себе все заветные, давно лелеемые мысли и мечты. «Приглашение на казнь» — одно из самых сложных произведений Набокова. «Голос скрипки в пустоте... моя единственная поэма в прозе», — так определял этот роман его автор.

Тем временем жизнь в столице Третьего рейха становилась все тяжелее и опаснее. В 1936 году Вера Набокова была уволена с работы в результате усиления антисемитской кампании в стране, поэтому в нача-

ле 1937 года семья покинула Германию и перебралась во Францию, где был написан наибольший по объему и итоговый для европейского периода набоковский роман «Дар» — о проживающем в Берлине молодом русском литераторе. Это роман об эмигрантской ностальгии, о неизбывной тоске по утраченной родине, сохраняющейся лишь в памяти коллекцией прекрасных видений, о том, что дар творческого воображения способен преодолеть даже конечность земного существования:

*«...там, где поставил точку я:
продленный призрак бытия
синее за чертой страницы,
как завтрашние облака, —
и не кончается строка».*

Русская эмиграция переживала кризис, и Набокову необходимо было что-то менять в своей жизни. В мае 1940 года, спасаясь от наступающих немецких войск, отплыли в США последним рейсом пассажирского лайнера «Champlain».

В Америке с 1940 до 1958 года он зарабатывал на жизнь чтением лекций по русской и мировой литературе в американских университетах. Первым местом работы стал Уэлслийский колледж, где в обязанности писателя входило преподавание русского языка и литературы. Злая ирония судьбы: на решение пригласить Набокова окончательно повлияла найденная в библиотеке колледжа книжка «Аня в стране чудес», его первый творческий опыт. Слово и

не было пятнадцати лет сирийского творчества, все приходилось начинать с чистого листа.

Преподавательская деятельность Набокова растянулась на восемнадцать лет. До сентября 1948 года он преподавал в Уэлсли, но, поскольку так и не смог получить там постоянное место (каждый раз с ним заключали годовой контракт), он вместе с семьей переехал из Кембриджа в Итаку (штат Нью-Йорк) и стал преподавателем Корнельского университета. Уже после смерти Набокова были опубликованы его лекции, составившие три тома: «Лекции по русской литературе», «Лекции по зарубежной литературе», «Лекции о «Дон Кихоте». Это, возможно, одна из самых интересных частей набоковского наследия, потому что взгляды на литературу, излагаемые в этих лекциях, весьма оригинальны и далеки от традиционных.

Студенты любили «мистера Набокова», с увлечением слушали его лекции, конечно, далеко не все понимая. Он, по воспоминаниям одной его студентки, «производил впечатление спокойного уверенного в себе, мужественного человека. От него приятно пахло табаком, в нем ощущалась врожденная деликатность и естественное аристократическое достоинство: и, как я понимаю, он был первым в моей жизни преподавателем, который чувствовал себя в литературе как дома, потому что сам был ее частицей».

Помимо преподавания русской и мировой литературы, Набоков за-

нимался переводами: перевел «Евгения Онегина» и «Слово о полку Игореве» на английский язык. Серьезно увлекался шахматами и опубликовал ряд интересных шахматных задач. Он также внес весомый вклад в энтомологию, открыв многие виды бабочек, в его честь были названы свыше 20 видов и род бабочек Nabokovia. (Коллекцию бабочек в 4324 экземпляра после смерти писателя его жена Вера подарила университету Лозанны.)

Свой первый роман на английском языке («Подлинная жизнь Себастьяна Найта») Набоков написал

как отречение от нее. И именно в это время было написано самое пронзительное и, может быть, лучшее стихотворение «К России»:

*«Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.
Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен выть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.
Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах
не сходиться,*

В

есной 1919 года Набоковы навсегда покинули Россию, отплыв из Севастополя на греческом корабле «Надежда». Константинополь-Париж-Лондон — такой маршрут проделала семья, пока, наконец, не осела в Берлине

в 1937 году и до конца своих дней не создал на русском языке ни одного романа (если не считать автобиографию «Другие берега» и авторский перевод «Лолиты» на русский язык). Коммерческого успеха роман не имел.

Переход на другой язык был тяжел и драматичен для него, о чем он не раз говорил. Язык и воспоминания — это все, что оставалось у него от родины, поэтому отказ от русского языка, «от индивидуального, кровного наречия», воспринимался

*отказаться от всяческих снов;
обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, —
мой язык.*

*Но зато, о Россия, сквозь слезы,
сквозь траву двух несмежных
могил,
сквозь дрожащие пятна березы,
сквозь все то, чем я смолоду
жил,
дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,*

шла неровно и мучительно, а однажды писатель чуть не сжег, подобно Гоголю, неоконченную рукопись. Это был самый «главный» в его жизни роман — «Лолита», тема которого (история взрослого мужчины, страстно увлекшегося двенадцатилетней девочкой, написанная от лица рафинированного европейца, ученого, страдающего болезненной страстью к нимфеткам) была немыслимой для того времени, вследствие чего на публикацию романа у писателя было мало надежд.

В Америке роман печатать отказались. «Лолита» была впервые опубликована в парижском издательстве с сомнительной репутацией «Олимпия Пресс». Среди литературных критиков вспыхнул серьезнейший спор о том, что такое «Лолита» — произведение искусства или порнография?

Тираж на некоторое время был арестован. «Лолита» стала объектом судебного разбирательства, разделив судьбу таких шедевров, как «Мадам Бовари» и «Улисс». В обществе разгорелась дискуссия о критериях искусства, о границах свободы слова.

В итоге арест был снят, и роман был издан в США в 1958 году. Скандал принес Набокову известность и невиданный коммерческий успех: по раскупаемости «Лолита» побила рекорд «Унесенных ветром». Только права на экранизацию были оценены в 150 000 долларов (кинопреьера «Лолиты» состоялась в 1962 году, режиссером был Стэнли Кубрик, а сценаристом сам автор романа).

Все материальные проблемы Набокова были решены, и он отказался от интересной, но физически утомительной преподавательской работы.

В самый разгар шумихи, поднявшейся вокруг «Лолиты», был опубликован новый набоковский роман «Pnin» («Пнин»), который вырос из серии юмористических рассказов, публиковавшихся в журнале «Нью-Йоркер» — очень живой и теплый, полный мягкого юмора и иронии.

В сентябре 1959 года Набоковы отправились в Европу. Они посетили Париж, Лондон, Женеву, Милан (там обучался оперному пению сын писателя), Рим, Сицилию. Некоторое время они прожили в Ментоне, затем вернулись в Америку для работы над сценарием «Лолиты», от которого Кубрик в итоге мало что оставил.

Окончательно разочарованный, Набоков навсегда покинул Америку и в 1962 году в сентябре посе-

Постепенно выработался определенный ритм жизни, о котором писатель рассказал в интервью:

«Зимой просыпаюсь около семи: будильником мне служит альпийская клушица — большая блестящая черная птица с большим желтым клювом, — она навещает балкон и очень мелодично кудахчет. Некоторое время я лежу в постели, припоминая и планируя дела. Часов в восемь — бритье, завтрак, тронная медитация и ванна — в таком порядке. Потом я до второго завтрака работаю в кабинете, прерываясь ради недолгой прогулки с женой вдоль озера... Примерно в час — второй завтрак, а к половине второго я вновь за письменным столом и работаю без прерыва до половины седьмого. Затем поход к газетному киоску за англий-

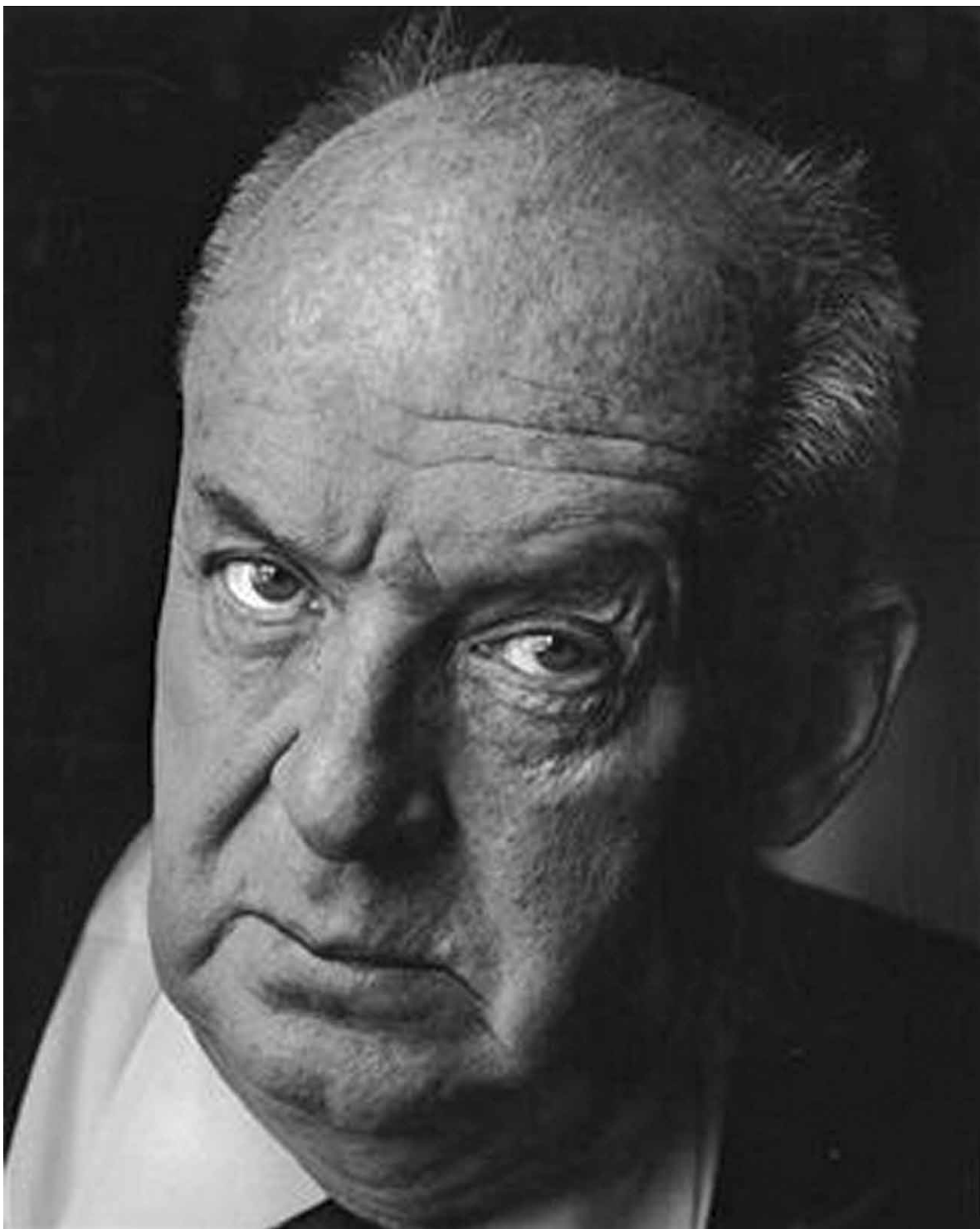
В

Америке Набоков зарабатывал на жизнь чтением лекций по русской и мировой литературе, и эта деятельность растянулась на восемнадцать лет. Только после выхода в свет скандально нашумевшего романа «Лолита» все материальные проблемы Набокова были решены, и он отказался от интересной, но физически утомительной преподавательской работы

лился с женой в швейцарском городке Монтре на берегу Женевского озера в старомодном отеле «Палас». Номер «64» (число клеток на шахматной доске!) стал домом Набокова на последние пятнадцать лет жизни.

скими газетами, а в семь обед. После обеда никакой работы. И около девяти в постель. До половины двенадцатого я читаю, потом до часу ночи сражаюсь с бессонницей».

В 1962-м был опубликован один из самых необычных романов мировой

литературы — «Pale fire» («Бледное пламя»). «...драгоценность Фаберже, заводная игрушка, шахматная задача, адская машина, ловушка для рецензента, игра в кошки-мышки, роман по принципу «сделай сам», — так отозвался о нем один из критиков.

Следующей книгой Набокова стал плод его многолетней работы: перевод на английский язык «Евгения Онегина». Из четырех томов издания сам перевод составил только первый том, а три содержали построчные комментарии к пушкинскому роману.

Набоков выполнил перевод в своей обычной манере, то есть так, как еще никто никогда не делал. Он провозгласил концепцию «буквального» перевода:

«Буквальный перевод: передача точного контекстуального значения оригинала, столь близко, сколь это позволяют сделать ассоциативные и синтаксические возможности другого языка. Только такой перевод можно считать истинным».

Поэтому роман в стихах был переведен прозой, ради сохранения

смысловой точности пришлось пожертвовать строфой, рифмой и отчасти ритмом. Подобное понимание переводческих задач и такой метод вызвали целую бурю в литературно-критических кругах. Но все же этот перевод и уникальный по информативности комментарий способствовали знакомству англоязычных читателей с шедевром русской литературы и продолжили сближение двух культур, ради которого Набоков приложил столько сил.

Стоит упомянуть, что им же были переведены на английский язык «Слово о полку Игореве», стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, «Моцарт и Сальери», «Герой нашего времени» (в соавторстве с сыном). Кстати, Дмитрий стал любимым переводчиком отца. Постепенно все русские романы Набокова были переведены на английский, и четыре из них — в результате сотрудничества отца и сына. А «Лолиту» на русский язык перевел сам автором.

«Вопрос — для кого, собственно, "Лолита" переводится, — писал Набоков, — относится к области метафизики и юмора. Мне трудно представить себе режим, либеральный или тоталитарный, в чопорной моей отчизне, при котором цензура пропустила бы "Лолиту"... Издавая "Лолиту" по-русски, я преследовал очень простую цель: хочу, чтобы моя лучшая английская книга — или, скажем скромнее, одна из лучших моих английских книг — была правильно переведена на мой родной язык».

Русская версия романа о «бедной американской девочке» увидела свет в 1967 году.

Написание следующего после «Бледного пламени» романа заняло довольно много времени. Назван он был «Ada, or Ardor» («Ада, или Страсть»). «Ада» представляет собой радугу стилистических эффектов, соединяет безграничную фантазию и глубочайшую эрудицию автора, содержит бесконечное количество выразительных приемов. Затем последовали романы «Transparent things»

виз незаконченный роман «Оригинал Лауры», который завещал уничтожить.

Похоронен писатель на маленьком кладбище близ Монтре. На скромной плите написано: «Vladimir Nabokov. Ecrivain. 1899–1977». Для надгробной надписи избран французский язык, может быть, для того, чтобы не отдать предпочтение ни одному из двух великих языков, на которых писал свои удивительные книги этот удивительный человек, известный большинству чита-

В

60-х годах распространились слухи о возможной номинации Набокова на Нобелевскую премию по литературе, но, к сожалению, они так и остались слухами, как и сам Набоков — только автором «Лолиты», будто не писал других произведений ни на русском, ни на английском языках. Окончательно разочарованный, он навсегда покинул Америку и поселился с женой в швейцарском городке Монтре на берегу Женевского озера в старомодном отеле «Палас». 64-й номер в отеле стал домом Набокова на последние пятнадцать лет жизни

(«Прозрачные вещи») и «Look at the Harlequins!» («Смотри на Арлекинов!»), в котором писатель словно создает пародию на собственную жизнь. Герой романа — русский писатель-эмигрант пишет русские стихи и романы, потом переезжает в Америку и переходит на английский язык.

2 июля 1977 года Набоков скончался в госпитале Лозанны, оста-

ющих людей только как автор «Лолиты».

P.S. Последний незавершенный роман Набокова «Оригинал Лауры» (англ. *The Original of Laura*) вышел на английском языке в ноябре 2009 года. Издательство «Азбука» в этом же году выпустило его русский перевод (пер. Г. Барабтарло, ред. А. Бабинов). □

Тамара Ивановна Тызина, наша постоянная подписчица, причисляет себя к «детям войны» и вспоминает далекую военную пору (в 1941 году ей было 9 лет). Время — дальше, а картины в памяти ярче и смысл их глубже. Эти воспоминания передаются от поколения поколению дружного тызинского клана и бережно хранятся в семейной памяти.

ЕСТЬ ХОЧЕТСЯ...

...Лето 1943 года. Воинская часть расположилась у реки. Время к обеду. Уже доносятся запахи походной кухни. Спрятав за спины пустые консервные банки, мы медленно идем на запах. Бойцы подставляют свои котелки под большой черпак повара. Ждем. Вот, наконец, у котла никого нет. Повар дядя Коля оглядывается и машет рукой. Раз – и мы с протянутыми банками у походной кухни. Миг наслаждения! Что это было? Густой суп или жидкая каша? Но это было так вкусно!

... Три раза в неделю детям фронтовиков давали специальные талоны на дополнительное питание. С бидончиком в руках я бегу в столовую. Длинная очередь: дети, женщины. Тепло, пахнет едой. Пять половников перлового супа в моем бидончике. Скорее домой! По дороге нюхаю и немного отпиваю через край.

...Обед. Большая самодельная кастрюля щей из крапивы и щавеля. Мама делит хлеб на шесть кусочков. Едим щи, откусывая хлеб от своей «пайки». Мамин кусочек не тронут.

Съев свое, мы все дружно глядим на него. «Что-то не хочется сегодня хлеба», — говорит мама и делит свою «пайку» на пятерых. Проглатываем, не задумываясь.

... Сняв рубашки и майки, ловим на мелководье пескариков. А на берегу большой костер. В котелке закипает вода. Вместе с рыбешкой варится щавель, лебеда, картошка, грибы — все, что можно найти и сорвать в это время года. Наедаемся до отвала.

... Однажды в нашем доме появились конфеты. Настоящие «Кавказские»! Вечером к чаю две конфеты делились на шесть частей. Мама конфеты прятала, но Игорь, Вовка и я, каждый в отдельности, долго искали и, конечно, находили спрятанное. Вкус забытого сладкого! Наверное, мама догадывалась и не перепрятывала их в другое место, грустно смотрела на нас, а по ночам часто плакала.

... Зима 1941–1942 года. Деревня Тарадеи Шацкого района Рязанской области. Сюда мы эвакуировались. В маленьком деревенском доме две

семьи: старая бабушка, две мамы и семеро детей. Холодно, голодно. Обе мамы идут в Шацк (12 километров) по разным организациям, а мы бродим по полю неубранной конопли и набираем рты мелкими зернышками вместе с трухой. Однажды Игорь принес соседского петуха. Мы спрятали его в подпол, кормили коноплей. Петух был очень забавным, искоса поглядывал на нас одним глазом, по утрам громко и радостно кукарекал. Петю мы съесть не смогли. Игорь отнес его на тот двор, откуда украл.

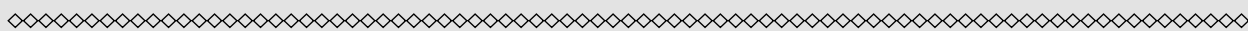
Грядки копали везде, где было свободное место. Сажали картошку, свеклу, морковь, капусту, лук. Мама закрепляла за каждым свои грядки: пололи, поливали, собирали урожай. Моя подружка Нюрка помогает мне полоть морковь. Потихоньку едим тоненькие хвостики морковки — не с моей грядки...

Есть хочется...

Вот и наступил долгожданный день Победы!

Май 1945 года

*— Победа! Победа! — гудит паровоз, —
— Я ваших любимых живыми привез!
Встречайте, родные, закончился бой,
Мы едем с победой, мы едем домой.
Цветы и улыбки, сияние глаз.
В них отсвет пожаров еще не погас.
Звучит канонадой последний твой бой,
Смешалась улыбка с солдатской слезой.
Отцов потерявшие дети войны,
На чудо, как в сказке, надеялись мы.
Давно получив на отца «похоронку»,
За каждым составом бежали вдогонку,
Кричали, смеялись, бросали цветы:
— От раны смертельной оправился ты!
И часто казалось, что это отец
Вернулся с победой домой наконец.
Бросались навстречу и вдруг понимали:
Чужого бойца за отца принимали.
В том мае встречали мы все эшелоны,
Смотрели с надеждою в окна вагонов.
И общая радость пришедшей победы
На миг отодвинула личные беды... □*

Село Шувое, Егорьевский район, Московская область

Валентин Осипов,
лауреат Всероссийской Шолоховской премии,
Большой литературной премии России и премии журнала «Смена»

К 110-летию

«Смена» может смело гордиться своим соучастием в становлении писателя-нобелевца Михаила Шолохова. В 1925 году в журнале появился рассказ «Коловерть», а через год — «Червоточина», да еще и с иллюстрациями — знак внимания таланту.

Далекий от литературы читатель подумает: велика ли заслуга журнала. Велика! Во-первых, начинающий творить провинциал с Дона потянулся к

М *и* **х** *а* **и** **л**

со дня рождения писателя

тому изданию, которое ему было по душе. Уже тогда редакция разглядела в 20-летнем «новобранце» то, что иные издания не смогли (с этими сюжетами в подробностях можно познакомиться в моей книге «Шолохов» серии «ЖЗЛ»). Вот один из примеров — в дневнике писателя Дмитрия Фурманова (по его роману был поставлен фильм «Чапаев») я нашел: «Слабый рассказ Минаева был принят из целей тактических... Хороший рассказ Шолохова — из гражданской — был отвергнут (Нам этот материал надоел)».

С чем же предстает Михаил Шолохов в этом номере? Редакция журнала и я, биограф Шолохова, решили обнародовать то, что не вошло в собрание сочинений классика. Иногда это фрагменты из чего-то незавершенного, или то, что представало устным творчеством и щедро дарилось семье и друзьям в повседневном общении, но, однако же, выглядит как завершённые рассказы. Мне тоже повезло кое-что внести в блокноты, ибо был близок к нему 22 года.

Представляем вашему вниманию два раздела. Шолохов со своими необычными рассказами и рассказиками и приобщение к весьма малоизвестно теме — судьбы рассказов или помыслов Шолохова.

ШОЛОХОВ

И. Михаил Шолохов — оставшееся вне собраний сочинений

Отрывок из сценария документального фильма о Доне в записи режиссера Л. Мазрухо, сценарий утрачен в Великую Отечественную войну

... Половодье, разлив, белая одинокая березка в воде, а над нею пчелы... Стрепет охраняет гнездо... В степи меж бугорками крадется к суслику голодная лиса...

... Степь. Заросшая молодой травой летняя дорога. Она извилисто уходит вдаль, туда, где под каемкой горизонта возникает точка и чуть доносится мотив протяжной песни. Песня становится слышнее. Подвода приближается. Быки лениво помахивают хвостами, везут арбу. На арбе двое — казак и казачка. Они поют в два голоса. Песня такая же просторная, как эта степь; звучит она протяжно и немного грустно, но и грустная песня помогает им коротать длинную дорогу...

Дон вышел из берегов и затопил луговую пойму. Стремительно идет полая вода, омывая белые стволы тополей, раскачивая верхушки камыша на залитых озерах. Утки на лимане. По Дону идет пароход. Гудок его, повторенный эхом, вспугивает птиц в затопленном водой лесу. Гулко шлепают колеса парохода. Рулевой повернул штурвал, и перед глазами пассажиров возникают чудесные пейзажи затопленного полой водой леса. Медленно проплывают таловые кусты. Их тонкие, торчащие из воды ветви покрыты едва распустившимися почками...

Отточия показывают — остальной текст утрачен, как и несколько тысяч метров уже отснятой пленки: война началась!

Из фронтовых воспоминаний М. Шолохова

Помнится мне один фронтовой эпизод. Под Харьковом в 1942 году громили итальянскую дивизию... В бою я был с полком. Захватили пленного... Он говорит: «Странный народ вы, русские». — «Чем?» — спрашиваю. «Я в него стрелял из пистолета. Три раза стрелял и не попал. Этот парень подбежал ко мне, ударил прикладом автомата, снял краги, встряхнул меня, посадил на завалинку. У меня дрожали руки. Он свернул свой крепкий

табак-махорку, поплюнявил, сунул мне в зубы, потом закурил сам, победил сражаться опять».

Слушайте, это здорово: ударить, снять краги, дать покурить пленному и опять в бой. Вот он русский человек! Русский солдат. Черт его знает, сумеем ли мы раскрыть его душу?

Уцелевший отрывок сожженного очерка

1954 год. Глава партии Н. Хрущев призвал всю страну мобилизоваться на ликвидацию многолетней нехватки зерна — начать освоение целинных и залежных земель на востоке страны. И началось восхваление-перевосхваление. Шолохов побывал в Западном Казахстане — здесь один из центров подъема целины. Что в итоге? Написал очерк. Но был сожжен. Почему — ответ в примечаниях. Сохранился черновик — жаль, что только отрывок.

« ... Конец августа. Блекло-голубое, словно выцветшее за долгие летние дни небо и маленькое неяркое солнце над (степью) сталинградскими степями, покрытыми сизой мглой. Жарко и душно, как перед дождем, но на небе ни облачка. Слабосильный ветерок еле-еле шевелит поникшие от жары (травы) листья деревьев. А пыль на дорогах такая, что не продохнешь. Она высокой серой стеною встает за машиной и медленно, мягко рушится, клубясь и оседая на обочинах дороги, на придорожных травах (серым пушистым слоем покрывая все вокруг). И уже не разберешь на ходу, где мелькнет полынь, где донник или сурепка, — все одето (серым, пушистым) дымчатым, как козий пух, серым слоем пыли...» И в концовке тоже никаких примет поддакивания пропагандистской шумихе. Шолоховское перо пошло вслед чувствам: «А вот на пристани и старое, тоже издавна знакомое: всюду грязь и мусор, валяющиеся с утра объедки пищи, арбузные и дынные корки, а над всем этим неприглядством — мириады мух. Среди ожидающих очереди на переправе — грязные, оборванные малолетние детишки цыган танцуют, выпрашивая милостыню, и, поощряемые скучающими шоферами, откалывают такие непристойные коленца, что стоящие вблизи женщины негодующе отворачиваются. Блюстителей общественного порядка на пристани что-то не видно».

Почему же очерк был уничтожен? Есть такое свидетельство, что Шолохов прочитал его в кругу близких и изрек: «Ну, куда я теперь с этим, когда кругом фанфары победы, знамена, ордена, шумиха?» Сожженный очерк — огненная строка биографии классика.

Рассказ под бой старинных часов

Константин Прийма, старинный приятель Шолохова, записал следующий рассказ (видимо, 1960-е годы).

Запись начиналась так: «Голубая сумеречь вошла в сад и подворье. В доме — тишина, лишь был слышен из столовой бой старинных часов. Шолохов начал говорить...»

Мы сели в байду, дед налег на весла, и поплыли в камыши. А денек выдался солнечный, теплый, радостный. На озере кричат селезни, им отзываются утки, то пролетят над нами нырки, то за кормой всполохнет из глубины в золотой кольчуге лобастый сазан — хоть рукой его бери! Жизнь бурлит, весна идет! И вдруг в этой озерной благодати услышал я издалека клик — скорбь лебедя.

Скрипичной сутужью ударила она мне в уши, в сердце, пронзила по спине до пяток. Такой невыразимой и неслыханной тоски и печали от живой птицы я еще не слыхал никогда. Меня будто что сковало. Нет, это не то слово. Поверь, я уронил из рук ружье на дно байды. Не знаю, как тебе передать эти сокровенные всплески горя, беды, пропасти, на которые жаловался лебедь озерным птицам, небу, солнцу... Пробираемся мы байдой сквозь редкий камыш старюку, и я его, лебедя-бедолагу, еще не вижу, а сутужь-тоска его теснит мне глотку, до слез душит...

Шастаем мы с дедом в зарослях, а к нему никак не пробьемся, хотя чуем, что он близко. «Где же он, где?» — шепчу я деду, рукой за камыш хватаюсь, чтобы продвинуть лодку дальше. Но тут камыш стал реже. С полсотни камышин перед нами, на озере блеснуло солнце, и в метрах пятидесяти под красной стеной камыша вижу на воде белого красавца. И он нас сразу же заметил. Нырнул и тут же выплеснулся из воды, взмыл белой косынкой в синь неба и скрылся. А дед, видя, как я расстроился, и говорит: «А что, Михаил, давай мы его тово — порешим». — «Да что ты?! — отвечаю ему, а сам думаю, что ж это с дедом. — Лебедь, — говорю ему, — птица святая!» — «Верно, — отвечает старик, — святая. Она птица единобрачная. Лебедь на чужую лебедушку никогда не позарится. И новое гнездо вить не станет: оно ему теперь ни к чему. Будет он вот так кликать-звать, тосковать-журиться, пока с голоду и дуба даст!..

Знаешь, Михаил, — дудел мне дед Андрей, — он же теперь ничего не станет есть, а ни травинки! И в Святом писании сказано про такого лебедя, чтоб не терзался он, не мучился, не бедовал один — не грешно его и отре-

шить от жизни... Так-то... Что? Не веришь?» — «Нет, — говорю, — не верю...» — «На свою душу возьму я этот грех. Вот те крест. — И дед перекрестился. — Давай его порешим, а?» — «Нет, — твердо говорю ему. — Давай прислушаемся, может, он еще даст о себе знать... Хоть полынно-горька и горестна его песня, а послушать ее и повидать его мне надобно».

И мы поплыли по озеру дальше. Вскоре ветер донес нам его тоску.. И я издали слушал его заунывную, тягучую, скорбную песнь, а дед, как бы уговаривая, все шептал мне: «Михаил, беру грех

на свою душу... давай тово — порешим его... Негоже ему мучиться. Не жилец же он на белом свете... Пропадет, зазря пропадет...»

А мне мало было слышать лебедя. Мне хотелось еще раз повидать его хоть краешком глаза... И мы снова подкрались по камышам поближе, и я снова увидел его с поникшей головой. И заметил я, что, когда в песне его срывался трагический всхлип, он вытягивал шею к самой воде и раскачивал головой, будто жалуясь и старому чакану, и выплывшему из куги красавцу селезню с уткой, какое же у него тяжелое, безутешное, безысходное горе... Я слушал и боялся шевельнуться, а дед все шептал мне: «Михаил... Ну, пропадет же, да какой мученический смертью погибнет... Надо порешить...»

Я молча сидел в байде и долго горевал душою и сердцем вместе с этим лебедем... Вскоре что-то вспугнуло его, и он улетел... А сутужь-журба его все еще звенела и звенела в моих ушах и во всех моих жилах... Мы поплыли к берегу. Дичи попадалось — бей, не промахнешься, но я стрелять уже не мог... Признаюсь, на какой-то миг там, в камышах, дед чуть не склонил меня... И ворохнулась было у меня мыслишка: «Может, подстрелить?»... Но там же, в байде, я эту мыслишку черную придушил

в себе и виду не подал деду, а лишь сказал: «Убить лебедя в такой беде — святотатство... А ты, старик, мне про Святое писание...»

Сижу я, а сам думаю: а может, старик прав?!.. Скажи, может, чтоб лебедь так не мучился, не страдал, может, его и надо было порешить?..

Концовка записи столь же волнующа: «Пригвожденный бедой лебедя и думой о нем Шолохова, я все стоял у притолоки двери и смотрел в его светлые голубые глаза, полные грусти и обаяния, и не нашелся, не нашелся я, как же ответить на его вопрос...»

С берегов реки Урал

*Из рассказов М.Шолохова по итогам поездок в Западный Казахстан на Братанов Яр на берегах реки Урал, где и творил, и, отдыхая, рыбачил и охотился (1970-е годы).
Остался в памяти семьи, но также прозвучал и для меня...*

Сидим мы с Марией Петровной тихо-тихо в лодке, а на берегу гусиное семейство. Купается... Взрослые и дюжина гусят. Столько шуму, брызг, ныряния! Потом вылезли на бережок и буквально полегли все на солнце-пеке. До того укупались, что и крылышки, и лапки, и головы — все вразброс, уснули до единого. Ну, прямо, как ребяташки...

Кровь и слезы гражданской войны

Из воспоминаний М.Шолохова в последние месяцы жизни (1983–1984) в записи сына Михаила

«Вообрази себе на минутку то время. Окинь его одним взглядом с высоты птичьего полета, как говорится... Революция. Гражданская война. Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает...

У тетки моей, у твоей бабки двоюродной, Ольги Михайловны, — четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое — бойцы Добро-

вольческой армии, а Валентин — красный... Выбьют красные белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всыплем этой контре, заживем по-новому!»

На коня — и ходу! А мать в слезы — волосы на себе рвет... А через день таким же макарком Иван влетает: «Был Валька, подлюка? Ну, попадетя он мне! Ничего, погоди, мать, немного, выбьем вот сволоту эту с нашего Дона, заживем по-старому!» А мать уже об печь головой бьется... И так ведь не раз, не два».

«Избрали хуторскую советскую власть. Не хуторяне, конечно. Станичная власть ее избрала... И вот сидит эта новоизбранная власть в атаманской правленческой избе или в экспроприированной хате какого-нибудь «хуторского богача». А за окном-то неуютно... Через окно, бывает, и постреливают. Будешь ты ждать, когда тебе пулю в лоб влепят? А то и просто вилами в подходящем месте? Никакой настоящий мужик ждать этого не будет. Повесит он наган на бок, чтоб всем видно было, и пойдет сам врагов искать. И как его определишь, врага-то, когда на тебя чуть не каждый второй чертом глядит?

За ведьмами так когда-то гонялись... Час от часу подозренице растет; подозрение растет — страх все сильнее; страх подрос, а подозрение, глядь, уже и в уверенность выросло. Остается лишь в «дела» оформить эту подозрительную уверенность, которую тебе нашептала твоя «революционная бдительность...

А те, кто не при власти оставались, думаешь, сидели, молчали? Нет, брат, тоже и брыкались, и бодались, и блеяли, кто как мог. Вот и разберись тут, кто виноват...»

«Когда там по вашим учебникам Гражданская закончилась? В двадцатом? Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие — то по команде, что ни команда — то для людей, мягко сказать, обиды...»

«Паршивые, бездарные ученики мы у истории — вот что плохо. А у нее одно, веселенькое такое, правило есть. Все, что для предков правым было, для потомков чаще всего неправым оказывается. И далеко ходить не надо. Все, что нашим отцам и дедам дорого было, мы на штыки подняли. Но и все, чем мы сейчас восторгаемся, и всех, кто восторгается, скорее всего, уже наши внуки проклянут. А мы все продолжаем думать, что нас минет чаша сия. Гомером надо быть, чтобы суда уже ближайших потомков избежать. А мы что же? Временщики. «И каждому довлеет доля его». Не способны мы и на шаг от «злобы дня» отойти. Ни от «злобы дня», ни от «злобы» групп. Думаем, что наше сиюминутное — это и есть то, что устроит всех во веки веков».

Сказы про колодцы

Страшные предсмертные боли: рак. День за днем невыносимые страдания. Однако творец оставался творцом. Сын записал.

«Налей мне водички, сын», — тихо попросил он. Я налил воды в стоящую перед ним на столе чашечку и с мукой смотрел, как он замедленными, словно в кино, движениями взял ее в свои слабые, высушенные болезнью и ставшие детски маленькими руки. (Даже чашечку мы тогда ставили ему кофейную — поить себя он никому и ни за что не позволял, а удерживать в руках обычную чайную чашку порой уже не мог.) Отец уже поднес, было, чашку ко рту, но пить не стал. Опустив ее до уровня груди, задумался, слегка повернув голову и глядя в окно.

«А ты помнишь, какая вода была в колодце сразу за Ольховым Рогом на горе? — неожиданно спросил он. — Остался он, живой еще, не знаешь?»

«Да что ты! Ничего не осталось, даже и места не найдешь...»

«А у Поповки, у мостика, помнишь?»

«Помню, конечно...»

«Тоже не остался?»

«Нет. И его уже нет...»

«Да-а, — медленно протянул отец. — Деды, черти их носили по буграм да по ярам, — родники чистили, срубам не давали обвалиться. Банки, склянки, кружки оставляли, чтоб посудинка какая-нибудь у колодца была. Попить прохожему-проезжему... — Он опять потянулся к чашке и опять не стал пить. — А у Моховского, недалеко от моста, у речки, помнишь, тоже какая замечательная вода была? У Еланской мельницы. Тоже, наверное, ничего не осталось? — Он несколько раз подносил чашку ко рту и всякий раз, не притронувшись к ней, возвращал. — Раньше-то люди все больше пешком ходили. Или на быках, на лошадях — им тоже пить надо. Вот он, колодец, и нужен был... Какая благодать-то после дорожной жары в теничке посидеть, попить, перекусить, покурить-поговорить, а то вздремнуть, пока быки или лошади кормятся и отдыхают. А теперь что? Пролетел на машине от места до места — и байдюже.

«Теплая», — поморщившись, сказал он, осторожно возвращая чашечку на стол.

«Да пока ты собирался, — попытался я изобразить «бодрость духа», — она и степлиться могла. Давай я пойду из колонки холодненькой принесу».

«Не надо. Расхотелось...»

Заповедно-исповедное — об охоте

В моей записи — итог посещения больницы за два месяца до кончины.

В декабре 1983 года, в Вешенской, я, после того как наслушался от Шолоховых охотничьих рассказов, осмелился перерассказать ему как-то услышанные слова Сергея Тимофеевича Коненкова, выдающегося русского скульптора, об охотничьем увлечении писателя: с укоризной. Старик так выразился: «Шолохов — он наш Толстой, а не одобряю его этой страсти. Зачем он убивает уток и гусей?..» Потом, чего скрывать, я пожалел о сказанном. Мне показалось, что Шолохов обиделся. Ведь все знают, какой он давний и страстный охотник. Потому-то 11 января следующего года, посетив его в больнице (жить ему осталось всего-то меньше двух

месяцев), улучив момент, так прямо и сказал: «Мне показалось, что вы тогда обиделись...» Ответ стал притчей, и было в ней всего-то три фразы, произносимые из-за рака горла с превеликой натугой:

— С годами... все меняется...

После мучительной передышки, что усугубилась еще и приступами кашля, продолжил слабым голосом:

— У нас... в районе... этой зимою... последнюю волчицу... убили...

И напоследок, как бы заканчивая объяснения с собратом по искусству, произнес совсем короткую фразу. Она и неоконченная не оставляла никаких сомнений в том, что мог бы дальше высказать:

— Всякий... зверь... красивый...

Прощание с женой

Из рассказов Марии Петровны — о жизни мужа и творца: за два дня до кончины и при последнем вздохе — 21 февраля 1884 года. Шолохов и здесь предстает как человек особых духовных чувствований.

— Мы с тобой уже так стали похожи друг на друга, что мне даже сон приснился. Как для обоих подседлали одну лошадь... зеленую...

Еще признание супруги: «В одиннадцать, но, может быть, и в двенадцать ночи, за час-два до кончины, позвал, взял мои руки, и все их к себе, к себе притягивает, и тянется к ним, тянется... Уж сил совсем не было, а потянулся. Я сразу и не догадалась, что тянулся поцеловать...»

С остротами и байками

О, эти шолоховские остроты или лукавинка в разговоре и в письмах. То стрелкой, то белкой. Это когда все продолжает излагаться вполне серьезно, но вдруг непредугаданно и выстреливает, да сколько в них зазубристых стрелок.

* «Был культ личности, но ведь и личность была!» Так откликнулся на решения съезда партии с осуждением Сталина по формуле «Был навязан культ личности».

* В 1938-м Шолохов бежал от ареста в Москву (уже были схвачены два родича и несколько друзей). Рассчитал, что спасти может только Сталин. Тот устроил очную ставку с обвинителями. Как держался 33-летний писа-

тель? Он вспоминал потом, чем кончился допрос: «Сталин смотрит на меня и говорит: «Дорогой товарищ Шолохов, напрасно вы подумали, что мы поверили бы этим клеветникам». И ткнул взглядом на энкавэдистов. Те — ни живы, ни мертвы.

Я, конечно, радуюсь, что отвел от себя беду, и не сдержался — говорю: «Товарищ Сталин, вы, конечно, правы в пожелании, чтобы я был спокоен, но вот есть такой анекдот:

— Бежит заяц, а навстречу волк. Говорит волк: «Ты, заяц, чего бежишь?» Заяц в ответ: «Как, что бегу — там вон ловят и подковывают». Волк говорит: «Так подковывают верблюдов, а не зайцев». Заяц ему отвечает: «А когда поймают и подкуют, так пойдешь докажи, что ты — не верблюд!»

Помню, даже Ежов засмеялся, — заметил Шолохов, — а Сталин — так, не очень. И пристально на меня: «Говорят, вы, товарищ Шолохов, много пьете?» Я ответил: «От такой жизни запьешь, товарищ Сталин».

* О Хрущеве, главе партии после Сталина, высказался: «Оценки придут со временем, но то, что он болен, — это так... Серьезная болезнь — понос слов».

* О Брежнев, главе партии после Хрущева, высказался, когда познал от него недомыслие в оценках культуры: «Зато он охотник хороший...»

* «Пришли ко мне шесть баб из станицы Слащевская. Сыновей осудили за кражу... с десяток арбузов. Так я написал прокурору, что я тоже любил воровать арбузы — такие слаще своих».

* «Неужто на Ангарской гидроэлектростанции будет действовать рыбоприемник, куда зайдет только рыба с высшим политехническим образованием?!»

* О писателях-конъюнктурщиках: «Новая домна — новая книга!»

* Зачитал вслух записку на читательской конференции: «Как вы относитесь к образу Лушки? Мой учитель по литературе говорит, что Лушку из «Поднятой целины» надо принимать с отвращением. А мне нравится».

«Мне тоже», — ответил.

* Выслушал от какого-то кинорежиссера в Голливуде: «Знаете, я читал отрывки из ваших произведений...» Ответил: «Когда ваши фильмы появятся у нас, тоже посмотрю отрывки из них».

* Однажды Шолохов побывал на воинских учениях и увидел, как танки форсировали реку, стремительно выйдя из воды. И сказал: «Прямо как у Пушкина. И очутятся на берегу, в чешуе, как жар, горя, тридцать три богатыря...»

* «Как же все отдавать? А самому что? Без штанов ходить?» — ответил он на вопрос: «Правда ли, что все гонорары жертвует на нужды района?» Видно, вспомнилось, что Шолохов и Сталинскую, и Ленинскую премии передал одну в фонд обороны в первый же день войны с фашистами, вторую — на строительство школы.

* «Когда легко пишется, это подозрительно».

*«У нас сейчас немало «великих путешественников» в пределах Садового кольца», высказался он о писателях, которые пренебрегали возможностями знакомиться с жизнью страны.

*«В вашем рассказе сюжет, как изношенная пружина» — написал молодому писателю. Второму высказал: «Прежде чем чеботарь берется точать сапоги, он должен научиться этому...»

* «И лес трещ-шит,и комар пищ-шит, то Михайло Ляксандрыч трех сомов тащ-шит». Такая внезапная песенка самого Шолохова запомнилась его друзьям по рыбалке.

* «Полынь!» — ответил он, когда его спросили, какие цветы высадить у пьедестала бюста дважды Героя социалистического труда, что в обязательном порядке сооружались по государственным установлениям.

*« Нет, когда кто меня переубеждает, я сдаюсь, подчиняюсь», — ответил он на реплику, что упрям и неуступчив.

* О своем супружестве: «Прожили совместно пятьдесят лет и ни разу не разводились».

* Еще о супружестве — когда выяснял, как назвать 50-летие свадьбы: «Золотая ли, бриллиантовая ли». Кто-то подсказал: «Стальная». Он уточнил: «Из нержавеющей!»

* О сражениях с комарьем на охоте: «Мазаться? От комаров одно средство — терпение».

* «Жопорушка!» — проговорил, уже безнадежно больным, обыгрывая слово «просорушка», когда рассказывал, что в июльскую жару старик-станичник научил подкладывать от пропотелостей мешочек с просом.

* Один мой приятель, сблизившись за несколько свиданий с Шолоховым, вывез из Вешек такой вот разговор:

— Вот, наконец-то, женился, Михаил Александрович.

— А сколько же тебе?

— Сорок с небольшим.

— А я бы, Петя, — сказал Шолохов, — женился бы в двадцать, но с большим...

* Стишок даже для детишек сочинил о зайке (довоенная запись П. Лугового):

*Я вообще из всех зверей
Зверь отважный.
Не боюсь я чижей,
Не боюсь я ежа.
Абсолютно не дрожа,
Прохожу мимо ужа,
Проживаю здесь, в лесу,
Не люблю одну лису.*

II. Судьба рассказчика — судьбы рассказов

Эпизоды необычной биографии

Школьные учебники многое замалчивают в рассказе о жизни и творчестве Шолохова. Вот одна из малоизвестных линий — каким он был рассказчиком.

1. Вхождение в литературу

...1923 год, ему всего 18 лет. Приехал в Москву с Дона. Решил входить в литературу через ту группу молодых писателей, которая скучковалась вокруг журнала «Молодая гвардия». У него уже на бумаге два-три рассказа-рассказика. Вдруг здесь прочтут и скажут правду — стоит ли заниматься литературой? Когда пришел, поздоровался, не ручкаясь, подивил казачьим обличем — был в «кубанке» и в гимнастерке с узорчатым пояском. Ему сказали: читайте, пожалуйста, вслух для всех. Честь оказана! Но все равно поджилки трясутся, хотя обычно непужлив. Как происходило это прилюдное — первое — свидание с литературой, запомнил один работник журнала:

Был Шолохов крайне застенчив, читал невыразительно, однотонно, неясно выговаривая слова... Отдавал дань тогдашней манере письма: короткая фраза, густая образность, подчеркивание колорита... Вместе с тем его рассказы не были похожи на те, какие писали тогда пролетарские писатели...

...Публичное вхождение в литературу началось с фельетона, но — выделю! — особого смысла. 19 сентября 1923 года. Газета «Юношеская правда», боевой рупор-орган ЦК и Московского городского комитета комсомола. Здесь появляется подпись «М.Шолох» под фельетоном «Испытание» с подзаголовком «Случай из жизни одного уезда в Двинской области». Двинская область: так это для сведущего читателя маскировка, чтобы обозначить Донскую область. По стилю и сюжету явно кое-что от Чехова: дорожные приключения, возникшие для попутчиков на совместной деревенской подводе. Один из них — секретарь комсомольской ячейки, второй — торговец-нэпман.

Фельетон никакими особыми изысками-изыществами не блещет и до ехидных баек деда Щукаря ему ох как еще далеко. Шолохов этот свой

первый опус никогда в будущем не поминал. Но явно зря, ибо в нем две значимые особенности.

Это неприятие грязных приемов при проверке на чистоту политических взглядов. Отважны автор и редакция: они противопоставили себя постановлению ЦК комсомола о проведении политпроверки комсомольцев. В фельетоне секретарь уездного комитета дал задание торговцу, во что бы то ни стало, спровоцировать юного попутчика на откровения: «Узнайте его взгляды на комсомол, его коммунистические убеждения. Постарайтесь вызвать его на искренность и со станции сообщите мне».

Это возмущенный отклик на богемную жизнь, тогда, когда страна еще не оправилась от недавнего смертного голода. В фельетоне диалог: «На выставку?..» — «Да». Затем грубо, жестко, но понять такие чувства Шолохова, пережившего голод на Дону, можно: «Людям жрать нечего, а они — выставку».

2. Охотничьи рассказы

...1932 год. «Написал несколько охотничьих рассказов». Такую строчку вывел Шолохов в автобиографии. Истинно сенсация! Но где эти рассказы? В печати их никто не видел. Если уничтожены, то зачем и почему? Сколько же тайн порождено необычным шолоховским характером.

Охотничья страсть Шолохова, однако же, проявляется и в этом году. Вот пишет приятелю: «Где обещанная мне кривая трубка? Кстати: не подумайте, что я хочу копировать хозяина, упаси бог! (Намек на Сталина, курившего трубку.-В.О.). Ходишь с ружьем, и кривая трубка не отягощает зубы, касаясь подбородка, а прямую надо держать, стиснув зубы, в руку же взять нельзя, руки заняты ружьем. Понимаете?»

Еще одно письмо: «На той стороне Дона, в степи, верстах в 80 от Вешек увидел волка. Поднялся он из травы... я стукнул его из винтовки... Он еще был жив, когда я подошел к нему... Он повернулся ко мне головой (какого же труда стоило ему занести задок!), прижал уши, клацнул два раза зубами. И вот не забуду его глаз. Такая в них была нестынущая ненависть, что как будто даже зрачки у него дымились... Мне после этого стало как-то не по себе».

В этом же письме о том, как выхаживал раненую стрепетку, да не без юмора: «На дню по три раза хожу за станицу ловить ей кузнецов (кузнечиков — В.О.), к вящему удивлению баб, которые зело недоумевали, видя меня (женатого-то человека) за столь детским занятием. Стрепетка вначале не принимала пищи, кормил я ее насильственно, а потом приобвыкла и стала пить из ложки и десятками пожирать кузнецов... Крыло у нее так и не срослось... Было такое ощущение, что я потерял родного, близкого сердцу человека...»

...1946 год. Он получает письмо от одного давнего своего приятеля-писателя: «Собирается альманах (охотничьих рассказов) под редакцией моего друга, охотника и хорошего человека... Он меня очень просит просить у тебя рассказ... Писатели в сборник намечены серьезные... Не откажи, Михаил Александрович!..» И для заманки такая приписка: «О поездке на весеннюю охоту... Я напишу в дер. Басово, где я охотился на гусей... Живы ли мои гусиные профиля (совершенно необходимые для весенней охоты)? При встрече у меня за сибирскими пельменями (во что и я верю) подробно информирую тебя об условиях охоты...»

Даже на церемонии вручения Шолохову Нобелевской премии раздалось эхо его охотничьих увлечений. Секретарь комитета по премиям произносил: «Господин Шолохов, когда вам присудили Нобелевскую премию, вы занимались охотой на Урале и, по сообщению московской газеты, именно в день присуждения подстрелили одним выстрелом двух диких гусей... Но если мы прославляем вас сегодня как сверхметкого стрелка среди нобелевских лауреатов текущего года, то это оттого, что разговор о таких метких попаданиях имеет отношение к вашему творчеству...»

3. Еще два сюжета с темой рассказов

Пример особой этической (моральной) требовательности Шолохова. 1927 год. Печатается рассказ «Ветер». В сюжете человек, и душу и тело

которого изуродовала гражданская война. Инвалид-обрубок — его сторожатся все женщины хутора, и тогда в некоем затмении овладел сестрой.

Шолохов его больше никогда не переиздавал. Рассказ был снова обнародован только в 1986 году.

...1958 год. Главный редактор журнала «Нева» С. Воронин оставил такое свидетельство: «Михаил Александрович пересказал мне два рассказа. Один про коня и второй из времен Гражданской войны. Их невозможно было слушать без волнения.

— Почему вы их не запишете? Это же готовые рассказы. Их надо печатать!

— Нет. Я опоздал с ними. Теперь надо другое...»

Сколь же загадочен этот ответ.

4. «Судьба человека» с тремя особыми сюжетами

Напомню: этот рассказ-шедевр о несломленном ни пленом, ни послевоенным равнодушием власти русском солдате создавался как раз тогда, когда глава партии Хрущев обязал вести компанию искоренения религии повсеместно и всеми возможными средствами. Попробуй пренебречь! Парторганы бдительны. Цензура на страже. Журналисты дисциплинированы. Писатели — одни в раже поспешили с разоблачительными сочинениями в журнал «Наука и религия», другие сочли во благо отмолчаться, переждать.

Шолохов отказался участвовать в кампании пропаганды этого бездумного постановления. Ничего — ни в речах, ни в статьях. Он против издевательств над верой и церковью. И пережидать, когда улягутся цензурные препоны, не стал. Он создает в «Судьбе человека» небывалый для советской литературы персонаж — мученика за веру.

... Пленный солдат со своими братьями по несчастью загнан немцами на ночевку в церковь. И предстает истинным страстотерпцем. Из-за своих православных убеждений идет под чужеземную пулю. Писатель выразительно вычертил его характер — кратким действием и смелым словом: «Не могу... осквернять святой храм! Я же верующий, я христианин!..» Шолохов истинный драматург! Вписал в монолог Соколова многогранье увиденного — все тут по правде тогдашней жизни: «А наши, знаешь, какой народ. Одни смеются, другие ругаются, третьи всякие шуточные советы ему дают. Развеселил он всех нас...» Но тут же строки с отрезвлением: «Дал фашист через дверь, во всю ее ширину, длинную очередь и богомольца этого убил...»

1965 год — Швеция. Нобелевские дни Шолохова — в один из дней встреча со студентами. Писателю вопрос о реальной основе «Судьбы человека»: «Есть ли такой человек в действительности и мальчик такой?» Ответ был обстоятелен:

— В свое время, когда Льву Николаевичу Толстому княгиня Волконская написала письмо и спросила у него, кто является прототипом князя Болконского, Толстой ей ответил, что он не фотограф, что он не обязан придерживаться протокольной правды, что он свободный художник и он волен, взяв какой-либо прототип, формировать его по своему усмотрению. Примерно так же можно ответить на этот вопрос. Мне встретился скиталец с мальчиком, биография его почти во всем схожа с биографией Соколова... — Мог бы на этом и закончить, но вдруг признался: — Мне хотелось проверить себя — не разучился ли я писать короткие рассказы...

...Что, однако, подтолкнуло на образ Ванюшки? Один из одностаничников Шолохова рассказал о таком случае в послевоенные времена:

«Собирается Шолохов на рыбалку и старается захватить побольше хлеба. «Зачем столько-то?» — «На приваду, на приваду...» А он просто знал, что к нему может присоседиться ребятня. Как скворушки залетные... Михаил Александрович не томит их ожиданием: развяжет рюкзак, вытащит буханку и зовет: «Берите, односумы, делите...»

И такое этот приятель писателя рассказал, что невольно подумалось — уж не высеялось ли именно в тот день то самое первое семя замысла, которое проклюнется много позже в рассказе: «Однажды (было это у Емельяновой ямы) среди такой стаи приметил Михаил Александрович белобрысого, глазастого мальчика в драной-передраной одежке. Поманил его к себе:

— Ты откуда будешь, цыганенок?

— Я, дяденька, не цыганенок... Меня Ванюшкой зовут.

— И где же ты живешь, Ванюшка?

— А когда где. Я приبلудный...

Шолохов долго смотрел на пацана, ничего не расспрашивая. А потом сказал как будто весело:

— Приблудными бывают только овцы или куры. А ты — человек. Есть-то хочешь?

Тот кивнул, и Шолохов сказал: «Пошли к нашему шалашу...»

Шолохов... Он и своим творчеством в малом жанре необычен. Поклон же нашему народу, что этот гений мировой значимости явил себя на нашей земле 24 мая 1905 года. □

«Без фортуны
актерская
профессия
существовать
не может...»

Дмитрий Харатьян

Казалось бы «еще вчера» Дмитрий Харатьян стойко ассоциировался с образом обаяшки-блондина с васильковыми глазами, романтика с гитарой, героя-любовника и красавчика-гардемарина в одном лице. Бесшабашный, легкий, страстный, улыбчивый, открытый, искренний... Он мог себе позволить, например, во время живого концерта выскочить под песню «Не вешать нос!» на лихом скакуне прямо на сцену и этим ошарашить зал.

Но как быстро летит время! Конечно, актер по-прежнему всеобщий народный любимец. Сегодня народный артист Дмитрий Харатьян — популярный телеведущий, президент фестиваля визуальных искусств «Орленок». Он не только сам активно снимается в кино, но участвует и в создании фильмов. Например, недавно продюсировал картину «Форт Росс».

— Дмитрий, правда, что сюжет этой картины перекликается с историей вашего прапрапрадеда, который жил на Аляске?

— Как мне удалось недавно выяснить (причем, документально!), он там не только жил... Он в свое время покорял Америку и даже был управляющим на одном из аляскинских островов.

— Крутые у вас предки... Так вот откуда, оказывается, корни! Эко в вас, однако, всего понамышано: блондин, армянин, прапраправнук «губернатора Борнео»...

— Сам удивляюсь... Но фильм не об этом. «Форт Росс» — это русская крепость, до сих пор, кстати, существующая. Основана в Калифорнии, на берегу Тихого океана в 1812 году, то есть в прошлом году ей стукнуло ровно двести лет, и именно ей посвящена картина. По замыслу — это большое историко-приключенческое кино с элементами фантастики. Молодой тележурналист Дмитрий Климов по заданию редакции едет в «Форт Росс», а в результате через iPhone попадает в прошлое — в 1820 год, когда процветало это поселение, тогда еще принадлежавшее России. Фильм снял Юрий Мороз по роману Дмитрия Полетаева, моего однокурсника по театральному училищу.

— Ваши герои на экране давно стали синонимами таких свя-

тых понятий, как любовь, добро, дружба, патриотизм... А в жизни вы тоже — романтик и патриот?

— По большому счету — да! Ценю благородство и настоящую дружбу. Верю в лучшее и доброе в каждом человеке.

— Вас изначально занесло в любимый зрителями жанр приключенческого кино, в амплу романтического героя. Не будете отрицать, что некоторая доля везения в вашей актерской карьере присутствует?

— Даже «не некоторая»... На мой взгляд, везение в актерской судьбе играет первостепенную роль, без фортуны, удачи эта профессия существовать не может. И я не исключение. Кино само меня выбрало. Мне было 15 лет, я еще не знал, кем буду, и уж точно не думал становиться артистом. Увлекался спортом — гонял в хоккей и футбол, играл на гитаре в вокально-инструментальном ансамбле. Но так повернулась судьба, вмешался тот самый господин Великий Случай. Случайно узнал, что режиссеру Владимиру Меньшову, который задумал снимать фильм «Розыгрыш», был нужен парень, умеющий играть на гитаре и петь. Из интереса пошел на «Мосфильм» с гитарой через плечо и спел, через какое-то время был утвержден на главную роль. И утром 10 января 1977 года (даже дату запомнил) — сразу после выхода фильма, как говорится, «проснулся знаменитым»...

Опережая очень частый следующий журналистский вопрос, «не заболел ли я часом знаменитой «звездной болезнью», говорю честно: что-то вроде этого было. Ну, не готов я оказался к такому! На меня показывали пальцем в транспорте. Впервые (а мне было-то всего 16 лет) я менял по несколько раз номер телефона! И это были только «цветочки». Поначалу нравилось. Потом понял, что у славы и популярности есть другая сторона медали, и стал тяготиться своей известностью... После окончания средней школы я снялся в картине «Фотографии на стене». Пытался поступить в «Щуку», но из-за своей абсолютной неподготовленности провалился. И... уехал в Центральные Кызыл-Кумы.

— Зачем?

— Открою великую тайну: искал золото, бриллианты... Устроился в геолого-поисковую партию и поехал рабочим второго разряда искать золото и серебро. Два месяца мы жили в палатках в пустыне. Вставали в 4 утра и шли в маршруты, снимать показания. А вокруг — каракурты, змеи, скорпионы, фаланги — экзотика. Это был такой кайф! Физически было очень тяжело, но дух романтизма нам помогал... Сразу по возвращении из пустыни я поступил в Щепкинское театральное училище.

— Еще какие-нибудь необычные приключения, наподобие

золотоискательства, выпадали на вашу долю?

— Необычные? В 24 года, будучи уже известным артистом и молодым папашей, я ушел в армию. Полтора года, как и положено человеку, который закончил высшее учебное заведение, я безо всякого блата отслужил в Москве. Но не в Театре советской армии и не в ансамбле Александрова, а в строевой части — воензированной пожарной охране МВД СССР. Моя воинская профессия — пожарный. Так что теперь и пожар могу потушить, если что...

— Пик популярности Дмитрия Харатьяна пришелся на 1989 год после «Гардемаринов» Светланы Дружининой?

— Куда, между прочим, я тоже попал совершенно случайно... На роль Алеши Корсака был утвержден мой друг Юрий Мороз. Но он тогда заканчивал последний курс ВГИКа, должен был снимать дипломный фильм и отказался от роли. Муж Светланы Дружининой, Анатолий Мукасей, посоветовал ей посмотреть «одного мальчика» по имени Дима Харатьян. Дружинина просто дала мне ноты, текст и попросила спеть. И когда я запел: «Весна без листвы, как жизнь без любви...», она сказала: «Это он»...

— В этой картине не только много любви, страстей, патриотизма, но и драк, фехтования, скачек... В трюковых съемках вы обходились без дублеров?

— Разочарую вас. Я твердо уверен в том, что каждый должен заниматься своим делом. Конечно же, я с удовольствием участвую в трюках, которые мне по силам из-за моей подготовленности, например, в скачках, фехтовании, даже в драках. А вот

прыгать с Останкинской башни на асфальт я никогда не стану... В юности мне часто приходилось скакать верхом, но это не от моей большой любви к трюкачеству, просто, если бы в «Гардемаринах» за меня это делал дублер — мне бы остались

одни крупные планы. На самом деле я всегда очень боялся лошадей. Лошадь — это живое существо, мало ли что ей в голову взбредет. Помню, однажды на ипподроме мы снимали проскоки для «Гардемаринов». Только включили камеру, моя лошадь, видимо, решила, что к финишу должна прийти первой, и как рванет вперед. Все закончилось тем, что я вылетел из седла, перелетел через ее голову и упал. А она поскакала дальше. Со стороны, наверное, зрелище было еще то. Меня накрыло плащом, я, путаясь в шнурках, вскочил на ноги, сорвал с головы этот плащ и с воплем: «Сейчас, подождите, все переснимем», — бросился догонять лошадь. Оператор потом мне признался: был уверен, что ему удалось запечатлеть «последний подвиг Харатьяна».

— Наверное, наивный вопрос, и все-таки. Гардемарины были такие дружные на экране. Почему они оказались не такими дружными в жизни?

— Потому что экран — это не жизнь. Кино — это работа. Вы что, со всеми дружите, с кем работаете?

— Тогда же другой яркий кинодебютант и «гардемарин» — Владимир Шевельков — неожиданно для всех заявил об уходе из кино на 10 лет и резко сменил профессию. Параллели прослеживаются?

— Не знаю, как было у Володи, но свой диагноз я поставил себе сам: кризис среднего возраста. Тем не менее, начало 90-х для меня было очень удачным: «Мордашка», «Виват,

гардемарины!», «Гардемарины-3», «Черный квадрат», «На Дерибасовской хорошая погода...» В 1991 году меня назвали лучшим актером года. Я давал концерты — по 200–300 в год. Конечно, уставал безумно, случались и страшные депрессии. Но мне хочется сказать о другом. Сразу после «Гардемаринов» Леонид Иванович Гайдай предложил сняться в главной роли фильма «Частный детектив, или Операция «Кооперация». Этот фильм подарил мне новое счастье! На этих съемках в Одессе я познакомился с моей нынешней женой — Мариной Майко, с которой мы живем вместе уже (даже страшно сказать!) более 20 лет.

— Ваша женитьба расставила все по местам?

— Можно сказать, и так. А в 1998 году родился наш сын Иван. Тогда же я впервые вышел на театральную сцену. В одной из первых антреприз в Москве — спектакле Миши Горевго по Стейнбеку «О мышах и людях» мы с Александром Балухевым исполнили главные роли. Считаю, что все это — веховые этапы в моей жизни.

— Кстати, почему вы, выпускник театрального училища, — долгое время сцену игнорировали?

— Я закончил «Щепку», но театральным актером на момент выпуска себя не ощущал, считал своей «основной стихией» кино. Теперь понимаю — просто не был готов. Боял-

ся, что я, весь такой известный и востребованный в кино, придя в театр, грубо говоря, облажаюсь. До театра нужно «дорасти». И мне потребовалось какое-то время. Следующей такой вехой считаю работу с Максимом Дунаевским и два мюзикла, в которых мне посчастливилось играть, петь, танцевать — «Веселые ребята» (по мотивам знаменитого фильма Александрова, к которому Максим Исаакович написал 12 новых песен), и совсем новый — «Любовь и шпионаж», где у меня просто удивительная партнерша — Лариса Долина.

— Дмитрий, хотя многие и считают вас «баловнем судьбы», наверняка и серьезные потери в карьере были?

— Пару раз терял хорошие роли в кино. Очень жаль, что меня не утвердил Никита Михалков в фильме «Родня» на роль, которую потом сыграл Олег Меньшиков. А самый мой главный проигрыш — ... Пушкин. Когда Марлен Хуциев решил снять фильм о Пушкине, и меня позвали на пробы, я думал о любой роли, но только не о Пушкине. Блондин как-никак, типа Дантеса... И вдруг мне говорят: «Главная роль!» Я был уверен, что меня разыгрывают. Я спросил у девушки, представившейся ассистенткой Хуциева: «Вы меня живьем-то видели? Бакенбарды у меня вроде бы не растут и даже кудри не выются». Но потом Хуциев объяснил, что видел меня в чьей-то дипломной ра-

боте, где я в роли лейтенанта ехал на танке, и был похож не на Пушкина, а на Ганнибала. Грим мне делали по пять часов, накладывали разные носы, клеили бакенбарды, делали большие губы. В результате получился натуральный Александр Сергеевич, как с картинки. Но на худсовете Госкино Хуциеву сказали: «Вы с ума сошли! Пушкин — гений русского народа, а тут какой-то подросток-четверокурсник, да еще с фамилией Харатьян». Тогда Хуциев из принципа отказался снимать другого актера, и фильм закрыли.

— Рассказывали, что секс-символ 80-х Дмитрий Харатьян в жизни был настоящим донжуаном, ездил на дорогой машине по городам и весям, заводил курортные романы с поклонницами...

— Да вы что! Это все сплетни! С поклонницами отношения у меня всегда были сдержанные: если тебе на шею вешаются, это не значит, что ты себя должен вести соответствующе. Я никогда не ставил себе задачи очаровать женскую аудиторию всей страны.

— Еще вам приписывают...

— Стоп-стоп-стоп! Честно говоря, лет мне уже много, всего и не упомнишь. Я вообще человек коммуникабельный, поэтому со всеми находил общий язык. И всем своим партнершам симпатизировал, порой был очарован, иногда даже увлекался — с кем не бывает. А сейчас — я закоренелый семьянин, причем моногамный.

— Говорят, что ваш характер не сахар. А ваша жена характеризует вас как «абсолютного деспота» в семейной жизни... Вы с этим согласны?

— Отчасти это так. Да, не сахар, но и не соль, и не перец. Я человек сложный, противоречивый и неудобный для долгого общения. Бываю замкнутым, занудливым, раздражительным... Жить вместе со мной долгое время — это тяжелое испытание, в некотором смысле даже подвиг.

— Какие, по-вашему, качества в женщинах самые важные?

— Женственность, обаяние, покладистость, нежность, умение по-матерински заботиться. Мне не нра-

*С супругой Мариной
и сыном Иваном*

вятся женщины эпатирующие, которые нарочито публично стараются выделиться. Мне хочется покоя. А по армянским традициям дом — это единственное место, где можно обрести покой. Дома хочется отдыхать. Не просто валяться на диване, а полноценно отдыхать и душой, и телом.

— Публичная профессия обязывает поддерживать отличную физическую форму. Все-таки внешний вид актера — его бренд. Поделитесь секретом: как вам удается выглядеть моложе своих лет?

— Думаю, основная причина — это гены и отказ от дурных привычек.

Умение следить за собой и позитивный взгляд на мир. Кроме того, я люблю все, что связано с движением, спортом. При нормальном раскладе два раза в неделю играю в большой теннис. По возможности посещаю бассейн, спортивный клуб, где и тренажеры, и массаж и турецкая баня. Вот и все.

— Дома делаете что-нибудь по хозяйству? Кулинарничаете?

— Скажу по секрету, только жене не говорите: готовить я умею, но дома этим не занимаюсь. Ну, разве что символически: кофе сварю, чай... Ну-у-у, еще бутерброды могу себе сделать, яичницу с овощами и зеле-

нюю — в микроволновке. Мне повезло: жена хорошо готовит...

— В одном из последних интервью, вы сказали, что время превратило вас из романтического героя в обаятельного мерзавца.

— Ха-ха-ха! Это теперь мое новое амплуа... Я понимаю, что иду на

большой риск, потому что зрителям это может не понравиться. Ведь они полюбили меня в образе положительного героя. Но измениться я все-таки решился и теперь, начиная с роли Ивана Долгорукого в «Тайнах дворцовых переворотов» Светланы Дружининой, играю исключительно обаятельных мерзавцев, мерзопакостных гаденышей и отпетых него-

дьяв. Хотя, как мне кажется, даже отпетые негодяи в моем исполнении, и те немного романтики...

— Вы трудитесь и довольно успешно на многих «фронтах»: снимаетесь, продюсируете, ведете передачи, играете в театре, поете в мюзикле... Дмитрий Харатьян — обеспеченный человек?

— Все относительно, сами понимаете. Могу сказать, что самую большую денежную сумму я держал в руках, когда снимался в фильме Леонида Гайдая «На Дерибасовской хорошая погода...» Да что там сумму! Я держал в руках все казино! Шучу, конечно...

— Традиционный вопрос: ваши дети собираются продолжить актерскую династию?

— Старшей дочери 31 год. Саша с красным дипломом окончила экономико-статистический университет по специальности «Финансы, кредит и банковское дело», но сейчас хочет заниматься продюсерством. Надеюсь, когда-нибудь поработаем вместе. А вот младший, Ваня, в 6 лет снимался в «Андерсене» у Эльдара Рязанова — сыграл маленького Ганса-Христиана. Его случайно Эльдар Александрович увидел в Сочи на «Кинотавре», пригласил, сделал пробы. И снял. Сейчас Ване 17. Он очень творческий человек: играет на фортепьяно, сочиняет музыку, в нем есть гибкость, пластичность. Артистич-

ный, обаятельный. Словом, не без способностей. Но о его будущем говорить пока слишком рано. Для меня, как для отца, — главное, чтобы он вырос нормальным человеком. Но пока школу еще надо закончить, а там с математикой — беда!

— Вам чуть за 50. Для мужчины-актера — прекрасный возраст. Можете перечислить самые счастливые нетворческие моменты за весь этот период?

— Самые глубокие и сильные ощущения для меня все же первые. Это первый велосипед, первая гитара и первый поцелуй. А самые более поздние счастливые моменты — рождение детей. На сегодняшний день самая главная для меня — роль отца. Она важнее всего.

— Мечта осталась прежняя — сыграть Гамлета на музыкальной сцене?

— Сегодняшняя мечта совершенно не романтическая. Амбиции в работе ушли на второй план. Не хочу ни «гамлетов», ни «королей лиров». Сейчас, когда есть опыт человеческих потерь, хочется только одного: чтобы все близкие и друзья были живы и здоровы. А в детстве у меня была мечта увидеть летающую тарелку и еще, чтобы не было войны. Казалось бы, какие давние, абсолютно детские мечты, а для меня они до сих пор актуальны. □

Беседовал **Андрей Колобаев**

СЮРРЕАЛИЗМ

И МОДА

Евгения Гордиенко

Сегодня ее если и вспоминают, то только как «соперницу» Коко Шанель. Между тем, в тридцатые годы она была гораздо более известна, нежели ее извечная конкурентка. Она сотрудничала с Жаном Кокто, Сальвадором Дали, Мэй Уэст и другими талантливыми людьми своего времени. Именно благодаря ей появились многие вещи, без которых мы не мыслим современной жизни. А вот ее — Эльзу Скьяпарелли — уже почти никто не помнит...

Она родилась 10 сентября 1890 года в Риме, в родовом дворце Корсини, в семье итальянских аристократов, которые, впрочем, резко обеднели после Первой мировой войны. Ее отец работал директором Королевской библиотеки. Семья была довольно эксцентричной, достаточно сказать, что дядя Эльзы — знаменитый астроном Джованни Скьяпарелли, открывший «каналы» на Марсе.

Несмотря на резко уменьшившееся состояние семьи, девочка успела получить классическое образование в католическом пансионе в Швейцарии, а также изучить и полюбить искусство, театр и особенно — театральные костюмы. Можно только предполагать, за что родители «сослали» ее в пансион, но рассказывали, что в детстве Эльза была весьма непослушным ребенком. Так, однажды, она решила... посадить на своем лице цветы. Насыпала семена в нос и уши и чуть не задохнулась.

Ее кумиром долгое время был Леонардо да Винчи — в основном за его инженерные проекты, особенно за идеи самолета и парашюта. Эльза даже попыталась изобразить парашют из зонтика — и выскочила с ним в окно. К счастью, она приземлилась посреди клумбы, и дело обошлось без травм. Уже по этим поступкам можно было с уверенностью сказать, что девочка вырастет неординарной личностью.

Первое, что сделала Эльза, вернувшись из пансиона, — влюбилась. Но ее избранник оказался родите-

лям недостаточно аристократичным, и они положили этой связи конец. После этого отношения Скьяпарелли с родителями стали прохладными.

Чтобы развеяться, она отправилась в Париж. Этот город буквально покорила ее!

Как-то один из знакомых пригласил Эльзу на бал. Это был первый бал в ее жизни. Денег на бальное платье у нее не было, и она купила в галерее Лафайет темно-синий крепдешин, к нему лоскут оранжевого шелка и соорудила наряд, увенчанный тюрбаном. Сшивать материал было некогда и негде, поэтому девушка просто сколола ткань булавами. Ее вид произвел фурор! Но каково же было разочарование Эльзы, когда во время танго, которое она не умела танцевать, поскольку в Италии предпочитали другие танцы, ее наряд начал рассыпаться у всех на глазах. Пришлось быстро удалиться под недоуменными взглядами гостей.

Не желая зависеть от родителей, девушка нашла себе работу гувернантки в Лондоне и покинула Париж. Но проработала она недолго. В Англии Эльза познакомилась с известным оккультистом и теософом, графом Уильямом де Вендт де Керлором и вскоре вышла за него замуж, взяв попутно на себя функции его секретаря. Они много путешествовали, но с войной интерес к теософии резко упал, и супруги отправились в Америку — там спрос на де Керлора еще был.

*Дизайнер
Эльза
Скьяпарелли*

Справа:
*модели
Эльзы*

Звучное имя графа де Керлора, увы, не подкреплялось ни состоянием, ни верностью молодой жене. Он тратил ее приданое (какое-то родне все же удалось ей дать) и изменял ей направо и налево... У них родилась дочь Мариса Ивонн (Гого). Девочка была больна детским церебральным параличом. Для ее отца это оказалось слишком сложно, и он пропал из жизни Эльзы.

Чтобы прокормиться, она стала искать работу и нашла ее очень быстро, когда познакомилась с Габриэль Пикабиа, бывшей женой художника-абстракциониста Франсиса Пикабиа. Та держала в Нью-Йорке модный магазин, и ей нужны были

служащие, разбиравшиеся в моде и говорившие на разных языках. Эльза отлично подошла по всем этим параметрам.

В 1920 году Скьяпарелли вернулась в любимый Париж. Она по-прежнему работала на Пикабиа и постепенно приобщалась к миру моды французской столицы, что приносило свои плоды — она заводила нужные знакомства, училась работать и приобретала навыки модельера.

Вскоре подвернулся и случай начать собственное дело. На одном из своих приятелей она увидела свитер — очень простой и элегантный, но невероятно нежной и каче-

ственной вязки. Эльза спросила, откуда он у него, оказалось, что свитер связала одна армянская женщина. Познакомившись с ней, Скьяпарелли предложила той работать вместе. В таком тандеме они создали несколько моделей, в том числе знаменитое вязаное черное платье с белым бантом-бабочкой. Для 1927 года это был фурор.

Дело Эльзы быстро росло. Вскоре она уже заняла в своем бизнесе почти всю женскую часть армянской диаспоры в Париже, а диаспора была немаленькой.

Одним из первых крупных заказов стал заказ от спортивного магазина «Strauss». А позже Скьяпарел-

ли смогла открыть и собственный магазин — на улице Рю де ла Пэ, где поначалу торговали товарами именно для спорта.

Первые коллекции молодого дизайнера едва ли поразили бы наше воображение сегодня, но в те годы это было просто революцией! Свитера с африканскими мотивами, одежда с принтами, похожими на матросские татуировки, с рыбьими скелетами, пилотажные куртки и брюки...

Несмотря на свою необычность, все эти коллекции имели бешеный успех.

Дело росло, развивалось... Вскоре Эльза решила заняться и дизай-

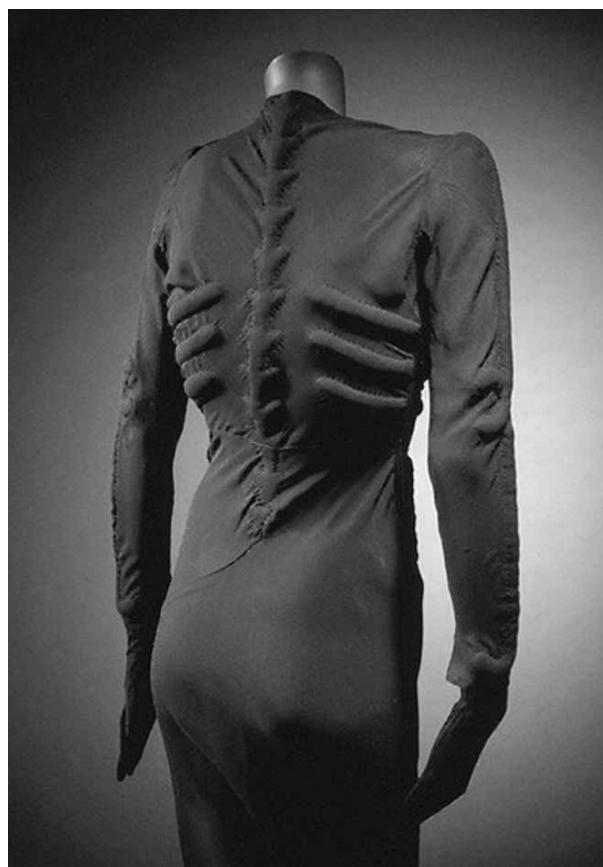
Справа:
*одна из знаменитых моделей —
платье-скелет*

ном вечерних платьев. Одной из первых моделей — и весьма успешных — стало черное платье-футляр, к которому прилагался белый жакет и белый же шарф, переброшенный за спину. Это было стильно, элегантно и необычно.

Каждая вещь первое время шилась в единственном экземпляре для определенного заказчика. Но эксклюзив эксклюзивом, а бизнес — бизнесом, и Эльза начала делать по несколько экземпляров своих оригинальных моделей, отчего они, конечно, не становились менее интересными и необычными.

Из простого магазинчика за несколько месяцев вырос целый Дом моды Эльзы Скьяпарелли, а сам магазинчик переехал на Вандомскую площадь, в центр богатства и роскоши. Кстати, именно Скьяпарелли ввела в модный бизнес такое понятие, как «бутик» — небольшой магазин, где продаются авторские вещи, пошитые небольшими тиражами.

Еще одно из ее изобретений — применение молнии на одежде (раньше их использовали только для сумок), отдельный купальник (причем телесного цвета!), принт в виде газетного листа, а также сумки и

шляпки в форме различных предметов — телефона, туфли и даже бараньей отбивной. Идея с сумками в форме предметов жива до сих пор: аксессуары эти стоят недешево и пользуются большим успехом у модниц.

Она же первой стала давать коллекциям названия. Коллекция под названием «Остановись, смотри и слушай» продемонстрировала дождевики, предложенные в качестве вечерней одежды, вышитые сари и множество других находок. Особенно поразили всех платья с пуговицами в форме французских монет.

Скьяпарелли могла вдохновиться чем угодно. Так, одна из коллекций была полностью посвящена ее впечатлениям от американского цирка

«Barnum». Одежда из этой коллекции была полна изображений слонов и клоунов, а пуговицы сделаны в форме цирковой трапеции. Шляпки же, для пущего эффекта, напоминали перевернутый рожок для мороженого.

Это было настоящее шоу — тоже, кстати, придумка Эльзы Скьяпарелли. До нее модные показы были достаточно скучным действием — манекенщицы просто демонстрировали одежду.

Она дружила со многими знаменитостями своего времени: Сальвадором Дали, Жаном Кокто, эпатажной актрисой Мэй Уэст. Той очень нравились платья Скьяпарелли, она постоянно заказывала их. А чтобы не тратить время на примерку, от-

правила Эльзе свой гипсовый манекен, выполненный, как Венера Милосская. Этот манекен вдохновил модельера создать флакон для ее первых духов — в форме женского тела. Сами духи носили название «Shoking». С тех пор все ду-

хи Дома Скьяпарелли начинались с «S». А флакон духов для мужчин «Roi Soleil» — «Король-солнце» — Сальвадор Дали сделал в виде курительной трубки.

Со знаменитыми сюрреалистами Скьяпарелли не только дружила, но и сотрудничала. По эскизу Кокто она создала платье с рисунком в виде двух женских профилей, образующих вазу с цветами, и знаменитый жакет, на котором изображены обнимающие руки. А Дали подсказал ей идею сумки-телефона и платья с омаром и листиками петрушки. Для карманов жакета художник придумал ручки, как у выдвижных ящиков.

Эта же тройца — Скьяпарелли-Кокто-Дали — создала коллекцию бижутерии, материалом для которой служили лекарства, леденцы,

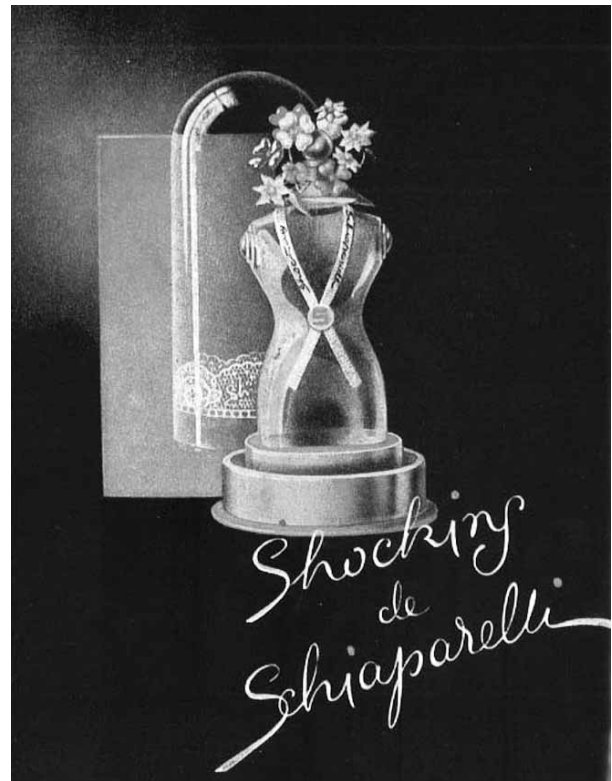

птичьи перья, карандаши, ластик и многое другое в том же духе. Они от души веселились, придумывая смешные и оригинальные украшения, за которыми потом «гонялась» вся богема. Кстати, моду на ношение бижутерии к вечерним платьям ввела тоже Скьяпарелли. А ожерелье из таблеток аспирина придумали для Скьяпарелли Луи Арагон и Эльза Триоле. Эта же таблетка аспирина стала прототипом шляпки-таблетки, которую потом прославила Жаклин Кеннеди. А знаменитый розовый диван, который повторял форму губ Мэй Уэст и теперь находится в музее художника в Фигейросе, много лет служил украшением фирменного бутика Эльзы. Она обожала розовый, тот самый, который называли «shocking pink» — шокирующий розовый, цвет фук-

сии. Бросаться яркими цветами вообще было в ее стиле. И, конечно, сочетать несочетаемое — пурпурный, алый и оливковый цвета или черное платье с красными чулками, бирюзовый жакет с деталями цвета «бордо» или зеленый узор на розовой ткани.

Кокто говорил о ней: «Эльза умеет заходить слишком далеко!» И что может быть выше этой похвалы?

Мужские духи Скъяпарелли во флаконе, созданном Сальвадором Дали, в виде курительной трубки, и женские духи во флаконе в виде манекена

Помимо Мэй Уэст носить одежду «от Скъяпарелли» нравилось Марлен Дитрих, Грете Гарбо и Гарри Куперу. Даже герцогиня Виндзорская (бывшая миссис Уоллис Симпсон) мечтала иметь платье «от Скъяпарелли». Сама Эльза была немало удивлена этим фактом — ей казалось, что член британской королевской фамилии (хоть и американка по происхождению) не может позволить себе иметь платье с омаром и петрушкой. И тем не менее...

В 1935 году она заинтересовалась выражением темы оптических иллюзий и галлюцинаций в форме, крое и рисунке одежды. Эльза соз-

дала пиджак с широкими квадратными плечами, вошедший в моду благодаря Марлен Дитрих, и платье с изображением слезы, рисунок которого можно было разглядеть только с определенного расстояния или под определенным углом зрения. Когда она надевала это платье-мираж, то публика находилась в некотором недоумении, поскольку, увидев и заинтересовавшись необычным рисунком издали, люди не могли обнаружить его вблизи. Многие тогда задумались о вреде алкоголя и наркотиков.

В том же году Скъяпарелли посетила СССР — как представитель

французской моды на Французской торговой выставке. Этой поездке в ее мемуарах посвящена целая глава, где живо и не без иронии она делится своими впечатлениями о посещении музеев и Мавзолея. Больше всего ее поразила нескончаемая очередь к восковому, как она написала, Ленину. Еда страны Советов тоже ее порадовала: «...я придерживалась одного меню: сухой хлеб с черной икрой, иногда севрюга и всегда водка. Икру продавали в бакалейных отделах в бочках из красного дерева, оттуда доставали большим половником. Свидетельствую, что эта диета чудесно способствует потере веса, и в Париж я вернулась худой, как Ганди, и прекрасно себя чувствовала».

Она одевала многих знаменитостей. Так, Кэтрин Хэпберн говорила, что ее карьера пошла вверх после того, как она стала носить одежду от Эльзы Скъяпарелли.

У Эльзы был многолетний контракт с Голливудом, согласно которому она одевала многих звезд. К слову, у Шанель был только годичный договор с «Фабрикой грез» — ее простые наряды, в отличие от эксцентричных моделей Скъяпарелли, совсем не «смотрелись» на экране.

Две великие дамы, мягко говоря, недолюбливали друг друга и не упускали возможности сказать друг о друге что-нибудь нелicenseприятное или же просто мелко напакостить.

На одном из светских приемов Шанель учтиво усадила Эльзу, при-

шедшую в черном платье, на свежеокрашенный стул. При этом отметила, что новый узор только придаст дополнительной пестроты гардеробу соперницы и пойдет ей на пользу. Скъяпарелли, в свою очередь, регулярно украшала свои новые работы карикатурными портре-

Знаменитая модель Эльзы — платье с лобстером и петрушкой

тами соперницы. Словом, они друг друга стоили.

Когда Шанель спрашивали: «Завидуете ли вы успеху Эльзы Скьяпарелли?», она заносчиво отвечала: «Да нет, что вы. Это никому не известная итальянская художница, которая всего лишь шьет одежду!» Конечно, она лукавила. В тридцатые их слава была почти равной, но сегодня слова Коко стали почти правдой — уже мало кто помнит Дом моды «итальянской художницы».

Коко пришла в мир моды на семь лет раньше, и, конечно, ей не хотелось делить вершину Олимпа с какой-то итальянской «выскочкой». Однако «выскочка», в отличие от Шанель,

умела рисовать. К тому же она обладала фантазией и смелостью быть экстравагантной и не бояться осуждения. Шанель была более консервативна: достаточно вспомнить основные цвета ее коллекций — черный и белый. У Эльзы же наблюдалось буйство всевозможных красок.

В 1939 году, из-за начала Второй мировой, Эльза Скьяпарелли была вынуждена закрыть свой бутик в Париже и переехать в Америку. В том же году закрылся и магазин Шанель.

После снятия оккупации, в 1944-м, Эльза вернулась, но...Ее мода, как и сюрреализм в целом, остались в прошлом. Теперь в Париже царил Диор, с его newlook, с его очевидной послевоенной женственностью. Авангардным моделям Эльзы здесь просто не было места.

*Две конкурентки —
Эльза Скьяпарелли
(слева)
и Коко Шанель*

И, тем не менее, она продолжала работать. Ее последняя коллекция увидела свет в 1953 году. После этого Дом моды Эльзы Скьяпарелли прекратил свое существование.

О ее личной жизни известно ничтожно мало. Считалось, что после неудачного брака она целиком посвятила себя дочери Марисе Ивонн. Ей удалось сделать практически невозможное — вылечить девочку от детского церебрального паралича.

У Марисы, в отличие от матери, жизнь оказалась спокойной и счастливой. Она вышла замуж за дипломата Беренсона и родила двух дочерей — тоже Марису и Берри. Последняя, кстати, находилась в одном из самолетов, врезавшихся в 2001 году во Всемирный Торговый Центр в Нью-Йорке.

Мемуары, которые написала Эльза, будучи «на пенсии», назывались «Моя шокирующая жизнь» — в них не было ничего по-настоящему шокирующего, но зато было ясно, как выбиться из бедности, как не бояться экспериментировать и оставаться самой собой.

Эльза Скьяпарелли скончалась 13 ноября 1973 года, через 20 лет после выхода ее последней коллекции. Она пережила свою извечную соперницу Коко Шанель на два года. Роскошные коллекции своих платьев она перед смертью подарила Музею Филадельфии и Парижскому музею моды и текстиля на улице Риволи. Похоронена она была — по ее собственной просьбе — в ярко-розовом шелковом платье... □

Я падаю...

Проснулась Анастасия рано — когда такое случилось в детстве, бабушка ей всегда говорила — «как птичка». И прибавляла — «кто рано встает, тому Бог дает». Она лежала в постели, всеми клеточками впитывая в себя это прекрасное утро, наслаждаясь снизошедшим до нее покоем, тем, что ей можно не думать о рыжем и всей этой истории. Сегодня ей предстоит поехать на киносъёмки, а, вернувшись в редакцию, не ломать голову над полосой, которая ей давно надоела, а начать писать свежий материал о будущем фильме. Ах, как это хорошо — писать о том, что любишь и понимаешь. А вечером она встретит Алексея, и ей уж совсем нечего будет бояться!

Она встала и тихо-тихо, в замедленном темпе, чтобы не потерять этого состояния, стала собираться на работу. Павлик, вставший уже давно и приготовившийся идти в бассейн, смотрел на нее с удивлением.

— Мам, ты прямо как сомнамбула.

— Пусть.

— Сегодня папа приедет. Не забыла?

— Не забыла. В шесть тридцать поезд. Я после работы сразу пойду на вокзал. Благо, рядом.

— Я, может, тоже приду.

— Хорошо. Так ко мне и приходи, вместе папу встретим.

— О, классно! Прибегу, прискачу!

И Павлик умчался.

Через полчаса вышла из дома и Анастасия. Несмотря на все напряжение последних дней, она чувствовала себя хорошо — давление, казалось,

Окончание. Начало в №4, 2015.

замерло на положенной ему отметке, сердце не постанывало, поэтому она уверенно втиснулась в переполненный автобус. И тут ее блаженству пришел конец — пассажиры обсуждали только что прозвучавшее по радио из кабины водителя сообщение о надвигающемся урагане. Скорость ветра — до сорока метров в секунду... Правда, представитель метеослужбы оговорился, что эпицентр урагана будет, вероятнее всего, проходить далеко от них, но только это никого не успокоило. Многие сразу вспомнили безумный ураган восемьдесят четвертого года, когда многих рыбаков безвозвратно унесло с реки вместе с их лодками, когда ветер поднял в небо огромный подъемный кран, деревья вырывались с корнем, дома разрушались или же переносились на десятки километров. Именно в тот день родственница Анастасии вместе со своей маленькой внучкой находилась в деревне, по которой ураган прошелся особенно жестоко. Но женщина не растерялась — услышав страшный гул, она, подхватив малышку, мгновенно скрылась в погребе. Это их и спасло. Когда стало тихо, и она приподняла крышку погреба, вырытого прямо под домом, то вместо стен увидела вокруг огорода с грядками, раздавленными бревнами, обломками железа, всяким прилетевшим откуда-то хламом и усыпанными осколками стекла... От дома ничего не осталось...

Тревожное сообщение повторили. Оказывается, ураган надо ждать не сегодня и не завтра, а, скорее, на следующей неделе, к тому же он вообще может пройти стороной. Анастасия облегченно вздохнула — у них будет время на то, чтобы собрать вместе все необходимые документы, вещи и спрятаться в надежном укрытии. В редакции, наверное, что-нибудь придумают — ведь существуют же бомбоубежища на случай войны! Она вышла на своей остановке и, столкнувшись в редакционных дверях с только что отпустившим свою машину редактором, сходу спросила:

— А где у нас бомбоубежище?

— Во-первых, здравствуйте. А, во-вторых, — где бомбы?

— Бомбы далеко, и вы их не обезвредите, — парировала Анастасия. — Они несутся с бешеной скоростью.

— Ты часто выражаешься так... иносказательно. Я когда Бродского читал, про тебя думал. Ты мне его стихи давала, помнишь?

— Помню. Но сейчас я говорю не иносказательно. Мы же должны где-то укрыться...

В холле на редактора напали сразу несколько женщин с одним вопросом — что будем делать? Анастасия поняла, что редактор сообщений об урагане не слышал, и поднялась к себе на этаж. В кабинете было душно — без нее уборщица, видимо, не решилась открыть форточку. Но как только в помещение ворвался свежий воздух, стало невыносимо от сигналов при-

паркованных возле редакции машин. Впрочем, прислушавшись, Анастасия определила, что звуки издает какая-то одна машина и, не исключено, с намерением вызвать кого-то на улицу. Но кого? Анастасия приоткрыла окно и посмотрела вниз — надрывалось такси, причем сам водитель находился на тротуаре и оттуда, согнувшись, безответственно нажимал на клаксон, одновременно посматривая на верхние этажи. Очевидно, он был проинструктирован о том, на каком этаже и из какого окна должен выскочить его будущий пассажир, ибо тут же закричал Анастасии:

— Мадам! Я вас жду! Спускайтесь, пожалуйста!

Анастасия сложила руки рупором и крикнула в ответ:

— А зачем?

— А кино снимать! Я должен доставить вас на съемочную площадку!

Странно... Анастасия думала, что за ней в редакцию заедет на своем автобусе вся съемочная группа, но спросила совсем не об этом:

— А почему вы сигналили? Что вам мешает зайти за мной в кабинет? Лифт работает.

— Мне люди мешают. Наши умельцы могут прямо на глазах что-нибудь из машины стащить, а уж если оставить ее без присмотра... Но я за вами уже послал...

Водитель и правда не ограничился сигналами — в кабинет заглянул заведующий сельхозотделом Володя Коревко и сообщил Анастасии, что ее ждет лимузин для поездки в Канны. Володя был белорус, а, значит, человек исключительной скромности, никогда далеко не ездил даже в родной стране, и потому все его шутки были тесно связаны с границей. В прошлый раз, например, когда она ждала телефонное сообщение о смотре художественной самодеятельности от корреспондента Копылова из райцентра Талицы, на пороге кабинета неожиданно вырос Коревко и серьезно произнес:

— Тебе там у меня Копполо звонит. Из Италии...

Оказалось, Копылов перепутал номера телефонов.

Ну, что ж — в Канны, так в Канны!

Анастасия порылась в столе, нашла свой членский билет Союза журналистов, решив, что он может ей пригодиться «для веса», запрятала в дальний угол валидол и нитроглицерин — слава богу, пока не надо! — и отправилась в путь. Сердце билось тревожно, но это была тревога от волнения — как-то ее встретят, получится ли разговор? Она не раз писала о том, как снимается кино, писала легко и с удовольствием, тем более что многие артисты, за неимением времени для общения с прессой, доверяли ей самой придумывать за них ответы, монологи, связанные с судьбами своих героев. Тут уж она фантазировала, как хотела, купалась в своих

мудрых мыслях о кино и о том, что должен делать артист, чтобы хоть что-то значить на экране.

Машина проехала уже довольно большое расстояние и шла по какому-то загородному пустырю, когда Анастасия оторвалась от своих мыслей и спросила у водителя, куда именно они едут, и почему за ней послали такси, тогда как она надеялась провести время в дороге вместе со съемочной группой. Водитель ответил, что едут они в поселок Сарань, где и проходят съемки. Он получил заказ отвезти ее лишь час назад и из разговора понял, что артисты уже на месте, так как по сценарию они должны там встречать рассвет...

Дорога пошла вниз, затем пологий спуск сменил подъем, и неожиданно, как-то враз, перед глазами вырос поселок городского типа с ослепительно-белыми пятиэтажными домами, сияющими из-за высоких деревьев. Машина въехала на улицу Ленина — видимо, она, как и во многих населенных пунктах, была здесь главной. Дорога оказалась почти пуста, и они помчались по улице через весь поселок — водитель объяснил, что кино снимают в самом конце улицы. Постепенно дома становились все более тусклыми, попадались и вовсе развалюхи, построенные, видимо, еще в тридцатых годах. Машина замедлила ход — впереди был тупик, пятиэтажное здание из красного кирпича, стоящее поперек дороги и замыкающее ее. Водитель вышел из машины, открыл перед Анастасией дверцу, подал ей руку...

Ну, почему, почему вокруг была такая глухая тишина, как перед грозой? Почему здесь не пели птицы, не было слышно ничьих голосов, из окон не раздавались звуки радио, телевизора? Почему Анастасия, ступив на землю, задрожала от страха и волнения? Подсознательно она знала ответ — дело было в этом красном здании... Но этого не может быть, она ошибается!

— Пожалуйста, дайте мне руку... Я что-то не понимаю...

— Конечно, я дам вам руку, мадам, — твердо проговорил водитель, беря ее под локоть и, как ей показалось, загадочно улыбаясь. — Нам вон туда. — И показал на новое одноэтажное здание по левой стороне улицы, обитое сайдингом. Несколько ступенек... Дверь с белой металлической табличкой... Водитель упорно тянул ее вперед.

— Куда? Куда вы меня ведете? — пролепетала она. — А где... кино?

— Кино там, во дворе.

И водитель указал ей на следующий дом, стоящий за этим, одноэтажным. Анастасия шла как робот и, проходя мимо дома, увидела вдруг какую-то женщину в черном фартуке, с керосиновой лампой в руке. Она

протянула эту лампу ей, Анастасия взяла ее и двинулась по тропинке, на которой, словно из-под земли, вырос высокий худой старик. Он сделал навстречу ей один шаг, второй... Сердце ее замерло, кто-то там, внутри, быстро и безжалостно схватил его и разорвал на части, острая боль пронзила все тело... Когда она падала, то каким-то боковым зрением успела увидеть слева, метрах в двадцати от старика, кладбищенскую ограду... Еще некоторое время глаза ее ощущали свет. А потом все погрузилось в какую-то серую пелену...

Последнее, что она услышала, были слова: «А что потом?» Их произнесла женщина, но каким-то густым, мужским голосом. Та, с лампой. Анастасии уже не дано было увидеть людей, которые быстро подхватили ее и понесли в сторону от домов, туда, где ржавые покосившиеся кресты все еще охраняли чей-то покой. Она не слышала страшного гула, вдруг потрясшего землю, не ощущала диких порывов ураганного ветра, разметавшего оставленную во дворах утварь, доски, тряпки и уносившего все это за сотни метров отсюда... Она не знала, что перед самым ураганом местных жителей успели предупредить о надвигающейся катастрофе и вывезти подальше отсюда. Она не видела, как метались водитель, старик и женщина, как из подъезда старой пятиэтажки выбежал высокий мужчина, бросился к ней, ударившейся о ступеньки, как он подхватил ее и пополз к подъезду...

Сколько прошло времени? Минуты? Часы? Дни? Недели? Анастасия ощущала какую-то тяжесть, словно на нее набросали кучу холодных мокрых одеял, и она не могла даже пошевелиться. Но вот уже боль оказалась где-то далеко-далеко, а ее словно подхватили спокойные ласковые волны, только почему-то не было слышно их плеска, крика чаек — одна только глухая тишина. Лишь в какой-то миг Анастасия услышала раскати-стый отзвук — у-у-у, а потом все исчезло...

Очнувшись, она попыталась открыть глаза и вдруг поняла, что они давно открыты, и что вокруг — сплошная темень. А еще она смогла тихонько пошевелить головой, и это нехитрое движение помогло ей вновь оказаться в реальном мире. И тут прямо над ее головой вспыхнул осколок луны. Вспыхнул и погас, снова спрятавшись за тучи. Но этого бело-голубого лунного света оказалось достаточно, чтобы Анастасия поняла — она находится далеко от людей, и помощи ей ждать не от кого!

Яма, в которой она лежала, заваленная землей, — это, конечно, ужасно, но это еще не могила, надо взять себя в руки! С руками получалось пока плохо, и она вновь принялась шевелить головой. Постепенно включилась и шея, заставившая заработать плечи... Анастасия почувствовала — так

осторожно, постепенно она может снять с себя этот страшный груз, эту землю, которой ее засыпали будто мертвую... Впрочем, они ведь, наверное, и думали, что она мертва... Но она заставила себя не думать сейчас об этом, главное — надо выбраться из этой ямы, вылезти во что бы то ни стало! С трудом поднявшись, Анастасия двинулась вперед. Тропа, по которой она шла, куда-то вела — на то она и была тропой.

Собственно, Анастасия понятия не имела, в какую сторону идти, где поселок. Возможно, если бы с ней были ее очки, она бы смогла увидеть огни либо другие признаки жилья. А так... Стоп, какая же она дура! Ведь водитель вез ее на север, так? Красная пятиэтажка именно с севера замыкала главную улицу поселка, значит, кладбище, где она непонятным образом оказалась, находилось слева, на западе. И Анастасия двинулась дальше, считая шаги — пять, десять, тридцать, тридцать пять... Наконец впереди блеснуло каким-то металлическим светом шоссе, и она произнесла вслух: «Господи, слава тебе, Господи, я свободна!» Боль не исчезла, просто она отступила и тихо ждала, чтобы в удобный момент снова показать себя. Впереди, рядом с дорогой, темнело небольшое строение — это был павильон автобусной остановки, украшенный мозаикой. С другой стороны к павильону примыкала какая-то будка. Анастасия рванулась туда с бьющимся сердцем — неужели телефон? Неужели на свете может быть такое чудо?! Чудо спокойно висело в будке. Она сняла трубку — руки дрожали от волнения, зубы стучали как у больного в ознобе — и, услышав длинный, какой-то по-домашнему уютный гудок, не раздумывая, набрала «02». Ответила женщина, и Анастасия торопливо заговорила:

— Девушка, я прошу о помощи. Стою на дороге — кажется, это конец улицы Ленина, рядом кладбище. Звоню от автобусной остановки. Я оказалась в непредвиденной ситуации... Я вся разбита и боюсь упасть, извините...

— Говорите, говорите, я слушаю. Ну, что же вы замолчали?

Анастасия поняла, что объяснить произошедшее с ней по телефону невозможно, и решила на хитрость.

— Меня... сбила машина. Сбила и уехала...

— Машина? Да откуда она взялась-то? Весь поселок был предупрежден об урагане, людей эвакуировали.

— Я... не знаю.

— Вы сядьте там пока, в павильоне-то. Сейчас за вами подъедут. На ваше счастье есть, у нас есть свободная машина. Ждите. Передвигаться-то можете?

— Могу, только плохо.

— Я тогда «скорую» вызову, — и дежурная повесила трубку.

Анастасия обняла руками телефон и повисла на нем — стоять так было легче. Этот холодный серый аппарат был ей сейчас лучшим другом, она потерлась об него щекой, и там внутри вдруг что-то звякнуло, как будто телефон ожил и ответил ей ласковым словом. «Спасибо тебе, спасибо», — шептала она ему.

Неожиданно вдали из темноты вырвался свет фар и стал приближаться к автобусной остановке. Секунды — и обе машины, «скорая» и полицейская, остановились рядом с павильоном и осветили Анастасию, намертво застывшую в будке. Первым к ней бросился врач, молодой мужчина, который буквально подхватил ее, падающую, на руки, вместе с пожилой санитаркой внес в машину и уже там уложил на носилки. Страж порядка в погонах лейтенанта терпеливо обследовал дорогу, но, не найдя ничего примечательного, стал ждать, когда закончится осмотр, чтобы решить, куда везти пострадавшую — в больницу или же в отделение. Чувствовалось, что врач колеблется. Испугавшись, что ее сейчас госпитализируют, Анастасия подозвала лейтенанта и попросила отвезти ее в отделение, уверяя, что «так будет лучше для дела». Врач согласился, при условии, что он тоже направится туда и понаблюдает за ее состоянием. На том и порешили, и обе машины тронулись в обратный путь.

Лейтенанта звали Виктор, дежурную — Даша, врача — Леонид Николаевич, а санитарку — Раиса Александровна. Отделение полиции находилось в обычном жилом доме на первом этаже. Раиса Александровна, попросив мужчин на время удалиться, уложила Анастасию на заранее застеленный простыней диван, раздела ее, попросила Дашу принести тазик с кипяченой водой, и они вдвоем стали отмывать пострадавшую. На сетования Анастасии бросить все это, потому что ей немедленно надо поговорить с Виктором о важном деле, Раиса Александровна сурово заметила:

— Ничего важнее здоровья нет. Сейчас мы вас обрабатываем, тогда и поговорите.

От запаха каких-то мазей, растворов, которыми ее смачивали и смазывали, Анастасию затошнило.

— Чаю ей! Крепкого, с сахаром, — распорядилась Раиса Александровна. — Есть?

— Конечно! Сейчас, — ответила Даша и буквально через минуту принесла граненый стакан с чаем. — Перед вашим приходом заварила. Знала, что понадобится.

— Молодец! И нам всем налей.

— А как же! — И Даша бросилась выполнять просьбу.

Наконец Раиса Александровна разрешила мужчинам войти. Не дав врачу еще раз себя осмотреть, Анастасия попросила оставить ее наедине с Виктором.

— Хорошо, но только ненадолго, вы нуждаетесь в моих услугах, — твердо заявил Леонид Николаевич. — И не надо пренебрегать, иначе все это может плохо кончиться.

Оставшись вдвоем с лейтенантом, Анастасия честно призналась, что не было никакого дорожного происшествия, а придумала она это потому, что реальное ее происшествие не вписывается ни в какие разумные рамки, а, следовательно, и поверить в него весьма трудно. Она оказалась свидетелем преступления, а теперь преступники думают, что они ее убрали. Вот и пусть думают, а ей надо немедленно связаться с домом, а то муж и сын наверняка в панике, надо их успокоить, а еще следует сообщить о ней в угрозыск ее родного города, и обязательно полковнику Владимиру Ивановичу Комову!

— Хм... Так прямо и полковнику? — переспросил Виктор.

— Да. Он в курсе и сразу все поймет. — И Анастасия назвала номера его телефонов — рабочего и домашнего.

— Но я тоже мог бы понять. Или вы так не думаете?

— Виктор, да я и за три часа вам всего не смогу рассказать! А время идет. Кстати, сколько времени?

— Скоро три.

— Боже! Подвиньте мне телефон, пожалуйста! Я заплачу потом за межгород, если потребуется.

— Хорошо. Набирайте домашний номер, а я с другого телефона позвоню пока вашему Комову.

Никогда еще Анастасия так не волновалась. Трубка выпрыгивала у нее из рук, номер набрался лишь с третьей попытки. На том конце провода ответили мгновенно — трубку взял Алексей.

— Алеша, это я, — прошептала она. — Я жива...

— Настюшка! Павлик, бери трубку — мама!

— Мамочка, я тоже слушаю! Где ты?

— Я в поселке Сарань. В местном отделении полиции. Только об этом никто, кроме Владимира Ивановича, не должен знать...

— Ну, уж нет! Настенька, я прошу тебя — хватит этих дурацких тайн! Я не хочу тобой рисковать!

— Но послушай...

— Да, да, я слушаю, — вдруг ответил до боли знакомый женский голос, и Анастасия, забыв обо всех своих несчастьях, радостно воскликнула:

— Валентина! Ты приехала! Наконец-то!

— Да, я здесь. Только что из Москвы — и сразу к твоим, тебя искать. Твой Алексей сейчас с Павлушкой на одной трубке повисли. Настя, давай сразу о главном. Где ты была почти сутки?

— В могиле...

— Где, где?

— В могиле. На старом кладбище. Я полночи оттуда выбиралась.

— Господи! Настенька, ты хоть здорова?

— Относительно. Тут рядом врач и сестра. И Виктор, лейтенант полиции. Я хочу о самом важном сказать, чтобы вы там не теряли времени...

— Слушаю, слушаю. Кое-какая информация у меня есть в связи с этим банком. Володя рассказал.

— А это — продолжение. Я так думаю.

— Вот как? Интересно... Говори.

К Анастасии подошел Виктор и сказал, что Владимир Иванович Комов ждет, когда она возьмет трубку. Анастасия спросила, нельзя ли второй телефон поднести к ней поближе, чтобы она могла разговаривать сразу в обе трубки. Виктор ответил, что можно, пододвинул к ней второй телефон, объяснил Комову, что их подопечная будет разговаривать сразу и с ним, и со своими домашними, а потом, подавая Анастасии трубку, сыронизировал, что у него нет фотоаппарата — запечатлеть такую сногшибательную картину.

— Владимир Иванович и Валентина, Алешенька и Павлик! Я говорю сразу по двум телефонам, — торжественно начала Анастасия, как будто записывалась на радио. — Здравствуйте!

— Здравствуйте, Анастасия, — сказал Владимир Иванович. — Очень рад вас слышать. Мы ведь тут всех на ноги поставили. Говорите. Нам лишь известно, что никаких киносъемок поблизости не было...

— Да. Кто-то через редактора пригласил меня на эти самые съемки. Вчера утром в редакцию приехало такси. Я села, водитель привез меня в этот поселок, в самый его конец, а когда я вышла из машины и пошла в ту сторону, где якобы проходила съемка, то увидела... только вы не сочтите меня сумасшедшей... кладбище. И людей — женщину с керосиновой лампой в руке и какого-то старика... Он смерть мне предрекал... Я несколько шагов, помню, сделала, и — в обморок. Мне кажется, они подумали, что я умерла, во всяком случае, забросали меня землей. Но что-то помешало им закопать меня капитально...

— Ураган помешал! — чуть ли не хором выкрикнули Володя и Валентина. — Тебя спас ураган!

— Спокойнее. Я не все сказала. Если бы со мной так не расправились, я бы стала искать во всем этом мистические корни. Но когда я очнулась

в яме и, можно сказать, под землей, когда я оттуда выползала мимо старых могил, то все время подсознательно думала — как, почему, откуда? Ведь женщина и старик мне уже как-то снились, но я никому об этом не рассказывала. Зато все записала, я всегда записываю самые важные и интересные свои сны, «труд» этот называется «Где-то во Вселенной». Я сделала два экземпляра. Первый лежал на моем письменном столе и исчез в тот день, когда произошло ограбление банка и мое знакомство с рыжим. Рыжий его не брал, он его прочел, когда был у нас дома. А потом, уже к вечеру, пришли какие-то трое мужиков, квартиру якобы смотреть для обмена. Вроде на однотипную квартиру меняются, а хозяев там не было. Один все рвался в мой кабинет — стены, дескать, надо измерить. Вот после этих измерений — я на миг отвернулась, кто-то позвонил по телефону, но нес какую-то чушь, это был, скорее всего, их сообщник, так сказать, отвлекающий маневр, — первый экземпляр-то и исчез. Но это не те мужики, которые банк брали, сразу скажу. Не те. Видно, у них тут целая банда. А придумал все наверняка рыжий. Прочел мою рукопись, поговорил со мной, понял про меня все... О, господи!..

Анастасия разрыдалась в обе трубки. Она плакала так, как не ревела, наверное, с детства. Голосила, всхлипывала, пыталась что-то сказать, обходя обиженными, блестящими от слез глазами Виктора, совсем еще мальчишку, Леонида Николаевича, этого педантичного молодого человека, достающего из своего медицинского саквояжа какие-то таблетки и ампулы, Дашу, почему-то застывшую с открытым ртом, и Раису Александровну, тоже готовую расплакаться. Леонид Николаевич дал ей какие-то указания, подошел к Анастасии, решительно забрал у нее обе трубки, передал их Виктору и попросил его с Дашей удалиться в соседнюю комнату. Виктор вышел, унося с собой телефоны, а Раиса Александровна решительно проговорила:

— Давайте укольчик сделаем успокаивающий. Вам надо отдохнуть.

— И не вздумайте больше сопротивляться, — вступил Леонид Николаевич. — Сердечко-то у вас — того... Надо беречь себя. Сейчас я вас послушаю и, если сочту нужным, — прямоком в больницу! У нас хорошая районная больница. Сама-то она, может, и не очень, а вот специалисты отменные... Особенно кардиолог.

— Хорошо, — прошептала Анастасия, морщась от укола.

В дверь осторожно заглянул Виктор и сообщил, что за ней уже выехала машина, которая и доставит ее в родной город. И муж выехал, и кое-кто из охраны.

— Ну, это если я разрешу, — раздраженно заметил Леонид Николаевич. — Вы готовы таскать женщину в таком состоянии туда-сюда по дорогам, как куклу, а у нее сейчас — состояние риска!..

— Я понимаю, — виновато проговорил Виктор и, обращаясь к Анастасии, добавил: — Ну, и приключения у вас! Как в кино!

— Только не надо о кино, — попросила Анастасия и почувствовала, как голова ее становится легкой, тело — невесомым, как издали, а откуда-то из далекого детства ее охватывают волны маминого голоса — «спи, доченька, спи»... И она уснула...

Запах дома... Своей квартиры... Мебели... Одежды... Своей постели... Сладкий запах одеяла, хранящего твои молекулы, частички твоей энергии, отпущенной на свободу во время сна, собирающего и оберегающего твое тепло. Анастасия вдохнула в себя такой родной запах, провела губами по любимому пледу и открыла глаза... Все то же отделение полиции... Она лежала так, что ей был виден кусок неба с побледневшей луной и померкшими звездами — вставал рассвет, и все ночные приключения показались ей сейчас какими-то далекими и нереальными. Но когда она попробовала пошевелиться, боль отозвалась во всем ее теле более чем реально. Она сжала руками одеяло, чтобы не застонать, и только тут увидела, что это ее собственный домашний плед, а, значит, за ней давно приехали и ждут, когда она, наконец, проснется. Вдруг из соседней комнаты до нее донеслись голоса, она ясно услышала свое имя. Видимо, решают, что с ней делать дальше. До нее долетали отдельные фразы, причем, вполне отчетливо, хотя и говорили там вполголоса.

— Так вы поняли, Виктор, — главное, ни слова здесь никому об этом происшествии... — Это сказал мужчина, голос которого Анастасия не узнала.

— Да, да, я в курсе, Владимир Иванович мне все объяснил. — Это был голос Виктора.

— Более того, я бы предложила не фиксировать ее фамилию даже у вас в документах. Пока. — Это сказала Валентина, и у Анастасии сразу потеплело на душе, подруга всегда оказывала на нее благотворное действие. Да разве только на нее! Анастасия не раз шутила — «в переулке каждая собака знает твою легкую походку!», на что Валентина кричала, чтобы она оставила в покое и не искажала ее любимого поэта, и что вообще дело не в том, что ее все знают, а в том, что она знает всех!

— Может, ее уже можно разбудить? — Голос Алексея. Сколько заботы, нежности в нем! Умница, что приехал!

— Можно. Но лучше еще потерпеть, сколько сможете. Леонид Николаевич подъедет с вызова, еще раз ее осмотрит, и тогда... — А это уже строгий голос Раисы Александровны. Молодец у нас медицина, заботливая!

— Скорее бы уж он приезжал, а то Павлуша там ждет, не спит.

— Алексей, а ты заметил, что, когда мы выходили из вашего подъезда, у детской железной горки мужик стоял? — спросила Валентина.

Наверное, следили за их домом, подумала Анастасия, шайка у них большая, есть кому.

— Вообще-то заметил...

— А тебе не показалось странным, что, когда он нас увидел, то метнулся, чтобы скрыться, да не успел, и стал изображать пьяного, а при этом его сигарета была докурена почти до конца — мы близко прошли, я заметила. У вас двор хорошо освещен.

— Да... Пьяный так сигареты не курит. Это верно. Следил, значит...

— Причем следил не за теми, кто выходит, заметь — ведь если бы он смотрел на дверь, то успел бы спрятаться. Он ждал того, а, вернее, ту, которая входила бы в нее! Он ждал Настю! Наверняка они не были до конца уверены, что от нее отделались! Вот и поставили его на посту для проверки, чтобы убедиться. Но я думаю — уже убедились. И Владимир Иванович даст еще сообщение о розыске...

— Кого?

— Да твоей жены, конечно же!

— Но она — вот она, за дверью! Нельзя же издеваться над человеком! Вы что?

— Но преступники не должны знать, что «вот она, за дверью»! Они должны думать, что их план удался! Только тогда они будут раскованны и выдадут себя. Вернее, главный — этот рыжий...

— Меня интересует, прежде всего, Настюшкино здоровье, ее состояние...

— Да, да, вы тут не придумывайте чего не надо! — Это решительно вступила в разговор Раиса Александровна. — А то я сейчас все Леониду Николаевичу нашему изложу. Она уже и так столько пережила! Мы тут слушали, что она по телефону-то рассказывала, так прямо мороз по коже! Это ж надо выдержать!

— Конечно, конечно. Ей нужен долгий хороший отдых. Вот у меня и отдохнет — квартира в тихом месте...

— Ах, вон ты куда гнешь?! К тебе? А как же мы? — рассерженно проговорил Алексей.

Больше Анастасия ничего не слышала, ибо не слушала. Причина была нелепой и странной — кто-то вдруг загородил светлый, как робкое пламя свечи, диск луны и чуть поблескивающие звездочки, кто-то заслонил собой все это бездонное небо, приоткрыл незапертую форточку и бросил прямо на одеяло Анастасии комок бумаги. Она хотела закричать, но он, умоляя ее молчать, быстро, одной рукой держась за что-то вверху, как орангутанг в клетке,

оттолкнулся от подоконника и ловко спрыгнул вниз. Топота ног не последовало — очевидно, он ждал. Конечно, этот ловкач — Анастасия его не рассмотрела — сильно рисковал, и ей стало интересно, чего же он хочет. Она быстро развернула бумагу, разгладила ее и стала читать. Послание начиналось с удивительно дурацкой фразы: «Я — свиное рыло»... Она облизала пересохшие от волнения губы, дочитала до конца, шепча: «О, боже, боже», быстро, стараясь не шуметь, нашла карандаш, на том же клочке бумаги нацарапала мгновенно пришедший в голову ответ, сжала его в комок и выбросила в форточку. Так, в смятении стоящей возле окна, ее и застали вбежавшие Алексей, Валентина, а следом за ними и все остальные. Алексей первым бросился к ней, взял ее на руки, уложил на диван, не переставая повторять:

— Настенька, милая, лежи спокойно, все позади, все хорошо, сейчас поедем домой...

— А что ты здесь, у форточки, делала? — подозрительно спросила Валентина.

— Я... мне душно стало. Я воздухом дышала.

— А что, форточка разве была закрыта?

— Да, закрыта. Я закрывала, — сказала подошедшая Даша. — Хорошо помню, что закрывала. Она ведь могла простудиться еще больше...

— А я ее открыла, — пролепетала Анастасия. — Да, люди, я ваш разговор немного слышала. Алеша, я думаю, что Валя права, мне надо побыть у нее какое-то время. Спрятаться. И пусть меня полиция ищет. Я так решила.

— У форточки? — съязвила Валентина, которая всегда и во всем что-то подозревала.

— Да, у форточки. Когда правду говоришь — не верят, это закон.

— Какая-то ты, Настя, взвинченная. После лекарств, что ли? Так они, наоборот, должны успокаивать. Успокаивать, Раиса Александровна, а?

— Должны. Но человек столько пережил, что возможно и обратное действие. О, вот и Леонид Николаевич.

Врач поздоровался с Валентиной, Алексеем и человеком, которого Анастасия только сейчас увидела, ибо он все это время прочно сидел в соседней комнате, и сел рядом с ней, попросив выйти всех, кроме Раисы Александровны. Осмотр занял несколько минут. Леонид Николаевич дал Анастасии на прощанье несколько своих врачебных советов и лекарства на первое время, взял с нее слово, что по приезде она обязательно обратится к кардиологу, пожелал ей счастливого пути, и они с Раисой Александровной отбыли в своей «кажете» на очередной вызов, а Анастасия стала готовиться к отъезду. Даша предложила ей не ломать голову над тем, в чем ехать, а оставаться прямо в халате, за что Анастасия была ей благодарна, потому что Алексей привез лишь плед и ее теплые домашние

туфли. Григорий, как назвался незнакомый мужчина, присланный Владимиром Ивановичем Комовым, шагал впереди, за ним тащила Анастасия, поддерживаемая с обеих сторон Алексеем и Валентиной. Григорий отпер машину, предусмотрительно открыл дверь, и Алексей с Анастасией уселись на заднее сиденье, причем он крепко обхватил ее за плечи и сказал, что будет держать ее так всю оставшуюся жизнь!

— И правильно! — бодро заметила Валентина, садясь впереди рядом с Григорием.

Машина резво тронулась в путь. Все последние сутки Анастасия мечтала об этой минуте, об этом освобождении из плена, и теперь она должна была чувствовать себя счастливой. Но именно теперь многое изменилось — ей открылось нечто такое, чего она не знала раньше. И некто, кого она не знала... Эта записка... Она стала событием в ее жизни, да еще каким! Анастасия всегда радовалась своим находкам — будь то новая книга, картина, которую раньше никогда не видела, цветок, ставший для нее открытием, человек, который вдруг раскрылся с неожиданной стороны. Сейчас, полчаса назад, она пережила такое же открытие, причем сногшибательное и весьма интересное. Но его надо прятать и никому не показывать, более того, его необходимо спасти от любопытных глаз и справедливого возмездия... Она поверила этой записке и сделала первый шаг к спасению души. Своей? И своей тоже. Выдержав дикую, страшную ночь, она выдержит и эту тайну, свалившуюся на ее голову.

— Что-то мне так беспокойно вдруг стало.... Почему? Григорий, смотри в оба! — неожиданно произнесла Валентина взволнованным голосом.

— Смотрю, смотрю. У меня все будет в порядке, не сомневайтесь.

— А вы там как, Алеша, Настя?

— Да мы ничего, едем, — ответил Алексей, но голос его выдавал некоторое волнение.

— Да, мы ничего, — подтвердила Анастасия. — У нас все в порядке. И наш порядок предопределен... судьбой. Всем, что было. Всем, о чем мы знали и не знали...

— Странная речь, — заметила Валентина. — Ты что-то конкретное имеешь в виду?

— Да нет, это я так. Из прошлой жизни...

— Своей?

— И своей тоже. Господи, давайте же помолчим!

Все почувствовали, что Анастасия на грани чего-то непредвиденного, и замолчали. Алексей прижал ее к себе, и она постепенно успокоилась. Машина шла ходко, в кабине было тепло, боль утихла, и Анастасия даже не заметила, что задремала...

Владимир Иванович, как главный врач, выписывал всем рецепты. Павлику было предписано ходить с понурым лицом и разговаривать с мамой по телефону только вечером, чтобы днем лучше входить в образ горющего сына. Алексею посоветовали не показываться на службе в Союзе художников, сказать больным, благо, что нравы в этом учреждении были довольно свободные, и можно было неделями не появляться в своем кабинете, что он и сделал. Честно говоря, это было ему на руку, так как денег за работу на заводе, куда ездил в командировку, он не выбил, не сумел, и товарищей по цеху это явно не обрадует. Естественно, все соседи и сослуживцы должны знать, что у него исчезла жена, и это трагическое событие просто обязано быть написанным на его лице. Валентине, в общем-то, занятой своим московским делом, вменялось в обязанность ухаживать за Анастасией, оберегать ее от всех неприятностей, по возможности не оставлять одну и постараться так воздействовать на ее психику, чтобы весь кошмар того дня и той ночи исчез, растворился в пространстве.

Ложиться в больницу Анастасия пока отказалась — Валентина делала ей все нужные уколы, присматривала за тем, чтобы подруга вовремя принимала лекарства, заваривала для нее замечательные травяные сборы, которые знала еще от своей бабушки. Владимир Иванович звонил часто и, никогда не забывая поинтересоваться ее здоровьем, сообщал, что нового на поприще ловли воров и бандитов. Другому своему собеседнику, подпольному, Анастасия осторожно, когда оставалась одна, звонила сама и, потрясенная тем, что слышала с другого конца провода, шептала:

— Хорошо... Хорошо... Я понимаю... Постараюсь что-нибудь придумать... Помочь...

Однажды она рискнула и позвонила на Дальний Восток, в небольшой приморский поселок, где жила ее дальняя родственница, когда-то долго служившая реквизитором в театре, тетя Матрена. Разговор был недолгим — Матрена все поняла и пообещала «вникнуть в положение» и «оказать содействие». Анастасия была уверена, что это самое лучшее решение, и сообщила об этом своему тайному собеседнику. Он тоже признал, что этот путь не пересекается с теми дорогами, по которым он ходил, и с теми людьми, которые его знают, а, значит, он является самым лучшим выходом из сложившейся ситуации. Анастасия заметила, что с ним она должна передать соответствующее случаю письмо, а также призналась, что хотела бы встретиться перед этой его дальней дорогой. Он все понял, посетовал на то, что ждать ему все труднее и труднее, и попросил о встрече как можно быстрее, но только когда стемнеет. Анастасия пообещала известить его о месте и времени.

— О, куда это ты звонила! В Тетюхе? Это где? — спросила Валентина, придя из своей конторы пообедать.

— На краю света, — как можно спокойнее ответила Анастасия, подавая на стол обед, который сегодня варила сама.

— А точнее?

— Да это Дальний Восток, Валя. У меня же тетка там живет. Я на ее письмо вовремя не ответила, вот и исправляю ошибку, пока время есть. Я заплачу, не переживай.

— Да ладно, о чем ты! Я же просто спросила...

— Валь, можно мне хоть немного погулять? С тобой, конечно. Ты вечером придешь, и мы под покровом темноты...

— Нет, сегодня я часов до десяти просижу у Комова в управлении, — с сожалением ответила Валентина. — Все из-за твоей банды. Там коллега Владимира Ивановича, Николай Петрович Трофимов что-то отыскал. Это я тебе даю дозу положительных эмоций.

— Значит, мы с тобой не погуляем. Жаль...

— Но я же тебе говорила, сколько работы!

Анастасия усмехнулась про себя — конечно же, говорила! Спасибо этому Трофимову! Значит, сегодня вечером она, Анастасия, будет свободна! Как это кстати! Долой все страхи, переживания, волнения — в ней живет любопытство! Она обязательно пойдет на встречу со своим таинственным собеседником.

— Настя, что с тобой? Проснись! Чему ты улыбаешься?

— Ой, Валентина, я как будто во сне была. Какая-то мешанина... Карлики привиделись, и будто я одного ударила...

Анастасии и правда приснился такой сон.

— Смотри, как бы тебя кто не ударил! Не открывай никому без пароля, слышишь?

— Ну, конечно!

— А почему... карлики? В этом есть какой-то смысл? — спросила Валентина, стоя уже на пороге.

— Ну, я думаю, что это намек — большинство из тех, кто нас окружает, это мелкие люди. С карликовой душой.

— Вот как... Интересно. Ну, пошла, желаю, чтобы такие карликовые души попадались нам с тобой как можно реже...

Анастасия заперла дверь и облегченно вздохнула. Все! Вечером она нарушит запрет, а сейчас продумает, как это лучше сделать. Подсознательно у нее уже родился план, она еще не знала, хорош он или плох, но, поскольку ничего другого придумать пока не могла, то и решила остановиться на нем. План был прост и состоял из одного-единственного слова,

которое должно быть брошено в нужное время в нужном месте. Что ж, теперь это место надо определить и довести, так сказать, до клиента. Она вновь набрала «тайный» номер и, когда на том конце провода подняли трубку, вразумительно объяснила собеседнику, что возле универмага есть сквер с фонтаном, а вокруг него — скамейки. Вот на одной такой скамейке он и должен находиться в восемь часов вечера.

Чувство самосохранения включалось у Анастасии довольно редко. Иногда ей казалось, что ангел-хранитель, который должен быть у каждого человека, давно махнул на нее рукой и выполняет какие-то другие функции, а она, слабая женщина, открыта всем ветрам и неведомым силам. Но сейчас какой-то слабый импульс самозащиты шевельнулся в ней, подал признаки жизни, отчего она стала думать, не попросить ли ей помощи у Владимира Ивановича — для профилактики, так сказать. Пока она об этом размышляла, позвонил он сам. Его рассказ был краток — в соседнем городе арестовали двоих подозреваемых. Взяли их прямо в машине с указанным Анастасией номером, операция прошла быстро, без лишнего шума, ибо начали ее гаишники якобы в связи с проверкой водительских документов, однако, ни сумки, ни денег при них не обнаружили. Анастасия осторожно спросила о рыжем. Оказалось, что следы его потеряны окончательно, видимо, он исчез из города, да и могло ли быть иначе — ведь этот город для него чужой. И где же теперь этот человек? Где сумка с деньгами?

— Впрочем, отслежены еще не все точки его пребывания, — уточнил Владимир Иванович. — Не проверено, например, то кладбище в Сарани. Завтра им займемся. Думаю, это лишним не будет...

Анастасию до боли волновали эти сообщения, и она, прервав следователя, заговорила сама:

— Владимир Иванович, есть одна вещь, о которой прямо вот сейчас я не могу вам сказать. Поверьте, никак не могу, хотя беспредельно вас уважаю. И мне бы хотелось... Мне нужно... Я вас прошу...

— Пожалуйста, Анастасия, пожалуйста!

— Я прошу — пусть кто-нибудь из вашего... отряда — ну, Григорий, например, который за мной приезжал... сегодня в восемь часов будет... в доме быта, напротив универмага. Но не прямо в холле, а... на втором этаже, там скамейки кожаные стоят у окон, рядом с лестницей. И в штатском, чтобы я, в случае необходимости, могла встретиться с ним без проблем...

— Так! Значит, вы решили отправиться в незапланированный и не одобренный нами вояж! Нет! Вы можете все нам сорвать, всю операцию! Вас могут узнать! Да и — зачем?

— Но вы же поймали тех двоих! Уже! А разве у меня не может быть каких-то особых семейных обстоятельств? Это первое. Второе — я оде-

нужно так, что меня никто не узнает. Если бы вы поняли, как мне это необходимо! Я же не заключенная. В конце концов, мне просто воздухом надо подышать...

— Тогда вы должны мне сказать, в чем дело!

— Ну, хорошо, — решила, наконец, Анастасия. — Владимир Иванович, тут дело в снах... Вы же знаете, что они у меня сбываются. А тут мне приснилось...

— Про ваших карликов я уже слышал от Валентины!

— Да что карлики! Мне приснилось... тараканы, знаете, к чему снятся? К деньгам! Вот якобы вечером мне надо быть в определенном месте. А если я найду эту банковскую потерю?!

— Так вы тогда сразу с Григорием туда и отправляйтесь! Чтобы он с первых ваших шагов из квартиры был рядом. Заметьте, я не разрешаю, я просто не могу с вами бороться, вас ведь не переубедишь... Глупость какая-то, а из-за нее вы можете пострадать. И вы, и дело!

— Хорошо, пусть приходит. С Моникой.

«Моника» — это был пароль.

— С ней, с ней. За полчаса уложите?

— Думаю, да. Вообще-то дом быта до девяти работает. И универмаг тоже.

— При чем здесь универмаг?

— Нет, он просто рядом. Я имею в виду — людей много, меня никто не заметит.

— Все! Сразу после... прогулки буду ждать звонка. Считайте, что я в ваш сон поверил, пусть вам от этого будет легче. Берегите себя!

— Я знаю, вы верите в свою интуицию.

— Да. И сейчас она мне говорит, что вы сказали неправду, но что вам действительно надо быть в том месте для пользы нашего дела.

— Спасибо.

Анастасия положила трубку и отругала себя за свой язык, за это частичное разглашение того, что она хотела бы оставить в тайне. Но разум подсказывал ей, что она все сделала правильно — мало ли что, надо подстраховаться, чтобы не получить какое-нибудь новое кладбище! И, посмотрев на часы, начала собираться. В шкафу у Валентины она нашла черную шляпку, которая совмещала в себе, казалось бы, несовместимое — была миниатюрна и не бросалась в глаза, но в то же время закрывала пол-лица. А уж черный свитер, который она предусмотрительно взяла из дома, можно было дотянуть хоть до носа, что Анастасия и сделала.

Звонок в дверь и пароль «Моника» не заставили себя ждать. Когда она увидела Григория, то от души рассмеялась, и было чему — он тоже почему-то оделся во все черное.

Анастасия рассказала Григорию свой сон немного не так, как Владимиру Ивановичу, чтобы он спокойно поднимался на второй этаж дома быта и ждал ее на той самой кожаной скамейке, не замечая при этом никакого подвоха. Он проглотил эту пилюлю, более того, дал обещание идти не рядом с ней, а поодаль, и они тронулись в путь.

У Анастасии тряслись поджилки — только сейчас она ощутила всю опасность задуманного. Опасность для того, с кем она сейчас встретится, — если все его рассказы окажутся правдой, и опасность для себя — если ее ждет очередная ложь. Это все решит ее осторожность, наблюдательность, внезапность и — одно слово, которое она приготовила заранее. Оно было коротким — обычное мужское имя...

Фонтан она увидела издалека, остановилась метрах в пятидесяти от него и стала усиленно рассматривать какие-то товары в витрине, совершенно их не видя, ибо голова ее была занята другим. У фонтана стояли подростки, целая группа, рядом на скамейках сидели две парочки и отдельные старушки. Одна из них явно собирала бутылки, подле ее ног лежала большая пластиковая сумка, оттуда они и выглядывали, словно птенцы из гнезда.

Высокий темноволосый мужчина, ссутулившись и упрятав свой нос в шелковый шарф, торчащий из легкого плаща, подошел к фонтану, постоял возле воды и сел на скамейку лицом к универмагу. Он? Анастасия не была в этом уверена. Она предполагала, что рыжих волос не будет, но тут другим стало и все обличье. Или ей так кажется издалека? А, может, это вообще не тот человек, которого она ждет?

Оторвавшись от витрины, она пошла вперед, краем глаза наблюдая за Григорием, который шел за ней по противоположной стороне. Хорошо, все пока идет хорошо, утешала она себя. Главное — не обнаружить свою персону раньше времени, застать его врасплох, взять живьем — так сказать, на ловца и зверь бежит. Если он был ловцом, то теперь она войдет в эту роль, в этот образ — сейчас, через несколько секунд, через эти десять... девять... восемь шагов, которые отделяли ее от неподвижно сидящего на скамейке человека. Подростки стояли недалеко от него, галдели, обсуждая какую-то ерунду, и поэтому не было ничего особенного в том, что Анастасия, идя мимо вместе с другими прохожими за спиной сидящего человека, крикнула в сторону мальчишек:

— Алик!

Мальчишки не откликнулись — очевидно, Алика среди них не было. Но и «спина» не шевельнулась! Тогда Анастасия еще раз негромко крикнула куда-то в пространство:

— Али-и-ик! — И тут же добавила: — Алик, ну, я же тебя жду!

«Спина» спокойно пребывала в состоянии ожидания. Анастасии стало холодно. Что ж, видимо, не зря ни в одном телефонном разговоре она не назвала его по имени! Только сейчас она поняла, что уже тогда подсознательно работала ее самозащита! А еще сетовала, что ее ангел-хранитель спит! Да нет, он действует, да еще как умело! «Свиное рыло», о котором упоминалось в записке, было в ее рассказах о снах — ее брат по отцу, которого она никогда не видела, приснился ей с этим самым «рылом». Но там не было указано его имя! Он не знал, не мог знать, как зовут ее брата, поэтому и не откликнулся на Алика! Откликнуться он мог только в одном случае — если действительно был ее братом, встретиться с которым, кстати, она и правда давно хотела.

Анастасия беспомощно оглянулась на дом быта — Григорий не пошел на второй этаж, как было условлено, а топтался при входе. Она подошла к нему, кивнула на мужчину в плаще и твердо произнесла:

— Это — рыжий. Тот, третий. Ты один не сможешь его взять. Он сильный. Я сяду рядом с ним, мы поговорим, он для этого и пришел. А ты тут пока все организуй. Подойдете, позовете: «Алик!» — и я от него отойду. Пусть это имя будет паролем. Я потом все объясню.

Григорий достал свой мобильник и скрылся в дверях дома быта. Анастасия же, не скрываясь, пошла прямо к скамейке и, обогнув ее, села рядом с мужчиной.

— Извините, я немного опоздала.

— Это ничего, сестренка...

— Ну, как вы? Чем вы там... питались? У меня в столе одни лекарства...

— А вот и нет! Сушки старые нашел, заварку, кипяtilьник. Вчера вечером мне удалось выйти из этого ... убежища, в магазин сходить.

— Нет уж, убежище — это для вас, а для меня — мой родной кабинет, покинутый на несколько дней из-за нелепого происшествия...

— Ну, да, да. Обратно, правда, я с трудом пробрался — долго ждал, пока вахтерша уйдет со своего поста...

— Да она видит плохо! Вы могли бы спокойно идти мимо нее, выдавая себя за любого из наших...

— Но ведь я не знаю никого из ваших...

— По подшивкам могли бы изучить. У меня там газеты за несколько лет подшиты...

— Видел. Я на них спал...

— А я спала в могиле, — решила она напомнить. — По вашей милости.

— Я... Мне нет прощения, конечно. Но я думаю, что впоследствии сумею это объяснить. Все вышло случайно... Увидел место, а там — точь

в точь, как у вас описано. А я однажды подрабатывал на студии — помощником оператора. Это и натолкнуло...

— А если бы не это место, другую казнь бы мне придумали, чтобы я вас не выдала, а? — резко спросила она.

— Зачем вы так? В человеке есть все — бравада, подвиг, ошибки, раскаяние... Смех и слезы...

Она решила, что его оправдания будут тянуться бесконечно, а, между тем, что сделано, то сделано, и спросила о другом — ей очень хотелось выбить его из колеи:

— А... как отец умирал, расскажите ...

— Да как... Болезнь-то ужасная, сами знаете... Тяжело умирал... Мама так убивалась...

— А как ее зовут?

— Маму?

— Да. Я ведь до сих пор не знаю.

— Что, и никогда не слышали? — осторожно уточнил он.

— Никогда! Мы ведь совсем не общались, разве вы этого не знаете?

— Нина Викторовна.

Анастасия повернулась к рыжему, который уже не был рыжим, и посмотрела ему прямо в глаза. Ей хотелось посмотреть на него в последний раз, потому что он тонул во лжи, и у него не было никаких шансов выкарабкаться — жену отца, татарку по национальности, звали Фатима Рафаиловна.

— А... как зовут вас?

— Вы и этого не знаете? То есть... давайте перейдем на «ты», мы ведь теперь можем разговаривать как родные люди, нашедшие друг друга. Вы не представляете, как мне было радостно, когда я прочел в ваших записях о себе! Кстати, вы подготовили записку этой... тете Матрене? Адрес-то ее я помню. Напишите ей пару слов, а то время идет, мне ведь еще в Сарань надо съездить. Удалось отомстить своим нанимателям, — вдруг с пафосом произнес он. — Сумочку-то я у них реквизирувал... Они думали, что легко от меня отделались, сунув жалкие гроши. А я ведь гениальный, без меня у них ничего бы не получилось! Впрочем, даже если мне останется только моя доля — что ж, но пока я — хранитель всего добытого.

— Непосильным трудом, — с ехидцей заметила Анастасия.

Он повернулся к ней и с жаром стал объяснять, что деньги эти пойдут на его новое изобретение, которого еще не видел мир!

— О, если б вы знали, как это прекрасно — что-то открыть, что-то найти!

Она все же хотела спросить, про что это он говорит — про нее или про деньги из банка, но он снова повернулся к ней, посмотрел ей прямо в глаза и сбивчиво заговорил:

— Я, когда понял, что вы — это вы, то есть что ты — это ты, у меня прямо душа оттаяла, веришь? Я ведь всегда один. Я много могу, умею, а они этим пользуются. У меня никого нет — так, чтобы отогреться. Никого! Как волк... Я был уверен, что меня никто лучше тебя не спрячет...

— Серый волк, а как же тебя зовут?

— Да Борис, я же тебе говорил!

— А где рыжий парик?

— У тебя в столе. В правом ящике.

Краем глаза она уже видела группу, в которой был Григорий. Они пошли в разные стороны — наверное, решили взять их скамейку в кольцо. Ей вдруг стало невыносимо жаль этого человека. На мгновение показалось, что не так все просто с его обманом, что он это сделал не из корысти, не для того, чтобы найти безопасное убежище, просто ему захотелось уйти из этого вечного одиночества и хоть на короткое время оказаться под чьим-то крылом. Спасительным крылом. Почему он выбрал ее — она не знала. Наверное, что-то такое увидел в ней для себя, поверил в нее. А она... Господи, они уже идут! Глядя себе под ноги, Анастасия быстро произнесла:

— Я верю, что ты хороший человек. Но верю и в то, что ты ограбил банк. Прошу тебя, не делай глупостей. Я буду тебе помогать. Я сделаю все, что смогу...

— Али-и-ик! — послышался сзади мужской голос.

— Я думаю, это тебя. Ведь моего сводного брата зовут Алик, — поднялась Анастасия. — Будь мужественным! Прости... — и, не оглядываясь, пошла подальше от этой скамейки, где сейчас, в эти мгновения, рушилась человеческая судьба. Ей было тяжело, тошно, она чувствовала себя героиней какого-то глупого, пошлого сериала и не оглядывалась вовсе не потому, что «мавр сделал свое дело, мавр может уходить», просто ее руками в какой-то мере свершилось правосудие, но она предала. Двигаясь, как прямая, натянутая струна, она мысленно вела диалог сама с собой:

«Правда в том, что ты должна была умереть. Ради этой сумки с деньгами».

«Нет, нет! Он этого не хотел. Иначе они бы меня убили. Задушили бы там же, без свидетелей. И концы в воду. То есть в могилу».

«Не успели. Ураган помешал. Да и, впрочем, уверены были, что тебе конец, ты же сердечница. Лежала без признаков жизни. Бросили в могилу и даже землей успели закидать».

«Но я же выбралась! А если бы не выбралась, он бы меня спас! Он ходил туда, но могила была пуста, и он не побоялся подобраться к отделению милиции, бросить мне записку...»

«Игра! Артист!»

«Он ведь мог этого не делать, а схватить деньги и скрыться!»

«Скрыться? Но если у человека никого нет, если ему не на кого опереться, то и скрыться не так-то просто!»

«Он красив, мог бы познакомиться с любой одинокой женщиной и попросить у нее пристанища...»

«Конечно, мог. Но, видимо, тут дело в психологии. Наверное, наступил момент, когда он почувствовал, что погибнет без настоящей, постоянной, а не временной опоры. Сестра — опора постоянная...»

«И сестра его предала...»

«Да. После того, как он ее чуть не убил».

«Это оправдание?»

«Ты не нуждаешься в оправдании! Ты нуждаешься в защите! Ты посидела за эти дни. Оставь его, не бери на себя чужой груз. Вряд ли его принуждали воровать. За все надо платить...»

Очнувшись от своих мыслей, Анастасия с удивлением обнаружила, что стоит возле своего собственного дома. Понимая, что запрет жить в собственной квартире теперь уже не имеет смысла, она быстро вошла в подъезд, шагнула в лифт и через минуту была в объятиях дорогих своих мужчин, один из которых обнимал ее в прихожей и просил успокоиться, а другой прыгал от радости по всем комнатам, восклицая:

*«Наша мама — сыщик грозный,
Заменяет весь угрозыск!»*

Несмотря на позднее время, Владимир Иванович приехал к ним сам. Он сообщил, что при задержании рыжий почти не оказал сопротивления, а потому взяли его без лишнего шума. Однако об ограблении он ничего не говорит, а только о том, что в нем погиб великий изобретатель, и пудрит мозги оперативных работников рассказами о каких-то невиданных винтокрылых станках, которые якобы могли быть применимы в космической промышленности. В общем, по мнению Комова, все это могло быть правдой, но уводило от дела. Главное — молчит о саквояже с деньгами. Из двоих остальных задержанных удалось вытянуть кое-что лишь о том, что касается части преступления, не связанной с банком, — фиктивный обмен, фиктивные съемки, события на кладбище, и то только потому, что с помощью соседки Анастасии Ирины нашли нанятых ими для помощи людей. Вернее, Ирина узнала одного, увидела его на рынке — того, что измерял стены в кабинете, воришку квартирному. Причем подельники все валят на рыжего — про банк они-де вообще ничего не знают, он их нанял, как и этих гавриков, и привез на кладбище. Так что о банковских деньгах пока ничего неизвестно.

Затем последовали вопросы к Анастасии, и она, правда, без особого желания, рассказала Владимиру Ивановичу о рыжем — в частности, о записке,

брошенной им в форточку, когда она отлеживалась в саранском отделении, в которой он назвался ее братом. Она тогда среагировала мигом, посоветовав ему укрыться в своем пустующем редакционном кабинете и написав, где взять ключ — он всегда висел в коридоре в условленном месте, об их телефонных разговорах и о ее идее пристроить его у каких-нибудь своих родственников, чтобы замести следы. Услышал Владимир Иванович и о том, как она обнаружила обман. А что до пропавшей сумки с деньгами, то...

— Владимир Иванович, он говорил, что, перед тем как скрыться, ему надо еще раз съездить в Сарань. Думаю, сумка там. Вы бы взяли меня туда, может, я что-то почувствую. Ведь именно там у меня произошел стресс, там осталась, так сказать, моя энергетика — в какой-то мере...

— Это точно, мама, я тоже так думаю, — вмешался Павлик.

— Господи, вся семья в мистике! — воскликнул Владимир Иванович. — Если Алексей разрешит, мы вас, конечно, возьмем. Но не скажется ли это отрицательно на вашем здоровье...

— У меня — вопрос... Кто все-таки украл мою папку с записями?

— «Обменщики» и украли ваши сновидения.

— А таксист? Ну, тот, что вез меня на эти мнимые киносъёмки?

— Это тоже один из тех, кто приходил по обмену — такому же мнимому, как и киносъёмки. Ему велели привезти вас и сдать им с рук на руки, так сказать...

— Сдать этим бандитам. А женщина? Там была еще женщина с лампой...

— Анастасия, если бы вы имели возможность внимательно взглядеться в ее лицо...

— То я бы увидела черты одного из тех двоих. Одного из грабителей...

— Совершенно верно.

— То-то у нее голос был такой густой. А я подумала, это что-то с моими ушами. Значит, теперь я могу чувствовать себя в безопасности?

— Думаю, да. Уверен.

— А когда мы поедем... в Сарань?

— Да завтра и поедем. С утра. Будете готовы?

— Буду.

Алексей спросил, нельзя ли отложить это путешествие хоть на один день, ибо именно завтра к нему в Союз художников должны придти заказчики его новых работ, и, услышав, что это невозможно, с грустью констатировал, что почему-то самые удивительные приключения с его женой происходят всегда без него.

Ранним утром машина, которую вел Григорий, отправилась в путь. Рядом с ним сидел приданный недавно группе молодой оперуполномочен-

ный, старший лейтенант Осокин, а на заднем сиденье — Владимир Иванович с Анастасией и... Павлик, который упросил-таки родную полицию взять его в это путешествие, чтобы, в случае чего, поддержать маму. Доводы его были настолько убедительны, что мужчины согласились. Хотела было поехать и Валентина, но московская история, которую она расследовала, как раз подходила к своему апогею, и ей пришлось вновь срочно выехать в столицу, чтобы спасти свою знакомую от неминуемой гибели...

Странное чувство испытывала Анастасия в этой дороге — душу сладко щемило от волнения, от того, что ей сейчас заново предстоит пережить то страшное утро, но теперь она была окружена преданными людьми, которые не дадут ее в обиду, а, следовательно, те страхи, созданные троицей, больше не повторятся. В общем-то, все это придумал их главный идеолог — рыжий. Он оказался и сценаристом, и режиссером, и исполнителем одной из ролей, а также казначеем. Ловко у него получилось!

— Как вы себя чувствуете? — тихо спросил Анастасию Владимир Иванович.

— Все нормально. Во всяком случае, я уверена, что, когда мы туда приедем, у меня не будет этого ужасного чувства.

— Какого чувства?

— Но разве я вам не говорила? Я падаю и умираю. Падаю и умираю...

— О, простите, пожалуйста. Если окажется, что с вами не все в порядке, тут же повернем назад.

— Нет, нет, все в норме, я же сказала.

Навстречу им, словно корабли, выплыли белоснежные дома Сарани. Улица Ленина как бы простреливала весь поселок, и они мчались по этой стреле до тех пор, пока по обеим сторонам дороги не показались жалкие лачуги. Машина резко сбавила ход, проехала мимо спасшей Анастасию автобусной остановки с телефоном и остановилась прямо возле одноэтажного светлого здания.

— Здесь будет диспетчерская местного автопарка, именно в этом доме. Они его для себя построили, — заметил Владимир Иванович.

Все вышли из машины.

— Понимаете, Анастасия Ивановна, — как-то вдруг официально начал Владимир Иванович, — когда потерпевшие оказываются в таком положении, как вы сейчас, то есть когда опасность уже позади, и надо только восстановить картину происшествия, порой вспоминаются такие детали, такие, на первый взгляд, мелочи, которые позволяют докопаться до правды. Поверьте моему опыту. Вот почему я вас очень внимательно слушаю...

— А я падаю и умираю. Кажется, вот здесь. А когда я уже умерла, то есть ушла в себя, эта женщина с лампой, которая на самом деле была

мужчиной, спросила или спросил: «А что потом?» И они меня поволокли. А дальше, знаете, такие всплески... Отрывочные картины... Их всех разметало ветром. Ураганом. Женщина... то есть мужик вот тут катился прямо к крыльцу этой... будущей диспетчерской. Его спас рыжий, который выбежал из подъезда вон той пятиэтажки.

— Откуда, вы говорите, выбежал?

— Вон оттуда, Владимир Иванович!

Они все направились к подъезду. Павлик первым заметил лестницу, ведущую в подвал, и спустился по ней, однако дверь в это подземелье была заперта на большой амбарный замок. Григорий с Сергеем хотели, было, подобрать ключи, но вдруг услышали чей-то голос:

— Что это вы тут делаете, господа хорошие? Никак, дверь нашу ломать надумали?

Говорила старушка, незаметно вышедшая из какой-то квартиры, и это было странно, потому что дом казался совсем заброшенным. Старушка стояла на пороге подъезда, сзади ее освещало солнце, и ее силуэт растягивался на грязном полу коридора в длинную тень, напоминая великанов из сказки. Вскоре рядом с этой тенью выросла вторая, затем появилась третья, четвертая, пятая... Все бабушки были одеты почти одинаково и вообще походили друг на друга как сестры.

— Вы уж нас не обижайте, молодые люди, — продолжала говорить первая старушка. — Мы ведь одни здесь живем, пятеро вот. Коммунарки мы. Коммуна у нас раньше здесь была. Швейная мастерская. Мы при ней и жили, кто одинокий-то. Так и остались. Многих уж похоронили. Шутим еще — помрем, так кладбище рядом, сами дойдем...

Владимир Иванович подошел к старушкам, успокоил их, показав свои документы, попросил их дать ключ от подвала и рассказать все, что они видели здесь в день урагана. Одна из бабушек пошла за ключом, а другая объяснила Владимиру Ивановичу, что видеть в тот злополучный день они ничего не могли. Узнав о приближающемся урагане, бабули не поехали вместе с другими жителями поселка в бомбоубежище, куда специально прибывшие военные отвозили людей, а попросились в соседнюю избу к частникам, где и отсиделись благополучно в погребе.

Юркая старушка, принеся ключ, сама отперла замок и отворила тяжелую скрипучую дверь. Бабули продолжали рассказывать, как им здесь тяжело живется — вода идет еле-еле, в квартирах сыро и холодно, а чтобы помыться, надо истопить колонку, а дрова — это тоже проблема. Зимой они вообще живут, словно в осаде — поселяются вместе в одной квартире, самой теплой, и в прямом смысле слова согревают друг друга.

— Мы все это говорили представителю властей, он был здесь аккурат перед ураганом, — заметила первая старушка, которая, видимо, была у них за старшую. — Он всех нас собрал и тоже велел открыть подвал, обследовал там чего-то...

— Как вас зовут, бабушка? — спросил Владимир Иванович.

— Агнией. Агния Петровна. Я ему прямо сказала — если вы власть, дайте нам нормальные квартиры. Неужели мы не заслужили? Да хоть бы одну на всех.

— Конечно, заслужили, Агния Петровна. А вы не видели, что именно он обследовал в подвале?

— Как же! Видела. Лари вот эти все. Раньше мы картошку в них держали, муку, а теперь уж тут все прогнило, да и денег нет на запасы-то. Живем одним днем, а с голоду не помираем только потому, что огород свой есть, и люди нас поддерживают. У частников свои хозяйства. Несут кто картошки, кто мяса. Мы ведь в долгу не остаемся — шьем им, чего попросят, кому белье постельное, кому халат, глаза-то еще видят пока. Вот и держимся, не хотим в богадельню, там, говорят, народ всякий бывает, обижают...

Владимир Иванович оставил Григория с Сергеем, чтобы они тщательно обследовали весь подвал, а сам вместе со старушками вышел на улицу. Анастасия с Павликом отправились вслед за ними.

— У нас ведь у многих семьи были, — продолжала рассказывать Агния Петровна. — А потом у кого что — тридцать седьмой, война, у одних отцы и мужья полегли, у других — дети. У Анфисы вон сразу — и муж, и сын, и брат...

Анфиса подалась вперед и прямо спросила:

— Ну, так чего вы пришли-то? Квартиры нам будете давать или нет? Нет — дак я пойду, а то холодно тут...

— Вы уж извините нас, бабушки, мы из полиции, — признался Владимир Иванович. — Сумку тут одну ищем. Вещественное доказательство.

Старушки разочарованно пошептались и стали расходиться.

— Владимир Иванович! — донесся из подвала голос Григория. — Пожалуйте-ка сюда!

Владимир Иванович ринулся в подвал, Павлик увязался с ним, а через некоторое время они вынесли черную матерчатую сумку. И хотя она утратила свой первоначальный вид, была пыльной и грязной, Анастасия ее сразу узнала — сумка принадлежала рыжему, во всяком случае, именно с ней он шел по главной улице их города, направляясь, как выяснилось позже, к банку, а она шла за ним с одной-единственной целью — сделать интервью для газеты. Если бы она знала тогда, чем все это обернется! Не дожидаясь вопроса, Анастасия, кивнув на сумку, коротко сказала:

— Это она.

Григорий с Сергеем пояснили, что нашли ее под дном одного из ларей. Но больше сказать было нечего — сумка оказалась пуста. Однако зачем-то она здесь лежала! Логично было предположить, что все украденные деньги находились в ней, а теперь перекочевали в какой-нибудь тайник на время, пока все не уляжется, или же пока не произойдет еще одно ограбление — ведь, скорее всего, не красотами любоваться приезжали те двое в их город! Итак, вывод напрашивался один — где-то этот рыжий надежно спрятал полученный капитал, вероятнее всего, недалеко отсюда. В этом самом доме? Возможно, но маловероятно — коммунарки хоть и в преклонном возрасте, но не дремлют. Где-то в кустарнике, отделяющем окраину поселка от кладбища? Но это работа долгая, трудоемкая — надо делать тайник на виду у тех же коммунарок, думать об опознавательном знаке... Либо — на самом кладбище. Анастасия чувствовала, что все пришли к этой мысли, потому что Владимир Иванович спросил своих подчиненных:

— На кладбище хорошо искали?

— Хорошо. Все прочесали. Но... не перекапывать же!

— Не перекапывать, да, — задумчиво произнес Владимир Иванович. — Но давайте войдем в его положение. Он предполагал, что его могут взять. То есть допускал возможность, что может расстаться со своими деньгами не на день или неделю, а на годы. А кладбище старое, на многих могилах, сами говорите, ни дат, ни имен — одни кресты. Ему же потом, по прошествии времени, надо найти свои деньги! Я думаю, если он спрятал их здесь, то выбрал место приметное, неординарное. Это может быть памятник какой-то особенный или фамилия такая... запоминающаяся...

— Или — и то, и другое, — вставила Анастасия.

Владимир Иванович предложил пройтись по кладбищу и сообщил, что есть специальная аппаратура, которая может на расстоянии обнаруживать спрятанные деньги — на прибор воздействует их химический состав, и эту аппаратуру он может затребовать, и тогда им останется только прогуляться здесь часок-другой...

Анастасии идти вместе со всеми на кладбище запретили, но она все-таки решилась, слабо надеясь, что узнает места своего ночного пребывания. Впрочем, оказалось, что она ориентировалась довольно сносно, а все потому, что предложила войти на кладбище не от дома, где они стояли под любопытными взглядами старушек, прилипших к окнам, а от автобусной остановки, куда она вышла той ночью...

Почему, если человек подозревает, что владеет какой-то тайной, а тем более, если это в действительности так и есть, то он никогда, ни при каких обстоятельствах не стремится раскрыть эту тайну до конца? Для чего че-

ловеку надо оставить себе какую-то ее часть и греть ее возле себя, либо греться от нее самому? Скорее всего, человек так хрупок, так нетвердо стоит на этой земле, подверженной стихии, что подсознательно цепляется за то, что, по его разумению, может хоть как-то помочь ему устоять. Причем цепляться можно и за соломинку, которая, в зависимости от обстоятельств, тоже способна удержать человека... Конечно, пакет с огромными деньгами никак нельзя назвать соломинкой, но если учесть, что Анастасия, найдя его, никогда не позволила бы себе воспользоваться этим богатством, то и соломинка обретает свое мудрое значение...

Анастасия очнулась от своих размышлений и увидела, что все остановились и смотрят на нее с сочувствием и пониманием. Оказывается, они дошли до наспех вырытой не очень глубокой ямы, по форме напоминающей могилу. Павлик взял ее за руку и спросил:

— Так это здесь ты была?

— Кажется, да...

— Ну, мамуль, ты даешь! Пойдем-ка отсюда!

— Правильно, Павлик, — одобрил его Владимир Иванович. — Уведи маму, а мы уж тут сами все осмотрим...

Они пошли назад, но уже не по дорожке, а по той тропе, где Анастасия ползла ночью. Она старалась казаться спокойной и не забывала осматривать все, мимо чего они проходили, памятуя о цели их приезда в поселок. Но все могилы были как могилы и фамилии как фамилии — обычные, которые в любое время могут вылететь из памяти — Сидоркин, Лазуткин, Кузнецов, Марков... А вот на памятнике чей-то портрет, утопающий в цветах, и... о, боже! Усохшие, увядшие цветы, опустившие свои головы, приоткрыли слова, написанные в нижней части портрета, и там значилось, ни много ни мало, как — Ворон Илья Иванович... Вот как! Именно Ворон, а не Воронин, или Воронов, или Воронцов. Ворон — и все тут! Черный ворон... Черный ворон...

— Пойдем, мама, не останавливайся! Нечего здесь делать, мне это совсем не нравится, — выпалил Павлик и потянул ее к выходу. Анастасия быстро пошла за сыном. Конечно, она не была уверена в правильности своей догадки, и все же... Если рыжий и впрямь спрятал деньги на кладбище, то лучшего места он придумать просто не мог, и теперь Ворон охраняет его добычу...

Когда они вышли к автобусной остановке, Павлик вздохнул с явным облегчением:

— Нет, маман, я в такие места больше не ходок!

— Правильно! И я тоже!

— Ты и мысленно сюда ни ногой! Поняла?

— Конечно, сынуля. Вот лягу в больницу, подлечусь и вообще все страхи забуду.

— И правильно! Только ты — ляг, а то от врачей все отлыниваешь.

— Не буду отлынивать...

Когда они подошли к дому коммунарок и сели во дворе на скамейку возле своей машины, к ним вновь вышла Агния Петровна.

— Тебя как зовут-то, милая? — спросила она.

— Настей.

— Настя, так нам квартиру-то дадут теплую? Чтобы мы не мучились? Или как?

— Да ведь мы не из администрации, мы из полиции, преступление расследуем.

— Тут у нас была еще одна бабушка. Лизавета. Так у нее внук жалостливый объявился, забрал ее да в город увез. Нет, неплохо ей там было, письма она хорошие писала. Вот только померла потом, недолго там пожила. С нами бы, может, дольше протянула. Мы вместе-то друг друга держим... Мы уж думали купить себе какую-нибудь халупу деревенскую, да нашей пенсии разве на это хватит? Вон огород-то наш, видишь? Тут раньше, когда дом-то весь был заселен, детская площадка была... А теперь морковка растет, да свекла, лук, капуста... Зелень, какая никакая... Даже горох и фасоль вырастили.

— Не воруют тут у вас?

— Да кому воровать-то! Может, если мастерскую восстановят, так пришьлые и будут воровать. А у местных свои хозяйства.

— А в той пятиэтажке, что поперек дороги, жильцов много?

— Да нет никого. Давно выселили. Дом-то аварийный. Только на первом этаже, вон в том левом крыле — дирекция этого кладбища. Они в сторожке раньше ютились, а потом себе эти хоромы выпросили. Тут и сторож иногда ночует, когда уж до дома доползти не может. Алкоголик. Да ты, Настя, расскажи-ка мне, как дальше-то жить будем? Объясни, а то нам ведь и поговорить-то тут не с кем! Тот, кто перед ураганом приезжал, дом и подвал обследовал, так он потом опять был, все нас жалел, говорил, что уважает старушек, что его бабушка воспитала... Пообещал и квартиру, и к пенсии прибавку. И нас всех переписал. — Агния Петровна тяжело вздохнула и прошептала: — Многие обещали...

— А он... Что он обещал?

— Кто? Мужчина-то этот? И квартиру. И к пенсии прибавить...

— Он в сером костюме?

— В сером...

— О чем это вы тут, а? — спросил, подходя к ним, Владимир Иванович.

— Да вот, старушкам все обещают квартиру, а не дают, — спокойно пояснила Анастасия.

— А вы боритесь, бабушки! — искренне посоветовал Павлик. — Деритесь, добивайтесь! Пишите в газету! Мама моя вот в газете работает.

— Но ваш поселок — это не наша область...

— Ну и что, мам? А ты в их газету напиши.

— Хорошо, я попробую, — кивнула Анастасия.

На обратном пути заехали в отделение, где застали Дашу. Она сообщила, что никакой информации для них не поступало, заметив, правда, что в поселке уже несколько раз появлялся без явной надобности незнакомый человек. Местные жители, знающие друг друга наперечет, сразу его заметили...

У Анастасии и ее спутников не было сомнений, что это рыжий...

В город они вернулись ни с чем. Каждый понимал, что их положение можно было бы назвать топтанием на месте, если бы все «герои» банковской операции не находились в следственном изоляторе. Двоих из них опознали работники банка и прохожие, оказавшиеся в это время рядом и видевшие, как и Анастасия, их уход с места преступления, вернее, их бег оттуда... Рыжий пока молчал, однако Анастасия отдавала себе отчет — он понимает, что она может дать свидетельские показания против него... Она не могла отказать ему в какой-то надломленности, незащищенности, но и в хитрости — тоже. Что именно она может свидетельствовать? Кажется, знает почти все, можно ставить точку, но конкретно вместо точки получается какое-то расплывчатое пятно... Он сказал ей все и не сказал ничего! Она не хотела признаваться себе, что рада этому! В конце концов, он никого не убил, не изнасиловал... Такие ограбления — это удел не обычных жуликов или жестоких убийц-садистов с одной извилиной либо перевернутой психикой, а людей, умеющих рисковать, авантюристов. Конечно, все это плохо, противозаконно, безнравственно, но любая авантюра несет в себе и что-то романтическое...

— Ага, ты еще скажи, героическое, — вслух подумала Анастасия.

— Мам, ты что?

— Это я... статью уже пишу. Об этих бабушках.

Анастасию и Павлика высадили первыми и проводили домой, где их с нетерпением ждал Алексей. Владимир Иванович, передав ему жену и сына с рук на руки, вместе с сотрудниками поехал на работу. Было три часа дня. А к вечеру, когда Анастасия отдохнула и принялась действительно писать о старушках-коммунарках, когда Павлик уже двадцать раз рассказал отцу об их путешествии, зазвонил телефон. Трубку сняла

Анастасия. Звонил Григорий. Сначала она не поняла, что он сказал, и попросила повторить. Потом, услышав сообщение второй раз, не поверила. А потом...

— Анастасия! Что с вами! Почему вы молчите? Повторяю — Владимир Иванович просит вас быть осторожной. Никуда не выходите, мало ли что. Все подняты по тревоге. Должен быть результат...

— Да, да. Спасибо... — и она повесила трубку.

— Настюша, кто звонил? — заглянул в комнату Алексей и, увидев ее растерянное лицо, встревожено спросил: — Что-то произошло?

— Рыжий... сбежал... из следственного изолятора! — прошептала Анастасия.

— Ну, вот! Ты опять волнуешься! И когда же ты у меня перестанешь быть в опасности? Что у них там, все двери нараспашку, что ли?

— Двери... Нет, Алеша, это у него голова такая...

Алексей уговорил жену лечь спать. Она знала, что это — единственный выход успокоиться после нервного напряжения, и — уснула на руках у Алексея.

Анастасия расправила крылья и полетела как птица... Она попала в мощный воздушный поток и испытала блаженное чувство покоя, отдавшись воле этих прохладных и невидимых волн, которые стремительно несли ее именно туда, куда она и летела изначально. Казалось, все предопределено, и ей нечего бояться... Но вдруг волны раздвинулись и пропустили в ее пространство огромного черного ворона, который неумолимо к ней приближался... Расстояние между ними становилось все меньше и меньше, ей делалось все тревожнее, она забила крыльями, пытаясь выбраться из этого воздушного коридора и перейти в соседний, параллельный, но это ей никак удавалось. Она делала попытку за попыткой и вдруг ощутила, что силы покидают ее... Собрав их последние остатки, она кинулась на ворона, вцепилась своими слабыми когтями в его сильное, жилистое тело и вдруг под своими когтями ощутила мягкие тряпочные лоскуты, перемешанные с опилками, которые стали высыпаться, напоминая собой снежинки... А через несколько мгновений в вороне что-то треснуло, и вместо снежинок вниз плавно полетели синеватые, желтые и красные бумажки — денежные купюры по пятьдесят, сто, пятьсот рублей, и слабо зеленые, словно ранняя листва, доллары... Анастасия от изумления вдруг перестала махать крыльями и, камнем полетев вниз, закричала... Так, под свой собственный крик она проснулась и тут же стала анализировать увиденное. Собственно, сон был так ясен, что задумываться можно было лишь о дета-

лях — сбежавший рыжий пробрался-таки к последнему пристанищу этого Ворона и забрал там свои деньги... Интересно, что же будет дальше? Куда он ринется? Ему самому, одинокому и довольно безрадостному человеку, деньги ни к чему — разве что могут помочь выпустить в свет какое-либо дорогостоящее изобретение, но в одиночку это сделать просто невозможно... У него нет близких, которые могли бы распорядиться его деньгами.

Выложить все эти размышления Владимиру Ивановичу? А вдруг он не поймет? Вдруг обвинит ее в том, что она подозревала, где деньги, но ничего не сказала? Нет уж, надо подождать. Просто посидеть и подождать, чем все это обернется...

Следы раскопок... Владимир Иванович так и сказал — при новом осмотре кладбища после побега рыжего на одной из могил были видны следы раскопок... Конечно же, Анастасия немедленно спросила:

— У Ворона?

— А ведь я чувствовал, что вы там о чем-то догадались! Знал! Видел! Почему со мной не поделились?

— Владимир Иванович, да мне только сейчас сон приснился, я его расшифровала... Вот только-только, — выкрутилась Анастасия.

— Опять сон! Впрочем, я слушаю. Валяйте про ваш сон!

Когда Анастасия все ему рассказала, он задумчиво проговорил:

— Значит, из вашего сна получается, что рыжий спрятал деньги в могиле этого Ворона, а сейчас, возможно, уже их забрал?

— Получается...

— А теперь меня послушайте, Настя. Можно к вам так неофициально?

— Да, конечно!

— Так вот. Вчера, и я это говорю вам точно, денег в могиле Ворона не было.

— Так значит, вы...

— Да, да, должен вас разочаровать — не вы одна додумались, что, если прятать, да, может, и не на дни, а на годы, то делать это надо в приметном месте. Я рассудил, видимо, как и вы — как бы ни видоизменялась эта могила, фамилия-то никуда не денется, и вторая такая вряд ли будет... Но — нет... Мы ведь вас отвезли и вернулись туда с аппаратурой. Не было там ничего. Пусто! Хотя... можно было заметить, что кто-то рылся, следы были. И, кажется, их тщательно старались замаскировать. А сегодня утром, после побега этого, решили все-таки еще раз съездить, и — представляете, все перерыто! Прямо раскопки! И копали, по-видимому, царапкой, рыхлителем, которым огороды обрабатывают, и... детской лопаткой! Следов вокруг много, трава сплошь затоптана! Там был явно не один человек.

— Сторож с кем-нибудь? Или эти... старушки? — спросила Анастасия.

— Вся странность, Анастасия, заключается в том, что ни в доме коммунарок, ни в дирекции кладбища в то время, когда мы приехали, никого, ну, совсем никого не было! С дирекцией все понятно — пьяный сторож ушел куда-то спать, а директриса еще не приехала на работу. Такое можно предположить. Но куда девались бабушки, годами оттуда не отлучавшиеся? Я оставил людей, они должны это выяснить. А вас попрошу — больше ничего от меня не скрывайте. Я ведь не упертый рогом представитель криминальной полиции, я все могу понять...

— А... простить?

— Могу и простить, почему бы и нет? Другое дело — мое прощение никоим образом не спасет человека от процедуры суда... — С этими словами Владимир Иванович попрощался со всеми и удалился.

День у Анастасии предстоял быть бешеным, но она решила до конца выполнить обещание, данное Леониду Николаевичу и Раисе Александровне в Сарани и Владимиру Ивановичу сейчас, и отправилась в поликлинику на давно назначенную консультацию со светилом медицины. Кстати, до сих пор ей не удалось снять кардиограмму, причина была банальной — не работал аппарат. Сегодня там все было в норме. Пока она лежала, опутанная проводками, ей показалось, что в коридоре дважды произнесли ее фамилию. Кривая ее сердечных ритмов судорожно поползла вверх, грозя выпрыгнуть из осциллографа. Что-то случилось!

Когда Анастасию освободили от проводов, когда она оделась и выскочила в коридор, то сразу наткнулась на чей-то цепкий взгляд, спрятанный под широкополой мужской шляпой. Она даже не повернулась в ту сторону, и без этого знала, что, минуя все расставленные в городе ловушки, пройдя через все кордоны, к ней вот сюда, в эту городскую поликлинику пришел — рыжий! А поскольку он не звонил ей заранее и не знал о ее планах похода в поликлинику, то, видимо, просто караулил ее во дворе, уверенный, что никому не придет в голову искать беглеца где-то рядом с ее домом. Стоя посреди коридора, все возле той же двери, из которой вышла, Анастасия заметила, что он намеревается подойти к ней, и жестом остановив этот порыв, сама направилась к нему. Неожиданно мелькнула мысль — а вдруг это ее последние мгновения? Вдруг сейчас раздастся выстрел? Словно прочитав ее мысли, рыжий вытащил руки из карманов и мирно положил их себе на колени. Анастасия усмехнулась — это ни о чем не говорило, оружие можно извлечь из кармана одним ловким движением в считанные секунды. Но рыжий закачал головой — нет, нет, не бойся...

Она присела рядом, и он тихо заговорил:

— Не думай обо мне плохо. Обо мне хоть один человек должен думать хорошо, иначе я не выдержу. Меня вырастила бабушка, у меня не было родителей. Потом, когда скитался, она с коммунарками жила... Мы ведь из этих мест... Я похоронил ее и остался один. Я тебе деньги принес. Возьми. Пригодятся. Немного, правда. Но ты возьми, мне-то не надо... Я всегда заработаю... — И рыжий положил на стул между ними обычный прозрачный целлофановый пакет, внутри которого был газетный сверток.

— Что ты, — прошептала Анастасия. — Я не возьму... — Но любопытство вдруг взяло верх, и она спросила: — А остальное ты куда дел?

— Отдал. Я же говорю — меня бабушка воспитывала, все, что я видел доброго в жизни, — от нее.

— Молодец! — одобрительно кивнула Анастасия.

— Я очень хочу увидеть тетю Матрену...

— Да. Я думаю, это будет правильно, — задумчиво проговорила Анастасия.

Они немного помолчали, а потом она задала неожиданный вопрос:

— Но почему их не оказалось у Ворона?

— Да потому, что я понял — вы догадались или догадаетесь. И я переложил их в Могилата. Там, чуть дальше, был Могилат. Тоже интересная фамилия. Только мне это уже было не нужно — я все решил по-другому... После того как увидел, что бабушки роются возле Ворона... Видимо, они заметили этот всеобщий ажиотаж и подумали, что это — ворота в рай. В общем, правильно подумали.

Она отодвинула пакет подальше от себя и произнесла:

— Оставь. Тебе пригодятся. И тете Матрене тоже. И скажи мне, как тебя зовут? Владимир Иванович своих работников в архивах заставляет рыться...

— Овчарка правильно бежит по следу. Не быстро, но верно. Я — Николай Сорокин. Такая вот проза.

— И еще. Тогда вы хотели меня действительно убить?

— Не знаю. Прости. Все понимали — ты для нас опасна. А я для них — не только технический, но и мозговой центр. Я гордился, что так вот все придумал. Ведь то, что в кассах, это — тьфу! А вот что за замками, которые многим и не снились... Прости и еще раз прости...

— Николай... Иногда мне кажется, что Владимир Иванович мысли читать умеет... Я ведь там, на кладбище, догадалась про Ворона, но ничего никому не сказала, а он меня домой отвез, и — опять туда. И я не удивлюсь, если он сейчас сюда заявится...

— Я успею. У меня есть документы. Там меня не найдут никогда. Открою какую-нибудь контору механическую — по ремонту машин, напри-

мер. Буду работать. Надоело зайцем по стране бегать. Буду писать тебе. Спасительнице. И подписываться буду — тетя Матрена...

Показалось ли Анастасии, что в другом конце коридора наметилось какое-то движение, что из кабинета в кабинет прошел мужчина, сильно напоминающий оперативника из комовской «наружки», какое-то время державшего под наблюдением двор ее дома? Скорее всего, нет.

— Они уже здесь! Я вижу одного, сюда идет.

— Прощай, Анастасия! Я хоть и не настоящий брат, но... И проследи, чтобы у них все получилось, прошу тебя. А то еще отнимут...

— Обязательно прослежу!

И она протянула ему свою руку. Он взял ее обеими руками и замер, словно хотел получить частицу ее энергии, теплоты... А потом быстро повернулся и исчез. Она сделала несколько шагов, вышла на широкую лестницу, ведущую к основному входу в здание, и посмотрела вниз. Однако рыжего там не было, он не спускался по этим ступенькам. Зато дверь, в которую упиралась боковая узенькая лестница и которая вечно была заперта, вдруг отворилась, впустив немного света в маленькое пространство, где хранились ведра, лопаты, тряпки и веники, и захлопнулась вновь. Анастасия быстро прошла обратно в коридор и посмотрела в боковое окно — рыжий размашистыми шагами шел к автобусной остановке, а, подойдя, смешался с толпой — автобуса, очевидно, давно не было. В конце концов, этот злосчастный автобус все-таки пришел, и люди стали протискиваться внутрь, но рыжего, то есть Николая Сорокина, среди них не было...

Анастасия позвонила Владимиру Ивановичу и попросила о встрече. Он тотчас же прислал за ней машину. Она долго рассказывала ему о рыжем, о его таланте и одиночестве...

— Вы это говорите мне для того, чтобы я, найдя его, отпустил? — прямо спросил Владимир Иванович. — Но, голубушка...

— А если бы он вам деньги принес? Пришел бы с повинной и с деньгами?

— Если бы, да кабы. Не идет вот, не несет ничего. Ау, рыжий, где ты? Не обольщайтесь, Анастасия. Не возводите на пьедестал, кого не следует...

— Ну, тогда я расскажу вам свой сон. То же кладбище, только фамилия другая. Не Ворон, а Могилат. Это где-то дальше Ворона...

Владимир Иванович, не раздумывая ни минуты, вызвал машину и Григория.

— Вы с нами? — спросил он Анастасию.

— Можно.

До Сарани они долетели быстро, как никогда. Анастасия не пошла на кладбище, а осталась возле машины, не доехавшей на этот раз до дома

коммунарок, а остановившейся возле ставшей для нее уже родной автобусной остановки. Ждать пришлось недолго — где-то через полчаса она издали увидела своих мужчин, спешащих к ней. В руках у Григория была сумка из грубой холстины, вся в грязных сырых пятнах. Подойдя к Анастасии, он раскрыл ее — в сумке лежал большой сверток из фольги.

— Сколько — не знаем, дома посчитаем, но — повинная принята, — просто и, как показалось Анастасии, с облегчением сказал Владимир Иванович.

— Подвезите меня, пожалуйста, к дому старушек, — попросила она.

Несколько минут — и Анастасия уже поднималась по скрипучей деревянной лестнице старого дома. На первом этаже все двери были закрыты, на втором — та же картина. В доме никого не было! Она надеялась, что так будет, но все-таки не верила, что это произойдет так быстро, да и вообще не верила до конца!

Выйдя из дома, Анастасия попросила подвезти ее к особняку, мимо которого они проезжали, и где она видела играющих детей. На стук в калитку вышла молодая женщина.

— Простите, я из газеты. О бабушках ваших хотела вот написать, о коммунарях. Приехала — а их нет...

— Ой, так вы корреспондент! Вот бы они обрадовались! Только уж нет их. Взяли все да уехали. Конечно, тут им несладко жилось. Ни денег, ни тепла. А в богадельню не хотелось, да их и не брали вроде...

— А на что же они уехали? И куда? — спросила Анастасия, отметив, что к дому подходят и Владимир Иванович с Григорием.

— О, вот тут и есть самое-то интересное, с этого мне и надо было начать! — восторженно воскликнула женщина. — Они ведь поехали не просто так, а наследство получать! Кому-то из них счастье привалило, а уж раз они всегда вместе... Говорили — квартиру купим либо дом. А Агния-то Петровна, что у них за главную, так даже сказала — захотим, мол, так и на море домик купим! И поживем еще — с виноградом в саду!

— И не побоялись ведь, в своем-то возрасте! — изумился Григорий.

— Да они тут все будто помолодели! — продолжала женщина. — С радостью собирались. Нам всем на прощание кому что подарили. Мне вон — санки ребятишкам принесли, а соседям — кастрюлю, совсем новую. Они ведь с собой только по чемодану взяли. Квартиры свои замкнули и ключи в жилконтору снесли...

Поблагодарив словоохотливую женщину за рассказ, они все трое молча сели в машину и уехали. Григорий пытался, было, заговорить, но Владимир Иванович и Анастасия упорно молчали. Молчание было нарушено лишь один раз — Владимир Иванович повторил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Повинная — принимается...

На следующее утро Анастасия решила пойти на планерку, несмотря на полученный в поликлинике больничный лист. Мало того, она хотела совершить подвиг и явиться туда без опоздания! Но ее лихорадочные сборы нарушил телефонный звонок. Она услышала голос Владимира Ивановича:

— Я попросил наших историков покопаться в архиве Metallургического бюро. Остановились на двоих — Сорокин и Быков. Но дело в том, что Сорокины связаны с Саранью, с этой областью...

— Я этого не знаю, — соврала Анастасия.

— Да, конечно, поэтому я вас и информирую. И нам интересно, кто помог вернуть украденные деньги. Правда, не все... Кто шел на риск... Ведь те двое, которых мы посадим, не поглядят его по головке за то, что не сумел сохранить их доли... Хотя, им еще надо будет его достать...

Анастасия чувствовала, что Владимиру Ивановичу все надо было расставить на свои места.

— Мне хочется, чтобы вы меня поняли, — продолжал он. — Когда приходится выбирать между пользой для дела и... ну, вы понимаете, то я всегда выбираю первое...

Анастасия поняла, что пользу для дела он противопоставил формальному соблюдению закона.

— И мне еще никогда не приходилось об этом жалеть! — подчеркнул Владимир Иванович. — К тому же у нас столько дыр в законодательстве, что даже самый дотошный проверяющий ни в чем не сможет меня упрекнуть!

— Конечно, конечно, — повторяла она, как бы успокаивая его.

И вдруг Владимир Иванович выдал ей факты, о которых она не знала!

— А мы его хотели отпустить под подписку о невыезде. Если бы вы не возражали... Если вы его простили... Жаль, что отпустить некого...

— Но — почему? — в недоумении спросила Анастасия.

— Ему ведь ничего не пришлось делать в этом банке! Он не вскрывал никакие замки! Просто стоял в стороне и смотрел. А потом выбежал. Там и не надо было ничего вскрывать — работники банка сами все вскрыли и полезли в хранилище, решив там кое-что проверить — у них перед этим произошла непредвиденная компьютерная комбинация, в результате чего изменились кое-какие цифры. Сначала они об этом молчали, потому что вскрыли замки без специального разрешения, на нем не хватало одной подписи, но потом вынуждены были признаться. А жулики взяли деньги, приготовленные для инкассации...

— А я... А он...

— А вы этого не знали, он этого не сказал, потому что, как ребенок, хотел быть героем. Спасибо вам за все, Анастасия! Я рад, что с вами работал. Обычно, вы помните, в сложных ситуациях у меня действует мой

внутренний звонок, интересно так, знаете — дзинь! — опасность, обман, угроза... А в этом деле вы были тем самым звонком. И кто из нас кому помог — еще неизвестно. А теперь я прошу вас об одном — не забывайте о врачах! Обещаете?

— Обещаю. Я очень вам благодарна. Всего вам доброго!

Анастасия пришла в свой кабинет в обеденный перерыв, когда в редакции почти никого не было, села за стол и с любопытством стала рассматривать следы пребывания рыжего, которые выражались в присутствии пачки сахара, пакетиков с чаем, кулек с фисташками, арахисом, коробки с хлебными палочками. А еще — нескольких листов с рисунками. Удивительные это были рисунки! На одном — остров в далеком море, и — высокая пальма на нем. На другом — этот же остров, но размером чуть меньше, а на поверхности этого кусочка суши — большая трещина, разлом. На третьем рисунке — остров, расколовшийся на две половины, словно льдина. Вот так и рыжий... Николай Сорокин... Это его судьба... Интересно, как там тетя Матрена? Анастасия была уверена, что от нее поступят вести, и неплохие! И тогда она окончательно успокоится...

Впрочем, это не так. Остается еще одна черная дыра — ее брат. Настоящий. Которого она никогда не видела и которого давно хотела найти. Она слышала, что он занят разработкой новых компьютеров и создает чуть ли не искусственный мозг...

Вечером в их квартиру, как вихрь, ворвалась Валентина. Даже не поздоровавшись, она прямо с порога проговорила:

— Ну, так чем же закончились твои приключения, Настя?

— Жаль, я не знала, что ты придешь, — вздохнула Анастасия, — а то бы испекла чего-нибудь. Это все надо рассказывать за чаем с пирогами. Алешенька, сбегай, пожалуйста, в нашу кулинарию, купи их фирменное блюдо.

Клюквенный пирог был как на заказ, еще теплый и очень красивый на вид. Анастасия заварила свежий чай, налила молока в молочник из старинного сервиза, и они сели на кухне, где было удобнее всего. Анастасия могла рассказывать и час, и два, и три, но ей очень хотелось услышать от Валентины об ее московском деле, и она старалась быстрее выложить факты, не вдаваясь в психологию. Единственно, о чем или о ком она умолчала, была тетя Матрена, одинокая женщина, которой так необходима сейчас опора в жизни...

— Что-то ты мне недосказала... У меня такое ощущение, что... Ты от меня тогда куда звонила? — прямо спросила Валентина. Алексей при этом насторожился.

— Да я во много мест звонила, — спокойно ответила Анастасия.

— Нет, далеко куда-то, через всю страну! — уточнила Валентина.

— Далеко — это в Приморский край. Тетке, — все так же невозмутимо ответила Анастасия. Алексей успокоился.

— Да? Удобно твоя тетка устроилась. Вот если бы мне надо было женщину эту мою московскую куда-нибудь спрятать на время, я бы попросила об этом твою тетку!

— А что, ее надо прятать? — в свою очередь спросила Анастасия.

— Может быть, и понадобится. Там такая история... Там такой детектив...

Но об этой загадке они решили поговорить в следующий раз, потому что сейчас обе чувствовали себя такими свободными и счастливыми, что принялись безудержно хохотать!

— Ой, ой, ой!

Мы, две хохочущие дамы,

Полученные от Адама, — сквозь смех еле произнесла Анастасия.

— Разгадываем все загадки! — подхватила Валентина.

Женщины на мгновение замолчали, и Алексей подытожил:

— Не надо ржать, как две лошадки!

Тут на шум вошел Павлик. Он быстро оценил обстановку и мудро произнес:

— Забываете вы классиков! Гоголя, например...

— Ты о чем?

— А вот об этом. Над кем смеетесь?

— Над собой смеетесь! — хором ответили обе женщины и Алексей.

— Над собой! — выделила Валентина.

— Дуры мы, дуры неотесанные, — вдруг запричитала Анастасия.

— Ну, женщины, то смеялись так, что стены тряслись, а теперь вроде плакать собрались...

— Просто мы — загадочная женская душа. И Настя, и я... И эта тетя Матрена... — философски заметила Валентина.

— А при чем здесь тетя Матрена, — удивился Алексей. — Почему вы уделяете ей столько внимания?

— Но раз у нас загадочная женская душа, значит, должны быть и самые настоящие загадки, — упорствовала Валентина. — Тайны. Ведь правда, Настя?

— Правда. Тайны, которые навсегда останутся тайнами. Я правильно поняла, Валя?

— Правильно. Да мы шутим, не надо обращать внимания!

— Человеку всегда и всего мало. Денег, сколько ни давай, — мало, приключений — тоже! И тайн. Каждый человек — это склад, хранилище всяческих загадок и тайн, — улыбнулась Анастасия.

— Милые женщины, вы так устали... Вы такие героини, — начал, было, Алексей, но его прервал Павлик.

— Мама, а тебя наградят?

— Не знаю. То есть — нет, конечно. За что? Не прерывай меня! Так вот — хочется, чтобы это хранилище никогда не пустовало, чтобы в нем не было свободного места! Когда в жизни есть загадка, то есть и огонек...

— Недаром ты у нас вся светишься, — смеясь, заметил Алексей. — Нет, кроме шуток, тебе, Настюша, надо отдохнуть. Пусть редакция даст хоть недельку отпуска! Развеешься. Я, наконец, твой портрет напишу, попозировешь мне...

— Сменишь обстановку, — осторожно запустила пробный шар Валентина.

— Что под этим подразумевается? — деловито осведомился Алексей.

— Я имела в виду — съездит куда-нибудь. В Москву, например. По музеям, выставкам походит. Я бы могла сопровождать, мне тоже от всего отдохнуть хочется. Хватит приключений и тайн! Будем просто получать эстетическую информацию. Это лучше всяких больниц, куда ее хотят уложить.

Анастасия все поняла. Что ж, ее тоже волновала тайна московской семьи, пригласившей к себе на жительство незнакомую пожилую женщину из их города.

— Ну, если вы с Павликом согласны остаться вдвоем... — повернулась она к Алексею.

— Мы согласны, мама, — ответил Павлик. И вдруг изрек: — Только там, в Москве, не выбирайте слишком дешевую квартиру...

— Что ты, Павлушка, мы вообще у моей родственницы поселимся! Зачем нам чья-то квартира?

— Чтобы склад не пустовал, — быстро ответил Павлик.

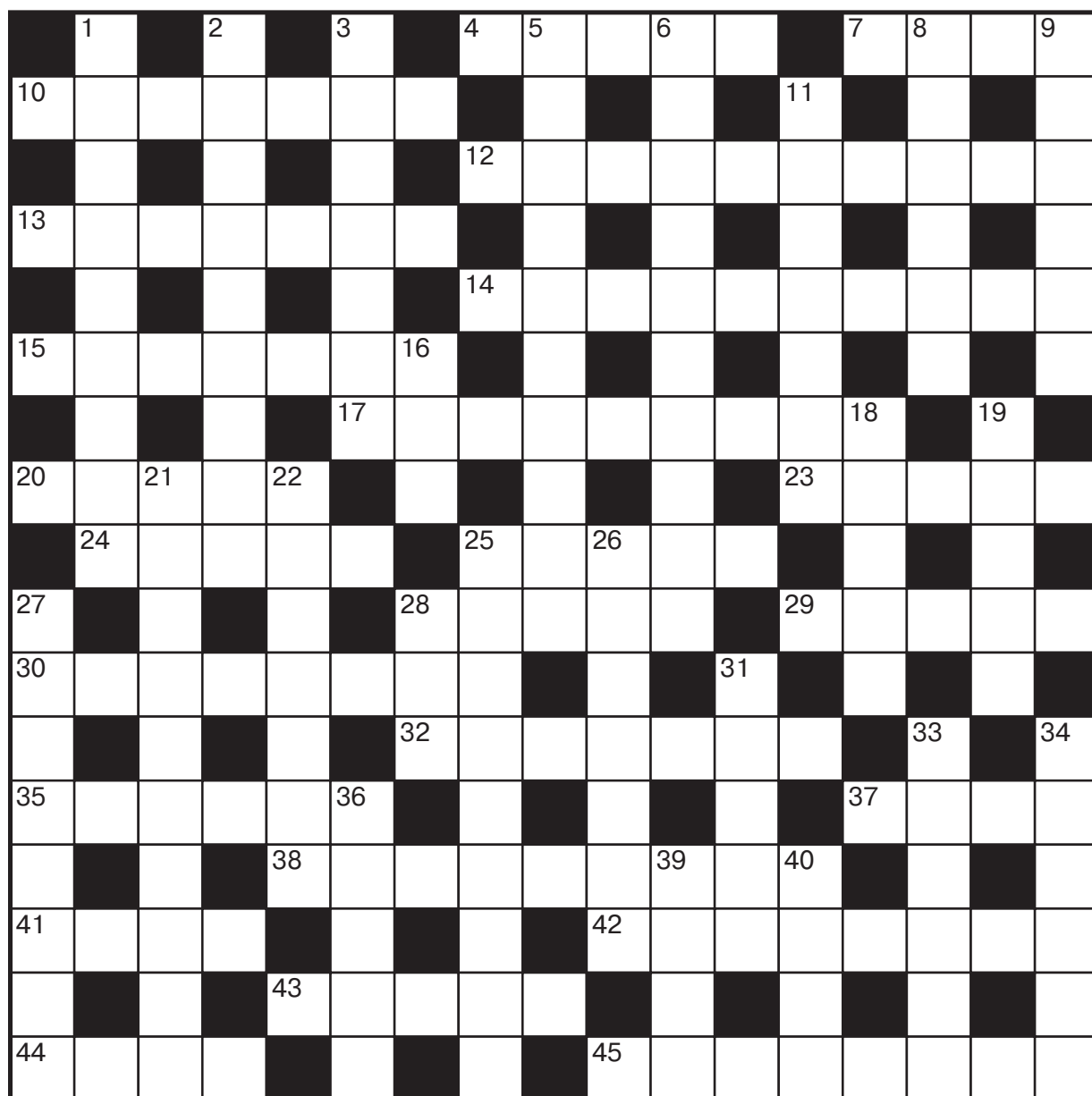
— Какой... склад?

— Да хранилище же!

— Что ж, решено! — подвела итог Анастасия. — Завтра беру часть отпуска, и... точка!

Правильно! Молодец! Точка — и конец! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Перерыв в музыке, запланированный композитором. **7.** «Многоликий враг» Нео из «Матрицы». **10.** В каком городе начал строить российский флот Петр Великий? **12.** Способ разрушить «те-

плые отношения». **13.** Какой сорт составляет треть от всего мирового производства кофе? **14.** Что связывает два аэропорта? **15.** «Лапта» для американцев. **17.** «По квитанции королева рыжая одна, брали мы ее одну

по квитанции, сдавать будем одну, чтобы не нарушать отчетности» (мультик кот). **20.** Знаток законов мышления. **23.** Вьющиеся пряди. **24.** Завитушка на голове. **25.** Капля слова. **28.** «Дорога реки». **29.** «Картофельные сухарики». **30.** Урановое судно. **32.** Житель острова Афродиты. **35.** Механизм остановки. **37.** Патрисия, которая поет. **38.** Инфернальный Супермен. **41.** Святая аура. **42.** Кто усиленно отговаривал Наполеона Бонапарта от завоевания Испании? **43.** Косметический крем. **44.** «Амперная рыба». **45.** Заливное у французов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Самый мужской» витамин из тех, что содержит кедровое масло. **2.** Однокашник в вузе. **3.** Что возглавляет Шура из фильма «Служебный роман»? **5.** Хранитель списанных дел. **6.** Лечение заговора-

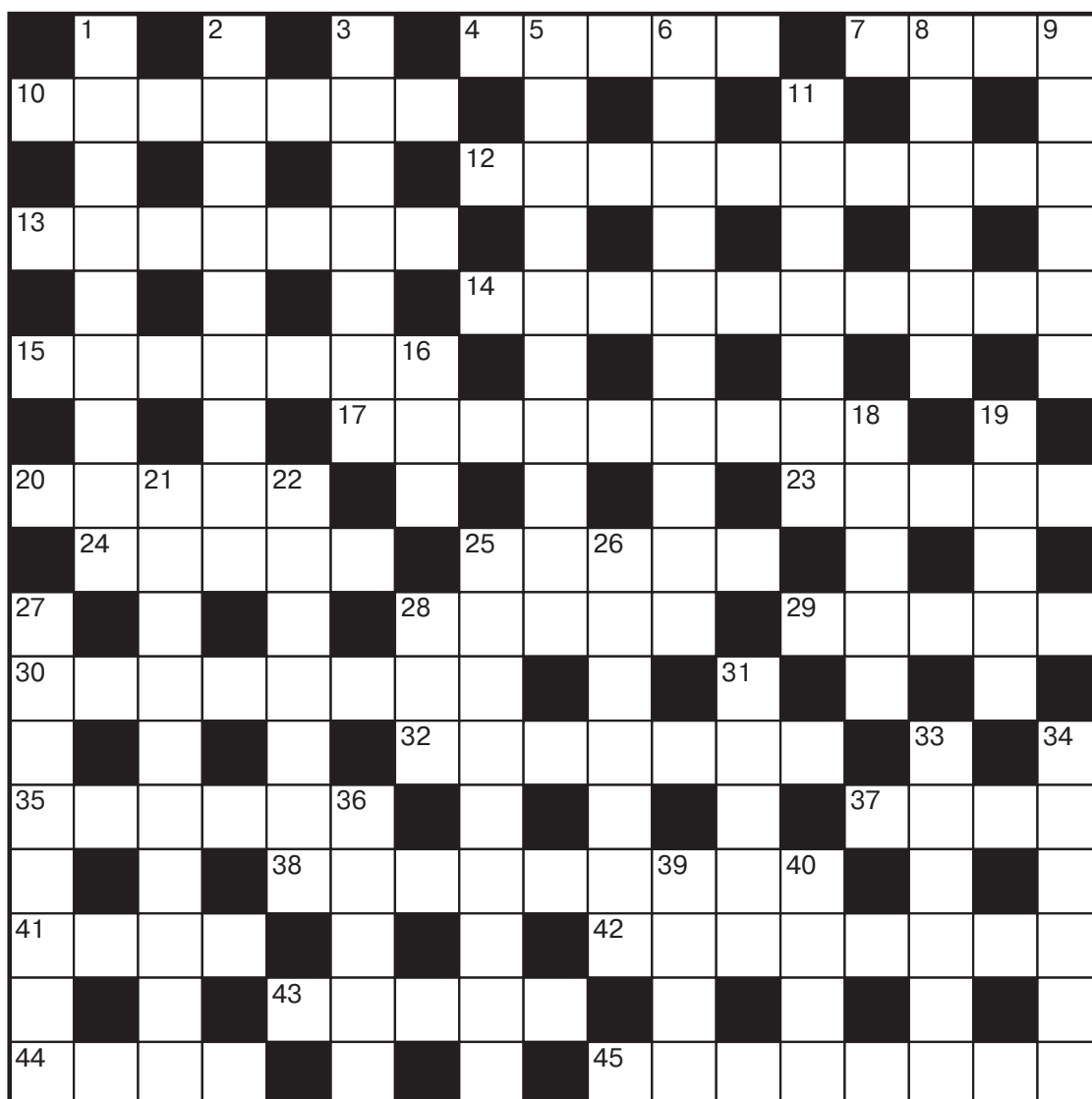
ми. **8.** «Рессора» коленного сустава. **9.** Самый подходящий тип для запуска секретной дезинформации. **11.** Физическое амплу героя Алексея Баталова из фильма «9 дней одного года». **16.** Язык собак. **18.** Пушкинский граф, осмеянный в своих любовных притязаниях. **19.** Победитель Спартака. **21.** Наклейка с переливами. **22.** Какой кинорежиссер сделал из Людмилы Касаткиной звезду первой величины? **25.** «Звонарь» из часов. **26.** Пробитый музыкальный инструмент из «Песенки о ночной Москве» Булата Окуджавы. **27.** Капитан при Эрколе Пуаро. **28.** Неотвратимая судьба. **31.** Фристайл по ухабам. **33.** Нельзя! **34.** Какой газ имеет наибольшее число изотопов? **36.** «... стоит столько, сколько труда в нее вложено» (восточная мудрость). **39.** Подарок «генерала Куропаткина за храбрость» из фильма «Ключ от спальни». **40.** Река с сибирской пропиской.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Смысл. **9.** Вифлеем. **11.** Айфон. **12.** Скандал. **14.** Чешки. **15.** Синоним. **16.** Отрог. **18.** Желоб. **20.** Логотип. **23.** Тевяк. **25.** Тора. **28.** Ножницы. **29.** Граппа. **30.** Поле. **32.** Персы. **33.** Валет. **34.** «Англетер». **36.** Катаракта. **38.** Белебей. **39.** Кабул. **40.** Пекарня. **41.** Гаучо. **42.** Глясе. **43.** Вакцина. **44.** Лампа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Билетер. **2.** Блокнот. **3.** Бес. **5.** Ментол. **6.** Спас. **7.** Айболит. **8.** Тоник. **10.** Мкртчян. **13.** Литовцы. **17.** Горностай. **19.** Беспредел. **21.** Посол. **22.** Балет. **24.** Колер. **26.** Ягуар. **27.** Манго. **30.** Папарацци. **31.** Лейтенант. **32.** Передача. **35.** Кашевар. **36.** Кетчуп. **37.** Вафля. **38.** Бутсы.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Классик коммунизма, чей спор с Федором Достоевским попал в роман «Желток яйца» Василия Аксенова. **7.** Что обычно держал в руках, засыпая, Сальвадор Дали, чтобы получить вдохновение из мира видений? **10.** Поклонение звездам. **12.** Берестяной чехол для точильного бруска на поясе у русских косарей. **13.** Какой камень прежде украшал чаши для причастия? **14.** Самый титулованный биатлонист

в истории ОИ. **15.** Какой город приказал заложить Иван Грозный, когда шел третьим походом на Казань? **17.** Салонный танец из XIX века. **20.** «Посланник Аллаха на земле» у мусульман. **23.** Двукратный олимпийский чемпион из Польши, любивший повторять: «В боксе нет крутых, есть только те, кому еще не заехали в челюсть». **24.** «Начинка плова» у таджиков и узбеков. **25.** Каждое из языческих сказаний, какие цер-

ковь в свое время посчитала надругательством над верой. **28.** В каком городе основали третий по старшинству из университетов Англии? **29.** Практически «птица Феникс» у древних египтян. **30.** Королевская цапля. **32.** Жемчужина неправильной формы для португальцев. **35.** Шпанский голубь. **37.** Частица с антикварком. **38.** «Смягчитель» кожи лица у косметологов. **41.** Святилище античного храма. **42.** «Воздушное ампула» героя приключенческого фильма «Сломанная подкова». **43.** Англичанин, удостоенный вместе с коллегами Нобелевской премии за открытие пенициллина. **44.** Индийский боевой посох. **45.** Пригородная усадьба на Кубе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какую польскую фамилию сменил отец Ангелы Меркель за три года до прихода к власти Адольфа Гитлера? **2.** Гладиатор, сражавшийся со зверями. **3.** Великий князь киевский, участвовавший в составлении Русской правды. **5.** Шведская золотая монета. **6.** «Высшее образование» в сред-

невековой Европе. **8.** «Выбирайте: либо любить женщин, либо их понимать» (знаменитая куртизанка). **9.** Опус Иоганна Себастьяна Баха из посвящения ахматовской «Поэмы без героя». **11.** Мелкий служка в православной церкви. **16.** Испанское белое вино. **18.** Мордовская жалейка. **19.** С какой республикой связана военная линия фильма «12» Никиты Михалкова? **21.** Самая ядовитая морская змея в мире. **22.** Шерстяная ткань на знамени. **25.** Любимый натурщик Микеланджело, которому гений Ренессанса посвятил немало своих сонетов. **26.** Чего до безумия боится голливудский секс-символ Том Круз? **27.** Четвертая по длине река Южной Африки. **28.** Психоделическое регги. **31.** Джин в «Недолгих женах» Рудольфо Валентино. **33.** Деревянное блюдо под сливочное масло у латышей. **34.** Одна из дюжины лихоманок в славянских мифах. **36.** Сатирические куплеты на Рождество прежде у французов. **39.** «Жесткая» дисциплина в сноубординге. **40.** Великий Уильям Шекспир считал, что «... изнашивает больше одежды, чем человек».

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Парфе. **9.** Гнатион. **11.** Оппий. **12.** Серафим. **14.** Схима. **15.** Карвинг. **16.** Жираф. **18.** Бриум. **20.** Коматик. **23.** Лисид. **25.** Суро. **28.** Милонга. **29.** Эгоист. **30.** Мабу. **32.** Гугол. **33.** Шатар. **34.** Скоморох. **36.** Циртокара. **38.** Великая. **39.** Бипер. **40.** Софрито. **41.** Рында. **42.** Акеда. **43.** Пониток. **44.** Чарро.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Знахарь. **2.** Стамбул. **3.** Нос. **5.** Азавак. **6.** Фрик. **7.** Эпавлис. **8.** Чиано. **10.** Нефилим. **13.** Маланга. **17.** Фобифобия. **19.** Миссионер. **21.** Кулат. **22.** Щокур. **24.** Дидух. **26.** Вэнсы. **27.** Кофон. **30.** Маккормик. **31.** Багратион. **32.** Голицына. **35.** Атропос. **36.** Цандер. **37.** Жижка. **38.** Венды.

Уважаемые читатели! С 01 марта 2015 года открыта подписка на 2-е полугодие 2015 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию, на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам; 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2015 года, в любом отделении почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года. Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

